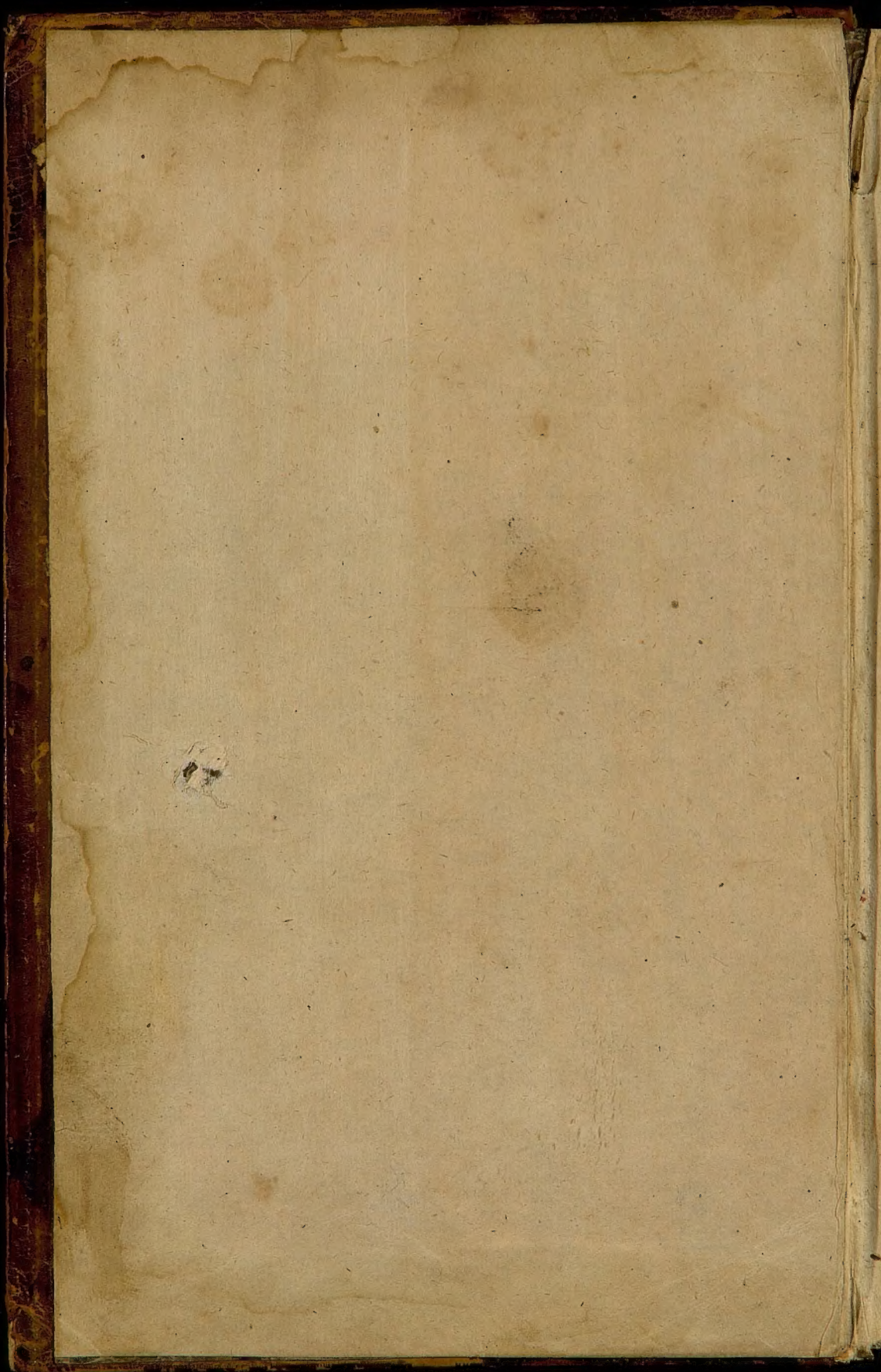
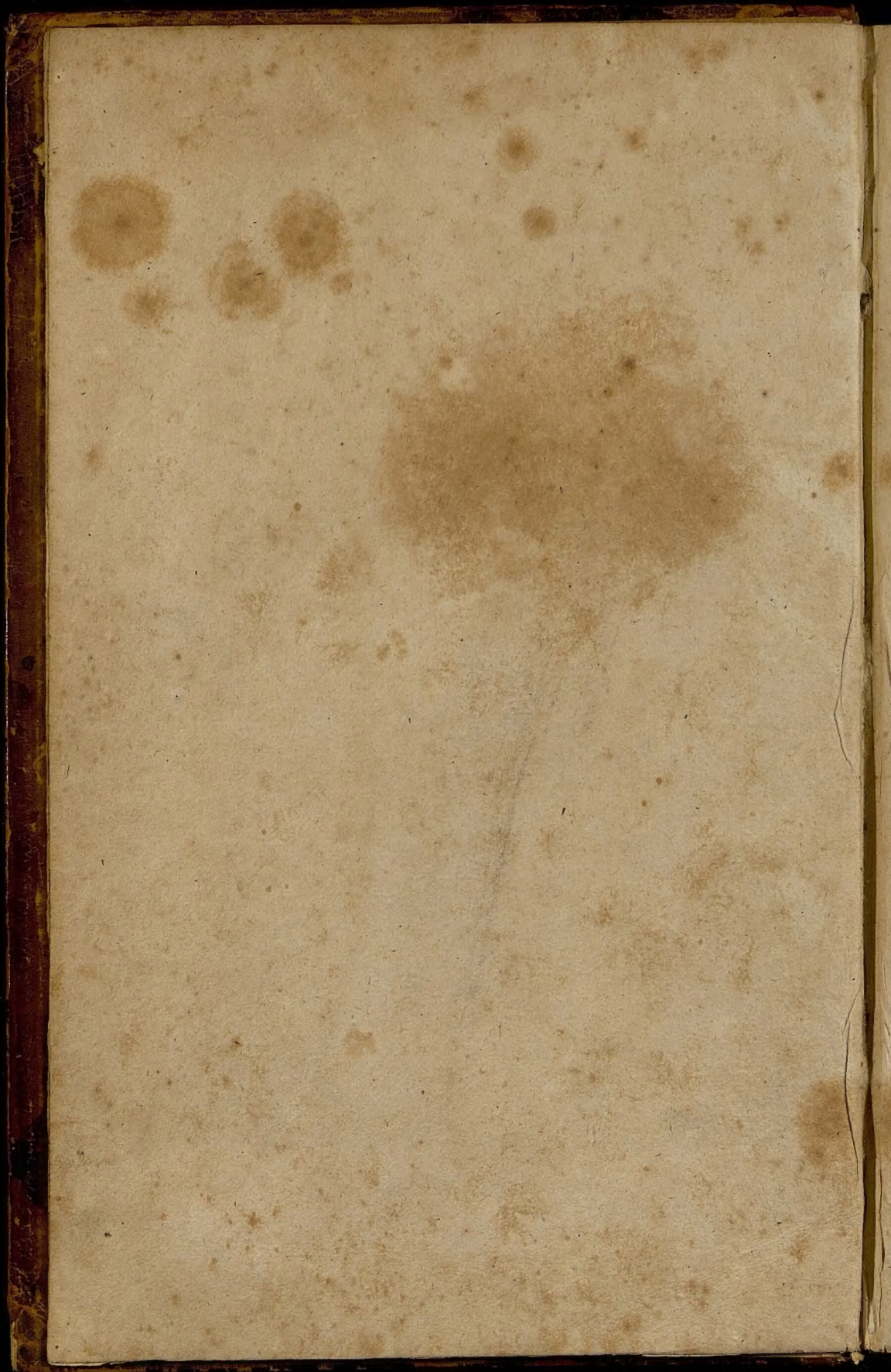

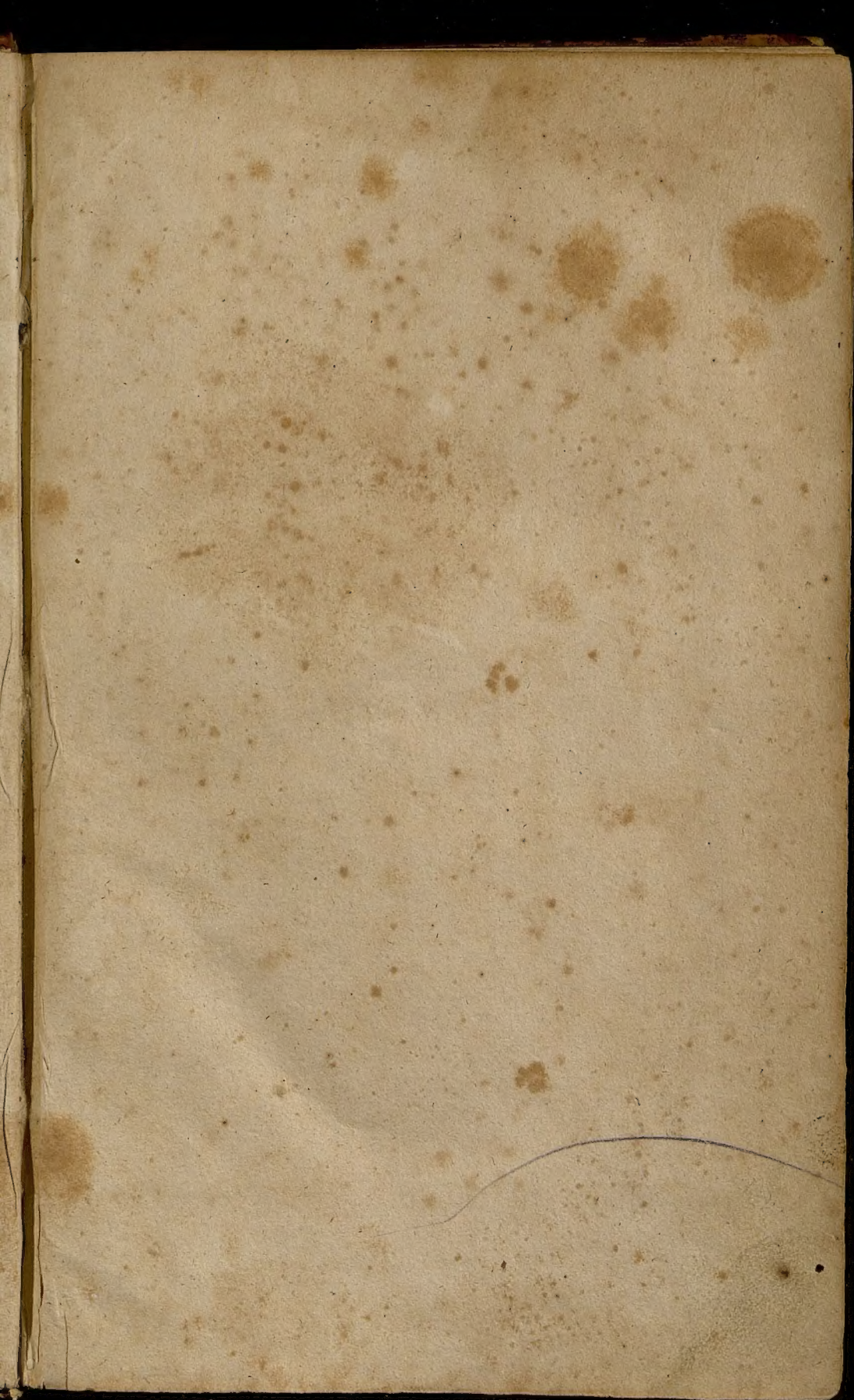

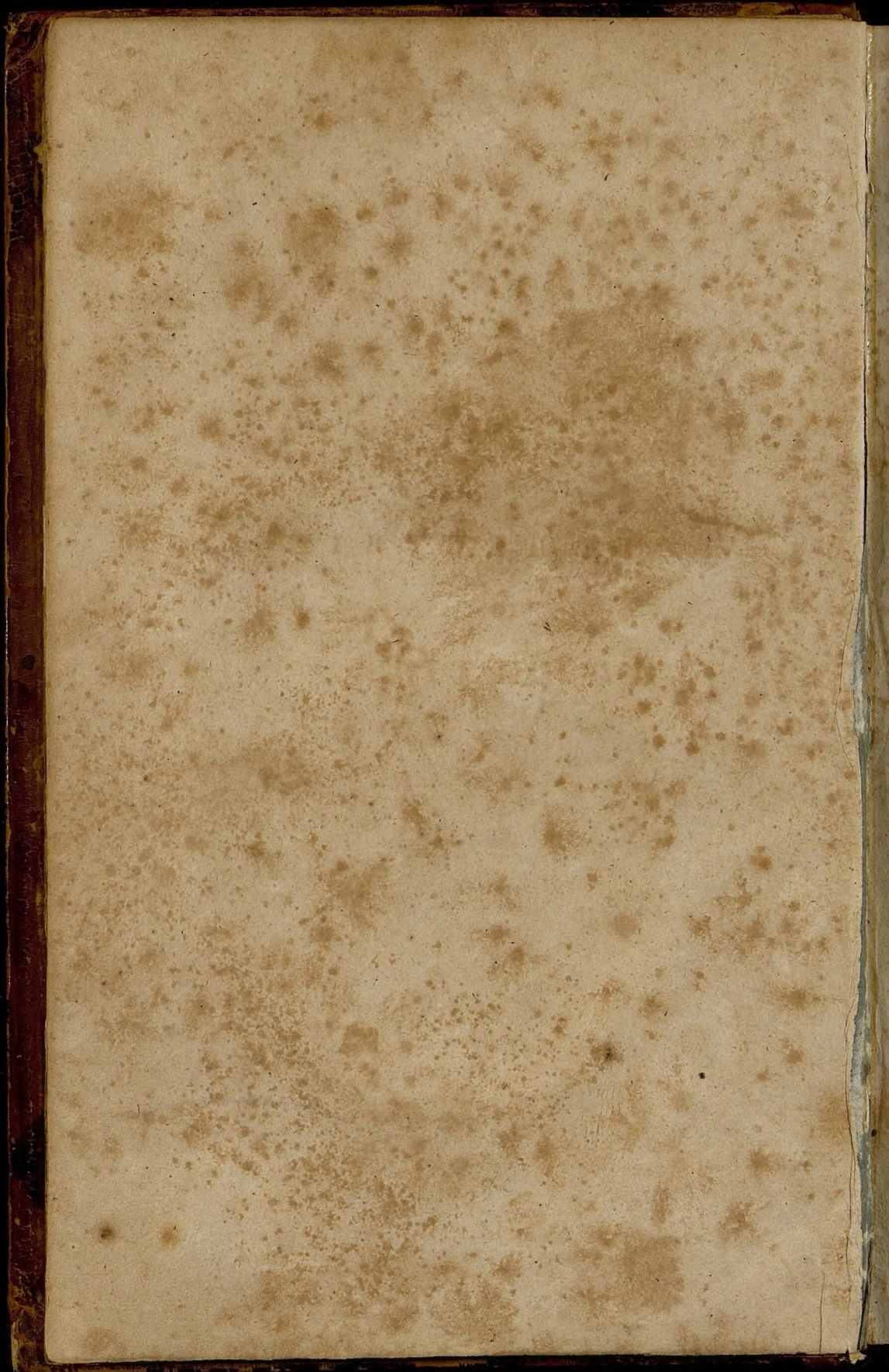

~~1881~~

1882.

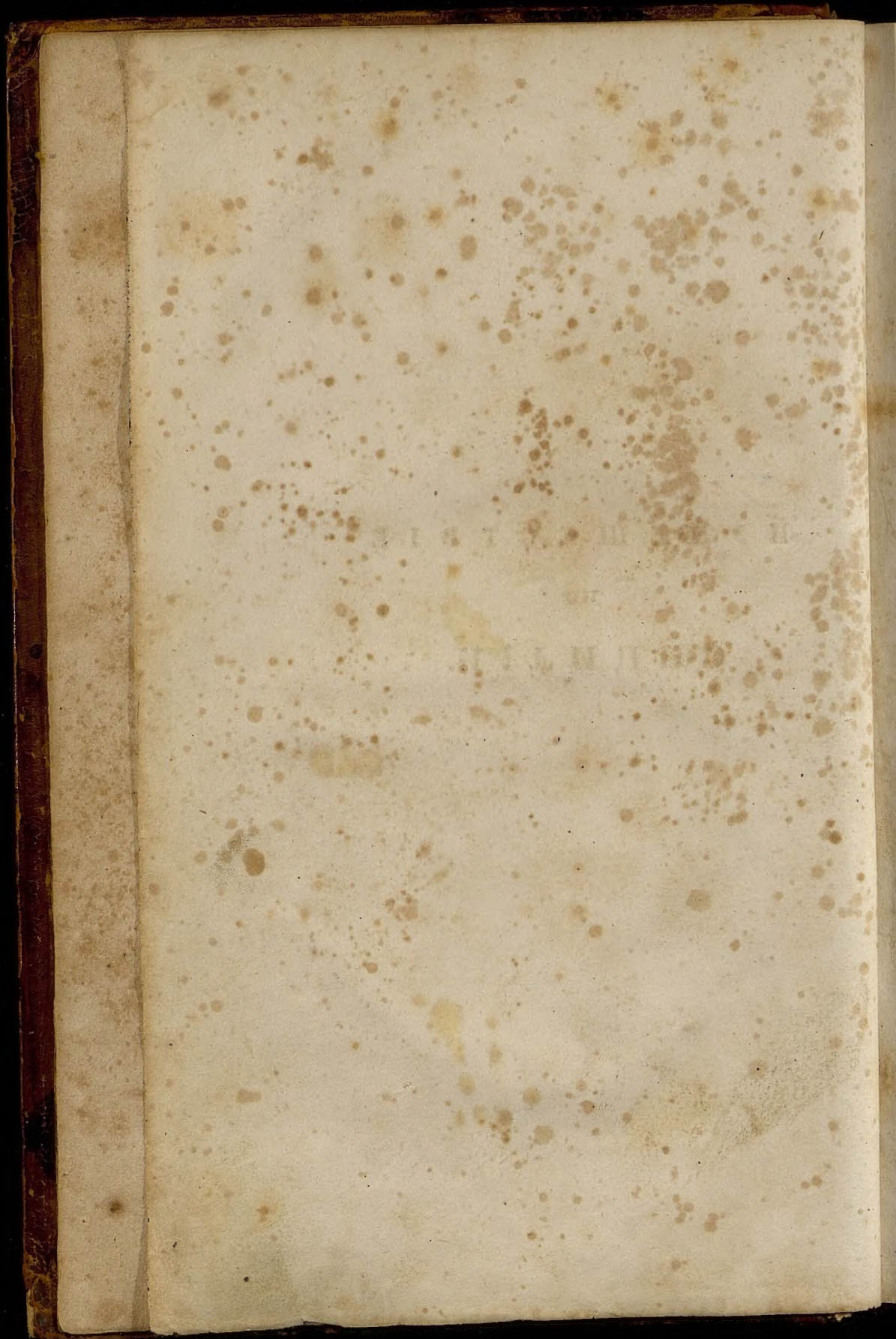

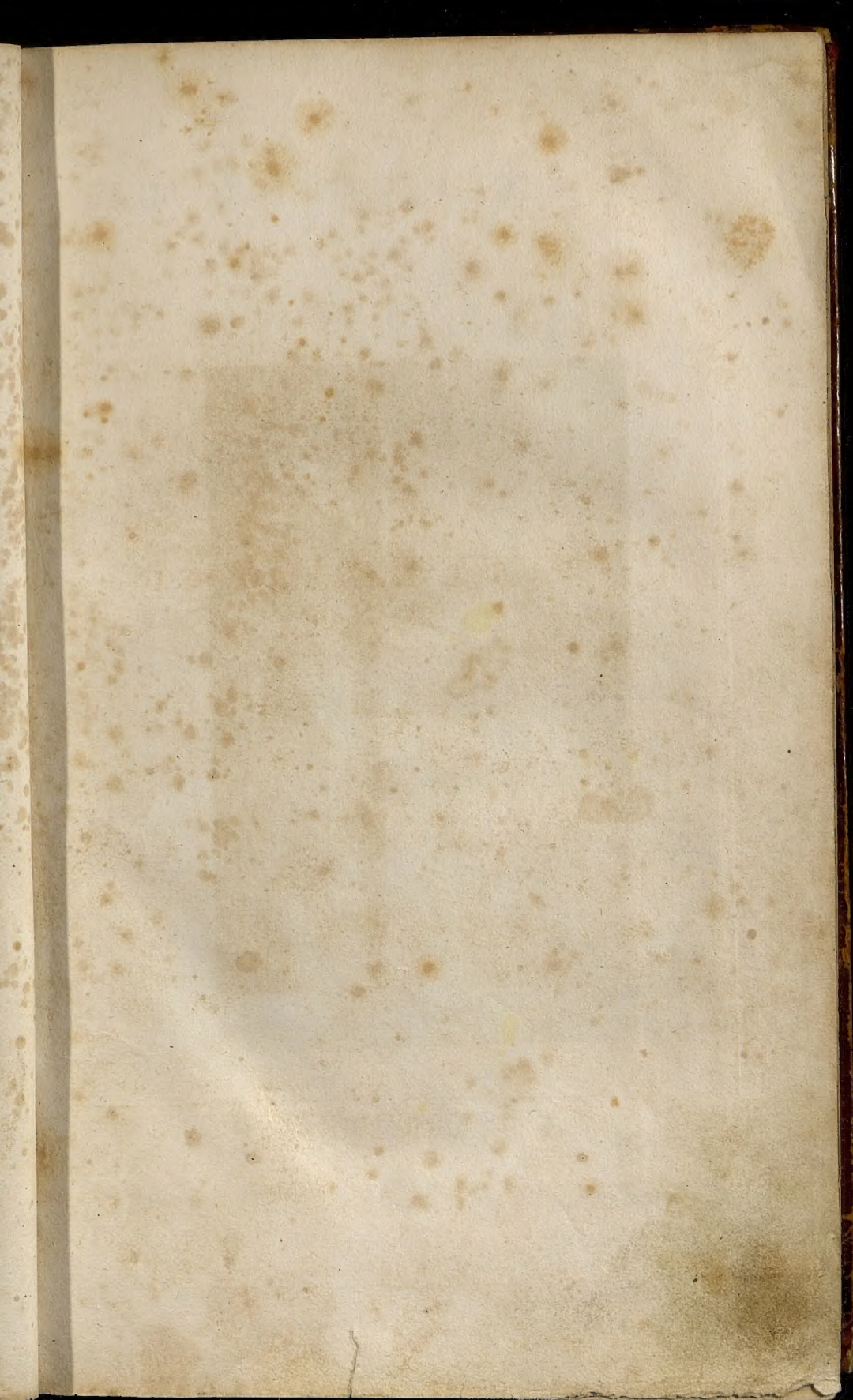

ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО

СИЦИЛИИ.

CHARYBDIS:
Stretto di Messina.

Aem. Lib. III. 430.

ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО

СИЦИЛИИ,

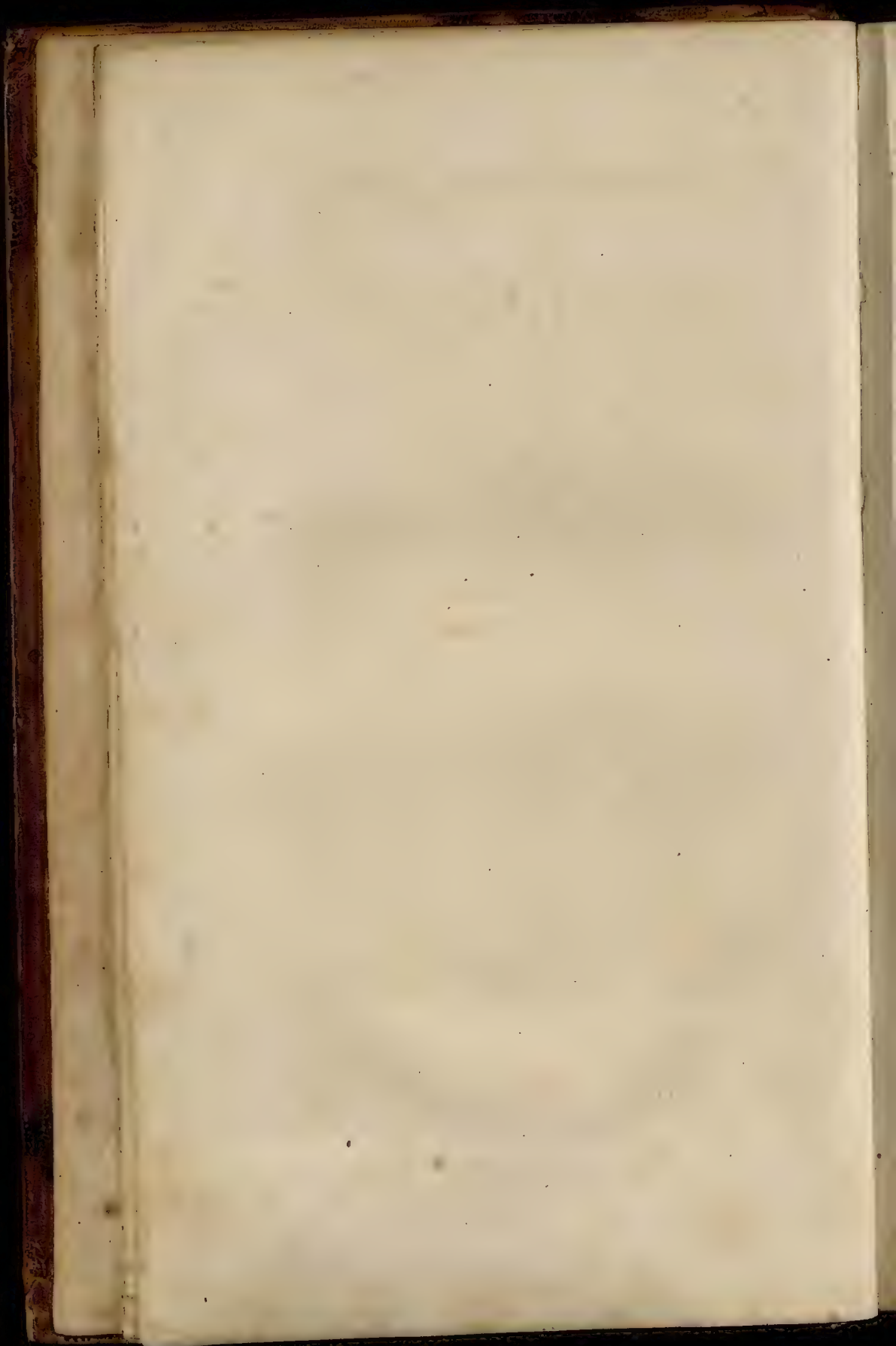
въ 1822^{мъ} году.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1828.

ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО

СИЦИЛИИ,

ВЪ 1822-МЪ ГОДУ;

А. Норова. № 1063

L'Italie et la Grèce ensemble confondues...

(St Victor, le Voyage du poëte.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Въ Типографіи Александра Смирдина.

1828.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типо-
графіи, представлены были въ Главный Цензурный Ко-
митетъ семь экземпляровъ сей книги, для доставленія
куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. С. Петербургъ.
Сентября 19 дня 1827 года.

Цензоръ Константинъ Сербиновичъ.

Его Императорскому Высочеству
Государю, Великому Князю
МИХАИЛУ ПАВЛОВИЧУ.

*Съ благоговѣніемъ посвящаетъ,
сочинитель.*

ПРЕДУВЪДОМЛЕНІЕ.

Избравъ изъ путевыхъ записокъ моихъ, опрывокъ относящійся до Сидиліи — я имѣлъ въ виду, что островъ сей, до селъ еще мало посѣщаемый путешественниками, можетъ болѣе занять вниманіе читателей, чѣмъ иная страна, ежегодно обозрѣваемая и описываемая. Сидилія, есть одно изъ тѣхъ мѣстъ земнаго шара, которыя сильно дѣйствуютъ на воображеніе. Многіе гении древности обязаны ей своими вдохновеніями. Какой философъ или натуралистъ, не погруженный въ задумчивость при взглядѣ на феномены ея природы? Какой поэтъ или живописецъ не воспламенился ея райскимъ небомъ, великолѣпнѣмъ несравненныхъ ландшафтовъ, величіемъ древнихъ храмовъ, возвышающихся или поверженныхъ на берегахъ моря? — Я остался довольнымъ, если книга моя пробудитъ въ читателяхъ тѣ мечты кои родила во мнѣ земля сія.

Сожалѣю, что не имѣю способовъ издавать принадлежащее къ сему путешествію, большое собраніе живописныхъ видовъ. Главная часть оныхъ, состоятъ изъ *смѣлыхъ* рисунковъ извѣстнаго нашего пейзажиста Г-на Маш-

вѣва, которій, по долголѣтнемъ пребываніи въ Италіи, недавно кончилъ жизнь свою въ Римѣ. Буду надѣясь, что время предсавившій мнѣ случай сдѣлашь извѣстнѣе сіи прекрасныя произведенія Русскаго художника.

Въ заключеніе, прошу у моихъ читателей списхожденія къ тѣмъ неисправностямъ, кои могуць вкраспѣся въ книгу, изданную въ описуемое сочинители.

ПОЯСНЕНІЕ

видовъ, карты, плана, медалей и виньетовъ, принадлежащихъ къ сему Путешествію.

В И Д Ы:

1. *Charybdis, Stretto di Messina*. ХАРИБДА (передъ заглавнымъ листомъ 1-ой части; описаніе же сего вида находится во II-й ч. Гл. XVII стр., 2—5.)

Сей знаменитый подворотъ представленъ на первомъ планѣ сего ландшафта, при W въпрѣ соединеннымъ съ теченіемъ изъ Тирренскаго моря; волны по направленію къ SW, стремящіяся къ косѣ маяка Св. Салвадора, откуда снятъ сей видъ. — На противоположащемъ берегу Калабріи, виденъ городокъ *Сцилла* съ ужасными скалами сего имени.

2. *Selinus, Selinunto*. СЕЛИНОНТЬ. (Ч. I. противъ стран. 161.)

На первомъ планѣ представлены колоссальныя развалины храма Юпитера, описаннаго на стран. 163 — 4-й. Прочіе храмы видны ближе къ берегу моря. Художникъ представилъ посреди сего разрушенія нападеніе Варварійскихъ корсаровъ; — таковыя сцены нерѣдко происходятъ на сѣмъ берегу, когда Неаполитанское Правительство не находится въ дружелюбныхъ сношеніяхъ съ ними.

3. *Scyllasum, Scilla*. СЦИЛЛА. (Передъ заглавнымъ листомъ II-й части; описаніе же находится въ концѣ онаго тома, на стр. 238 — 40.)

Первый планъ представляетъ портикъ одного казеннаго зданія городка Сциллы. Изъ подъ сводаго онаго открывается прекрасный видъ на мрачную береговую скалу, которая, съ прилежащими къ ней подводными камнями, образуетъ баснословную Сциллу Гомеровою Одиссей, столь ужасную для древнихъ мореплавателей. На вершинѣ скалы виденъ укрѣпленный замокъ.

4. Cyclosum scopuli. *Isole della Trizza*. СКАЛЫ ЦИКЛОПОВЪ.
(Ч. II, противъ стр. 142-й.)

Видъ ихъ чудесно-образованныхъ базальтовыхъ скалъ, снятъ съ споронъ моря. — Дымящаяся Этна и бѣлющая зданія Катаніи, соспалляють глубину ландшафта; — низайшая скала, находящаяся по правой споронѣ, есть та самая, которую Виргилій назначаетъ убѣжищемъ Ахеменида, забытаго Улиссомъ. Одно бѣдное семейство пропитывается берегового селенія, *Трицы*, имѣетъ на ономъ скудный огородъ.

5. Aetna. Monte Gibello. ЭТНА. (Ч. II, противъ стр. 159.)

Сей видъ снятъ на пол-высотѣ самой Этны, за мѣстечкомъ *Николози*. Цозади часовни, нѣсколько въ право, возвышающіяся шакъ называемыя *красныя горы*, *Monte-Rossi*.

Всѣ сии пять ландшафтовъ, не токмо по своему живописному достоинству и по отличной гравировкѣ, но и по вѣрности, съ каковою они передають волшебный видъ сихъ мѣстъ, заслуживаютъ вниманіе. Они рисованы и гравированы однимъ извѣстнымъ художникомъ въ *Карлсруэ*. Сии самые 5 видовъ включены теперь въ одно прекрасное собраніе 30-ти видовъ Виргилевой Энеиды, изданное во Франкфуртѣ на Майнѣ.

6. Мѣстоположеніе древняго АГРИГЕНТА. (Ч. I, противъ стр. 125.)

Жипель *Жиржентти*, нынѣшняго Агригенна, Г. Архитекторъ Подишш, снялъ сей видъ для меня съ террасы загороднаго монастыря Св. Николая. Если исключишь нѣкоторыя неправильности (принадлежащія гравировкѣ) въ пропорціяхъ деревъ и растеній, — видъ сей показываетъ съ большою точностію мѣстоположеніе древняго города, описанное на стр. 125—126.

7. ТАОРМИНА. (Въ концѣ или въ началѣ II ч. — Описаніе на стр. 190 и въ гл. XXXIV, той же части.)

Видъ сей гравированъ въ маломъ видѣ съ превосходнаго рисунка Г. Мацвѣева, изъ находящагося у меня собранія живописныхъ видовъ сего пейзажнаго. Расположенное внизу, селеніе, есть мѣстечко *Джардини*; — возвышающаяся пирамидально, надъ городомъ Таорминою, скала,

увѣнчанная замкомъ,—гора *Мала*; а крайнія къ рамкѣ скала,—гора *Таверъ*, на коей построены древній театръ. Сія гравировка есть опынъ молодого Русскаго художника,

8. КАРТА СИЦИЛИИ. (Противъ 1-й стр. Введенія.)

Карта сія уменьшена съ одной весьма хорошей топографической карты, изданной въ Германіи, безъ имени сочинителя; будучи сравнена съ другими картами и исправлена на мѣстѣ, она можетъ удовлетворить читателя, своею подробностію. Я примѣнилъ ее и къ древней Исторіи; мѣста древнихъ городовъ опредѣлены по ученымъ изслѣдованіямъ *Клуверія*, *Фациеллы*, *Д'Орвилля*, *Д'Авила* и повѣрены собственными моими замѣчаніями во время путешествія,

Древнія мѣста суть тѣ, кои подчеркнуты, или гдѣ прибавлено слово: *др.*

9. ДВѢ ДОСКИ МЕДАЛЕЙ ДРЕВНИХЪ СИЦИЛИЙСКИХЪ ГОРОДОВЪ. (1-я доска въ концѣ 1-й, а 2-я въ концѣ 2-й части.)

Медаль сіи сняты съ лучшихъ Археологическихъ рисунковъ. 1-я доска: Первая медаль, показываетъ аллегорическое изображеніе Сициліи. Голова Меркурія означаетъ промышленность; колосья,—плодородіе, а при человѣческія ноги, при мыса сего острова. Въ 1-й медаль Панормы, Пуническія буквы, ледъ, пальма, показываютъ происхожденіе ея колоній изъ Карфагена. На другой медаль представлена голова Цереры и Гиппогрифъ. Монета Агригенна представляетъ орла, держащаго въ когтяхъ своихъ, зайца,—по причинѣ большого числа орловъ, вѣщающихъ надъ высокими скалами сего города; изображеніе раба и рыбы показываетъ приморской городъ. — Монета *Геллы*, основанной Миносомъ, представляетъ по сей причинѣ, Миношавра острова Крита.

2-я доска: Изящныя монеты Сиракузскія изображаютъ голову Нимфы Аретузы, *квадригу* и Славу. — Монета Катанін: главу Аполлона, *квадригу* и Славу. — Слова: *ΕΥΛΟ*, начертанныя на знаменіи, находящемся въ рукѣ олицетворенной Славы, составляютъ начало слова-

ЕТЛОГНА, которое было кликомъ побѣды у Грековъ, во время ристалищъ. Монета *Наксоса*: неизвѣстную голову и Фавна съ чашею, посреди виноградниковъ.

11. Виньетъ заглавнаго листа I-й части, изображающъ мысь Орlando, описанный на спран. 255—4 оной части.
12. Виньетъ заглавнаго листа II-й части, изображающъ развалины Греческаго театра, древняго Тавроменіума, (Таормины), описаннаго на спр. 192—197 оной части.
13. ПЛАНЪ ДРЕВНИХЪ СИРАКУЗЪ. (Ч. II-я, въ началѣ, пропущенъ оглавл.)

Планъ сей основанъ на заключеніяхъ *Дорвилля*, *Летрона*, *Бопани* и *Гёллера*, кои я сравнивалъ на мѣстѣ; всѣ главныя мѣста, о коихъ говорятъ *Оукидидъ* и *Титъ-Ливій*, здѣсь опредѣлены. Объявленный на спран. 87-й, I-й части, списокъ съ древнихъ Палермскихъ надписей, находящихся въ книгѣ Историка Фацеллы: *de Rebus Siculis*, — здѣсь не приложенъ, ибо списокъ Фацеллы найденъ не довольно вѣрнымъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Введеніе:

	Стран.
I. Времена баснословныя.	1.
II. Времена Историческія.	12.
III. Краткое Географическое и Статистическое описаніе Сициліи.	18.
IV. Древнее просвѣщеніе Сициліи.	28.

Путешествіе:

Главы:

I. Отплытіе изъ Неаполя.	49.
II. Палерма.	62.
III. Палерма.	74.
IV. Окрестности Палермы. — Багарія. — Солунтъ.	92.
V. Дорога изъ Палермы въ Агригентъ. — Внутрен- ность Сициліи.	106.
VI. Агригентъ.	117.
VII. Агригентъ.	125.
VIII. Агригентъ.	141.
IX. Дорога изъ Агригента по югозападному бере- гу. — Монте-Аерно. — Сиккуляна. — Шьяка.	150.
X. Селионитъ. — Маццара	162.
XI. Лилибей или Марсала. — Островъ Пантеле- рія. — Африканскій мысъ Меркуріевъ.	175.

- XII. Дрепанумъ или Трапани. — Гора и городъ
Эриксъ или Сен-Жульио. 183.
- XIII. Храмъ Сегеста. — Алькамо. — Возвратъ въ
Палерму. 200.
- XIV. Палерма. — Монте-Реале 211.
- XV. Ошпыише изъ Палермы. — Термини. — Честалъ. 224.
- XVI. Острова Липарскіе. — Милацо. — Пролівъ
Фаросскій. — Мессина. 235.
-

РАЗСТОЯНІЯ ГЛАВНЫХЪ МѢСТЪ

СИЦИЛИИ.

(Передъ картою Сициліи.)

Отъ ПАЛЕРМЫ до МЕССИНЫ:

	Ит. м.
Термини	20.
Чѣфалѹ	20.
С. Стефано	15 $\frac{1}{2}$.
Паттѣ	52 $\frac{1}{2}$.
Мплато	22.
МЕССИНА	19 $\frac{1}{2}$.

Отъ МЕССИНЫ до СИРАКУЗЪ:

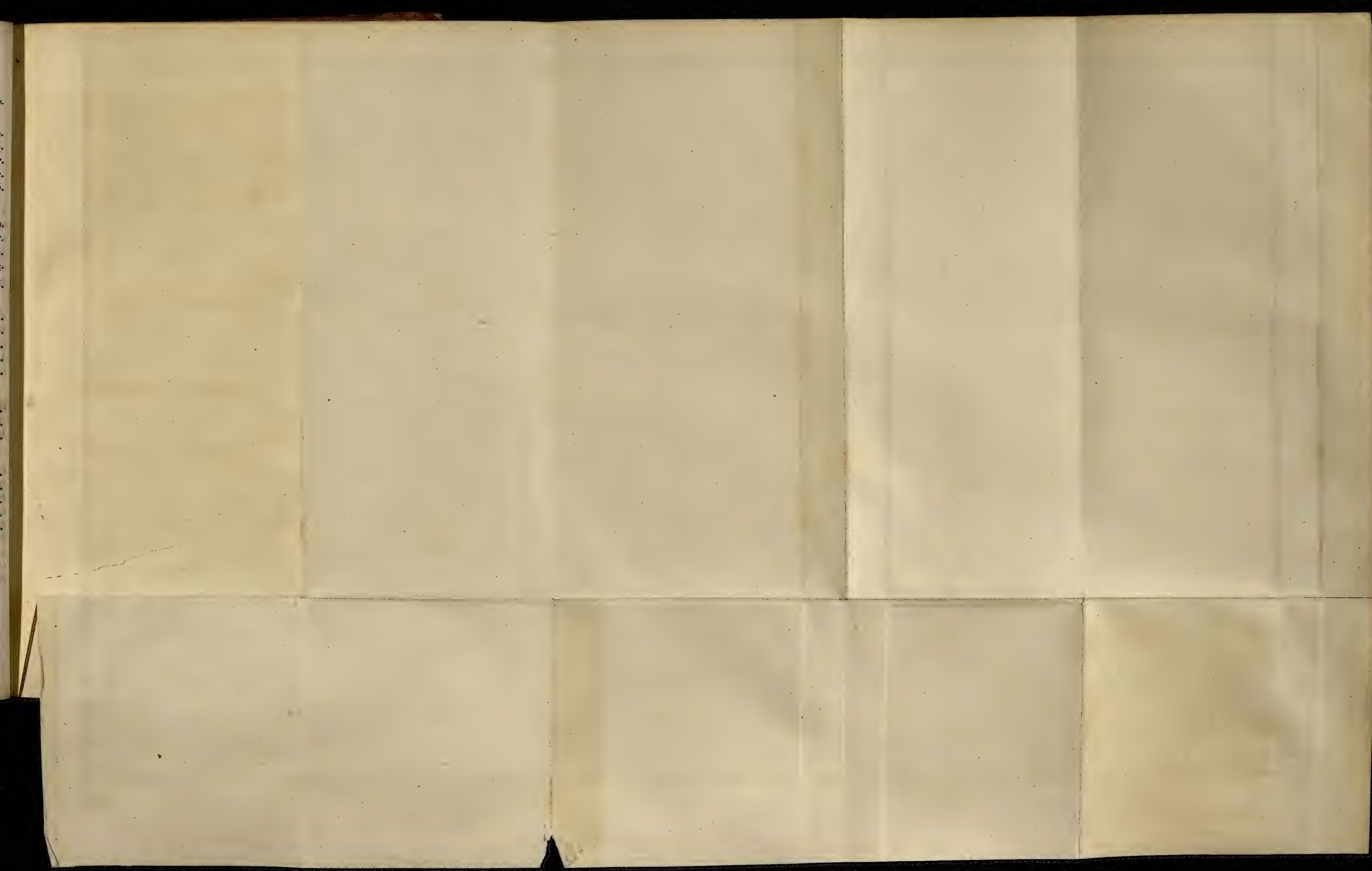
Таормина	29.
Ачи Реале	18.
КАТАНІЯ	8.
Августѣ	18.
СИРАКУЗЫ	15.

Отъ СИРАКУЗЪ до М. ПАССАРО:

НОТО	19.
Пажинѣ	15 $\frac{1}{2}$.
Мысѣ Пассаро	3.

Отъ М. Пассаро до ЖИРЖЕНТИ.

Спакафурно	13.
Модика	8.
Рагуза	3.
Колисѣ	7.
Витторіа	5.
Терра - Нова	14 $\frac{1}{2}$.
Аликанѣ	16.
Пальма	9 $\frac{1}{2}$.
ЖИРЖЕНТИ	14 $\frac{1}{2}$.

СИЦИЛИЯ.
По путешествію
А. Норова.

въ 1844 году.

ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО

СИЦИЛИИ.

ВВЕДЕНІЕ.

I.

ВРЕМЕНА БАСНОСЛОВНЫЯ.

Тогда, безпечныя народовъ племена
Путей среди лѣсовъ и горъ не пролагали
И ралою никогда полей не раздирали;
Не зрѣли на поляхъ сноповъ и рубежей,
И кущи сельскія сполли безъ дверей...

(Тибуллъ. Перев. Батюшк.)

Преданіе, коего начало сокрыто въ самыхъ отдаленныхъ вѣкахъ, повѣснваетъ, что Гиганты были первыми обитателями Сициліи. Необыкновенной величины кости и даже скелеты, найденные, по увѣренію многихъ Писателей, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сего острова, какъ то: у подошвы горы Эриксы, въ Палермѣ, въ Испикѣ и въ поляхъ между

Ленпиною и Сиракузами, укоренили сіе мнѣніе, основанное на одномъ спискѣ Моисеевой книги Быпія. (1)

Фацелло, ученый и трудолюбивый, но легковѣрный Сирмійскій Историкъ XVI вѣка, говоритъ утвердительно всѣхъ прочихъ о существованіи Гиганшовъ въ Сициліи. (2) Другой писатель, той же земли, не менѣе знаменитый, Маріо Вальгварнера, (3) не отвергаетъ доводовъ Фацеллы, но Дорвилъ (4) ничему подобному не вѣритъ. Не опредѣляя степени вѣроятія сихъ предположеній, я приглашаю желающихъ знать подробности о семъ предметѣ, прочесть любопытныя разсужденія упомянутыхъ писателей и нѣкоторыхъ другихъ, называемыхъ мною при семъ, въ примѣчаніи. (5)

Евсебій, а за нимъ Инвигесъ и Вальгварнера полагаютъ, что первыми жителями Сициліи были племена Явана, сына Аеетова, ибо въ книгѣ Быпія (6) сказано, что сыны его раздѣлили между собою острова земли; при чемъ Евсебій замѣчаетъ, что Сицилія, будучи самымъ знаменитымъ оспровомъ, dospалась во владѣніе спаршему изъ сыновей Ае-

(1) Исполни же бяху на земли во дни оны: и попомъ, егда вхождаху сынове Божіи къ дочерямъ человеческимъ, и раждаху себѣ: тѣмъ бяху исполни, иже отъ вѣка, человецы пмениши.

(2) *Fazello*, Th. de reb. Sic. Dec. I. lib. I, cap. VI. ed. Pan. 1558.

(3) *Mario Valguarnera*.

(4) *Ph. D'Orville*. Sicula, quibus Siciliae vet. rud. etc. ed. Burmannus Amst. 1764. Fol.

(5) *Boccacius*. J. Geneal. Deorum. I. IV. Cap. LXVIII. *Ath. Kircheri*. Mundus subter. Amst. 1665. fol. T. II. c. IV. p. 53. et seq. — *Lancelotti* (P. D. Sec.) *PHoggidi*. dising. XXIX. p. 358 et seq. Venet. 1630. — *Beros Antiq. Lib. I.* — *Plin. lib. VII, c. 16.*

(6) Гл. X. c. 5. —

повыхъ, Явану. Наконецъ, я скажу словами Оуки-
дида: „Древнѣйшіе обитатели нѣкоторой части
„сей страны были Киклопы и Леспригоны. Я не
„знаю ни ихъ племени, ни времени ихъ пришествія,
„ни куда они переселились. Доспачно того,
„что объ нихъ сказано Пиннами, — и пусть изъ се-
„го каждый выводитъ свое заключеніе. (1)

Поразительное зрѣлище изверженій Этны, столь
новое для первыхъ человѣковъ, рѣдко покидавшихъ
свои домашніе крѣпости, подало поводъ къ сверхъ-
естественнымъ вымысламъ о Сициліи. Кромѣ того,
дикость и жестокость первыхъ ея обитателей,
имѣвшихъ обыкновеніе умерщвлять чужеземцевъ;
ярость вѣчно бующаго моря въ проливѣ Фарос-
скомъ, и по несовершенству мореплаванія, гроз-
ныя, болѣе чѣмъ нынѣ, пучина Харибда и скалы
Сициліи, — сдѣлали сей островъ спрашивищемъ
приближавшихся къ нему мореходцевъ. Жилища
сихъ дикихъ племенъ, состоявшія изъ вертеповъ,
изсѣченныхъ въ скалахъ, сохранились доселѣ. (2)
Синъ убѣжища первобытныхъ людей разсыяны по
всему пространству Сициліи, особенно въ провин-
ціи называемой: *Валь-ди-Нотто*; (3) тамъ онѣ испе-

(1) Thucyd. L. VI. in principio. Въ книгахъ Сициліи, по свидѣтель-
ству Евстація, толкователя Гомера, сказано: что основатель
племени Сицилійцевъ былъ Тринаксъ, сынъ Нептунъ. Слова Си-
циліи суть слѣдующія: Siciliam condidit Trinacus heros, filius
pontum curantis Neptunni.

(2) Gentem Cyclopum vasti testantur specus. Laestrigonum sedes adhuc
sic vocantur. (Solinus. c. X, ed. Ald. 1518.)

(3) Сицилія, сама по себѣ, столь изобилна природными пещерами,
что одинъ новѣйшій Географъ справедливо называетъ ее *стра-
ною пещеръ*. (Hasscl. Erdbeschr. der Halb-insel Italien.)

пріюють цѣлые ряды скалъ и часто находятся на самыхъ недоступныхъ вершинахъ, (1) гдѣ вѣроятно онѣ сдѣланы были съ цѣлю защиты отъ непріятельскихъ набѣговъ. Туда досягали живущіе, по веревочнымъ лѣстницамъ и задвигали себя большими досками; а тѣ, кои обитали въ нижнихъ ярусахъ, заключались туда вмѣстѣ съ своими сплдами. (2) По сю пору, въ Сициліи, многіе бѣдные пастухи не имѣютъ другихъ жилищъ, кромѣ сихъ пещеръ. (3)

Находя сн вѣрные слѣды образа жизни первоначальныхъ обитателей Сициліи, не лзя не замѣтить вѣрности Гомерова описанія этой страны въ дикомъ ея состояніи:

„Удрученные печалію, мы приплыли къ берегамъ
„грозиыхъ и своевольныхъ Киклоповъ; они, полага-
„ясь на безсмертныхъ боговъ не сѣютъ и не пахутъ;
„но несѣяная и непаханная земля ихъ все произра-
„щаетъ. Пшеница, великія гроздія винограда, упуч-
„няемыя дождями Зевеса, заспилаютъ ихъ долины.
„Сн люди не имѣютъ ни общественныхъ совѣща-
„ній, ни законовъ, но обитаютъ на вершинахъ
„бремнистыхъ горъ, въ глубокихъ пещерахъ, —
„повелѣвая своими женами и дѣтьми и не заботясь
„другъ о другѣ.“

(Одис. кн. IX.)

- (1) Plato conjicit, post terrarum inundationem treis exstisse vitae de-
gendae formas; primam in summis montium cacuminibus, simpli-
cem ed agrestem. (Strab. L. XIII.)
- (2) См. Xenoph. de Exped. Cyri L. IV, гдѣ онъ говоритъ о жизни
Армянъ.
- (3) Juv. Sat. VI. 1 — 7.

Дикіе люди сіи, занятыя единственно лови-
вою, видимы бывали толпами на берегу моря, все-
гда вооруженные огромными дубами, равными ихъ
росту, который былъ необыкновенный. (1) На верх-
ней почечности сихъ луковъ просверливали они
круглое опверстіе, сквозь которое наблюдали свою
добычу, спрятавшись за скалами или деревьями, —
и вотъ начало басни объ *однокитѣ* Циклопахъ.

Чтобъ дать понятіе о грозной славѣ Сициліи
въ опдаленныхъ вѣкахъ, я приведу изъ Эврипида,
разговоръ занесеннаго бурею на ея берегъ, Улисса,
съ Силеомъ, находившимся въ пѣлу у Полиеема.

Улиссѣ. Какъ называется страна сія и кто ея
обитатели?

Силеѣ. Ты находишься въ области Эпиры, высо-
чайшей горы Сициліи.

Улиссѣ. Но я не вижу ни стѣнъ, ни башенъ
городовъ?

Силеѣ. Они не существуютъ, и горы сіи, о
чужеземецъ, лишены обитателей.

Улиссѣ. Обладаетъ ли кто сею землею? Живутъ
ли здѣсь какіе звѣри?

Силеѣ. Здѣсь бездомные Киклопы.

Улиссѣ. Повинуются ли они кому или сами со-
бою управляются?

Силеѣ. Они суть бродячіе пастыри и свое-
вольны.

(1) Бюффонъ и другіе Натуралисты соглашались въ томъ, что
первый родъ человѣковъ превосходилъ нынѣшній ростомъ и си-
лами. (Buff. Epoque de la Nat.)

Улиссѣ. Сѣютъ ли они даръ Цереры, или чѣмъ инымъ питаются?

Силей. Они насыщаются млекою и сыромъ и кормомъ своихъ стадъ.

Улиссѣ. Не извлекаютъ ли они пищи изъ гроздй винограда?

Силей. Нѣтъ, земля ихъ безплодна.

Улиссѣ. Но гостепріимны ли они и сострадательны ли къ спранникамъ?

Силей. Они говорятъ, что нѣтъ ничего слаще мяса чужеземца.

Улиссѣ. Что ты въцаешь? ужели они пожираютъ челоѣковъ?

Силей. Никакой пришелецъ не возвращался отсюда живымъ. —

Вошъ въ какомъ видѣ, Древніе представляли себѣ Сицилію. Они полагали ее преддверіемъ ада; но, въ послѣдствіи, нѣкоторые спранснгователи, побѣдивъ первыя впечатлѣнія страха, производимыя горячею Эпною, увидѣли необычайное плодородіе сей земли и нашедъ случайно распушіе сами по себѣ колосья, столь обрадованы были важнымъ открытіемъ хлѣба, что признали Цереру за покровительствующее божество острова, и отъ сего произошла баснь, что сія богиня въ первый разъ показала образъ свой челоѣкамъ въ Сициліи (1) и что Юниперъ далъ эту спрану въ приданое ея дочери, Прозерпинѣ, при бракѣ сей послѣдней съ Плутономъ.

(1) Diod. Sic. lib. II, c. 11. — Cic. in Verr. Act. II, IV. L. c. XLVIII. —

Мифологи повѣствуютъ, что Минерва, Діана и Прозерпина, условившіяся между собою сохранить свое дѣвство, были воспитываемы въ лугахъ Сициліи. Тамъ онѣ собирали покровъ изъ прелестныхъ цвѣтовъ и поднесли его въ даръ Юпитеру. Тамъ похищена была Плутономъ, въ веселыхъ долинахъ Эны, юная Прозерпина и увлечена имъ въ подземное царство. Церера, невѣдавшая объ участи своей дочери, возжгла два свѣшильника пламенемъ Эны и обжегла всю землю въ колесницѣ, запряженной двумя драконами, ища милую дочь и награждалъ гостепріимныхъ смертныхъ съменами хлѣба. (1)

Тамъ, гдѣ вѣчно ясное небо, гдѣ во все времена года, Природа не переставаетъ творить и разсыпаетъ неисчислимыя дары свои, тамъ люди не должны были знать никакой нужды. Сама Природа, нѣжная мать, кормила и согревала чадо своихъ. Съ младенчества, вздѣланныя благошворною атмосферою, они съ первымъ дыханіемъ знали уже нѣгу и любовь. Тамъ, гдѣ сама земля производила безъ посѣва колосья, гдѣ лучшіе плоды обременяли деревья, гдѣ тучныя пажити, орошаемыя обильными потоками воды, предлагали неуываемый кормъ для скота, — гдѣ болѣе пищи для праздности? — Но тогда праздность не была еще матерью пороковъ; она произвела въ первые вѣки міра, Пoesію, музыку и Астрономію. Первобытныя

(1) Мраморы острова Пароса или такъ называемые: *Арундельскіе*, опредѣляютъ сію эпоху за 1409 л. до Р. Х. (N. XII)

обитатели Сициліи, сіи счастливые смертные, проводили дни свои въ созерцаніи Природы, коей самыя чудесныя явленія были принадлежностями ихъ оспрова. Любовь, пѣсни, ловишва и попеченія о спадахъ, были ихъ занятіями: „Сердце мое, не завидуешь царству Пелопса, ни его злату,“ говоришь одинъ Сицилійскій пастырь устами безсмертнаго Теокрыта, — „я не желаю упреждашь въпра быспрошою моего бѣга; я слишкомъ, уже счастливъ, если, сидя подъ нависшею скалою, могу играшь на свирѣли, прижимаешь себя къ груди моей, милая Дафна и глядишь на спада наши, бѣгающія съ кремнистыхъ горъ къ берегамъ шумящаго моря.“ (1) Такова была жизнь Сикановъ, первыхъ поселенцевъ на семь оспровъ, по преданіямъ Исторіи. Выраженіе блаженства было первою ихъ пѣснею; въ послѣдствіи, вѣтеръ играющій въ просѣнкахъ спящихъ водъ, открывъ имъ тайну свирѣли, и досуги ихъ усладилъ звуками гармоніи. Они соединили ее съ Поэзіею, и сославили *Вуколитескія* поэмы. Превосходство въ вымыслѣ пѣсенъ, сдѣлалось между ними предметомъ невинныхъ состязаній, опредѣлявшихъ часпо первенство одного надъ другимъ. Дафнисъ былъ изобрѣшателемъ такого рода Поэзіи; имя сего Сицилійскаго пастыря, особенно покровительствованнаго Музами, служило вдохновеніемъ для его послѣдователей. Среди столь чистыхъ наслажденій проходила жизнь сихъ счастливыхъ! Бышь

(1). Theocr. Id. VIII.

могущь, одинъ мученія любви нарушали ихъ покой, и только разсѣванія съ милой, или съ другомъ, извлекали ихъ слезы.

Нельзя полагать, чтобъ сии мирныя семейства пастырей и рыбаей долго оставались въ такомъ невинномъ благосостояніи; оно не удовлетворяетъ челоуѣка! Съ умноженіемъ общества, возрасли и нужды и произошли раздѣленія. Ихъ счастье обратило на себя зависимость сосѣдственнаго съ ними народа, — Сиколовъ, обитателей Калабріи, коихъ частыя набѣги принудили мирныхъ островитянъ искать способовъ защищенія; (1) они начали для сего строить жилища на высокихъ скалахъ; мало по-малу образовались города или отдѣльныя общества, повиновавшіяся избраннымъ отъ нихъ власнителямъ, для соблюденія единства. Сиканы были первыми земледѣльцами; весь островъ начиналъ уже покрываться житами, какъ вдругъ ужасныя изверженія Этны, бывшія имъ извѣстными по традиціоннымъ преданіямъ, пролили огненные рѣки по всему восточному берегу Сициліи, принудили ихъ съ ужасомъ оставивъ сии цвѣтущія мѣста и бѣжать на западъ. (2) Я воображаю изумленіе сихъ миролюбивыхъ островитянъ, свидѣтелей въ первый разъ столь страшнаго явленія: — разверзающаяся съ прескомъ земля, пламень, пожирающій ихъ житвы и жилища, день превратившійся въ адскую ночь, лепящія къ не-

(1) Diod. Sic.

(2) Diod. Sic.

бесамъ груды раздробленныхъ скалъ, море выступавшее изъ предѣловъ своихъ и бѣгущее на встрѣчу волнамъ огненной лавы (1)! Какъ поражено было такимъ зрѣлищемъ воображеніе юныхъ челоѣковъ! Съ какими воплями оставили они блаженныя мѣста ихъ дѣтства, ихъ любви!...

Сикулы, древнѣйшіе обитатели Авзоніи, сами гонимые опшуда Опирами, будучи свидѣтелями съ противоположащихъ береговъ, несчастій Сикановъ, и избравъ поупный вѣтеръ, переплыли на паромѣхъ черезъ узкій проливъ, раздѣляющій Италію отъ Сициліи и завладѣли покинутымъ восточнымъ краемъ сего острова. (2) — (Эпоху сего происшествія назначаетъ Фукидидъ за 500 лѣтъ до поселенія Грековъ въ Сициліи. (3) Обыкновенно полагаютъ оную за 1289 лѣтъ до Р. X.) (4) Недовольные симъ первымъ приобрѣтеніемъ, они спали посягать съ оружіемъ въ рукахъ, на собственность природныхъ жителей; но война сія прекратилась въ самомъ началѣ миролюбивымъ согласіемъ обѣихъ сторонъ — раздѣливъ островъ между собою. (5) Въ теченіе времени, Сикулы, болѣе воинственные, чѣмъ Сиканы, завладѣли совершенно всею страной и перемѣнили первое названіе ея: *Сиканія*, на имя *Сициліи*.

(1) См. описаніе изверженія Этны въ 1669 году.

(2) Thucyd. L. VI.

(3) Id. ib.

(4) Lenglet Dufr. Tabl. Chron. См. также Hist. de l'acad. des belles lettres, vol. IX, p. 125. и Art de vérifier les dates.

(5) Diod. Sic.

Нѣсколько прежде сей послѣдней эпохи, Трояне, покинувшіе разоренный Греками Иліонъ, приспали къ западному берегу острова, гдѣ и поселились. Попомъ Финикійцы, искуснѣйшіе мореплаватели того времени, безпрестанно блуждавшіе по Ливійскому морю, завладѣли нѣкоторыми конечностями Сициліи и прилежащими къ ней островами, для основанія торговли съ Сикулами. (1)

Наконецъ, колоніи вышедшія изъ разныхъ областей Греціи, заселили весь восточный и южный берегъ Сициліи, равно какъ и южные берега Италіи.

Вотъ краткая исторія народонаселенія Сициліи.

(1) Thucyd. L. VI.

II.

ВРЕМЕНА ИСТОРИЧЕСКІЯ.

Seine geschichte bleibt ein practisches
compendium der politick.

Heeren. (*Handb. des Gesch. des Alterth.*)

Со времени основанія Греческихъ колоній въ Сициліи, Исторія сего острова начинается выходить изъ мрака, дополъ ее покрывавшаго. Весьма естественна, что, спирая сія, имѣвшая столько образователей, должна была раздѣлиться на разныя области, различествующія между собою характеромъ и обычаями. Вожди ихъ или правители, именовались словомъ: *тиранъ*. Пока Сицилійскія республики управляемы были Гелонами, Теронами или Гіеронами, имя сіе означало гражданина, поставленнаго общаго доверенностью народа, главою правленія; но Фалариды, Оразибулы, Агаеоклы и Діонисіи, дали ему то значеніе, которое нынѣ принято для изображенія Царей, употребляющихъ во зло власть свою. Знатнѣйшіе правительствующіе города Сициліи были слѣдующіе: Сиракузы, Агригенти, Лилибей, Селлинонъ, Егессъ, Катана, Мессана, Гелла, Гимера и Тавроменіумъ. Всѣ сіи города, за исключеніемъ Лилибей, осно-

ваннаго Карфагенцами, были Греческіе. — Сиракузы, а иногда Агригенты, имѣли непосредственное вліяніе на политическое существованіе прочихъ городовъ. Сицилія, не смотря на смѣшанный составъ ея народа, обнаружила съ поселеніемъ Греческихъ колоній, собственный характеръ, и предстала грозною соперницею трехъ первыхъ державъ древности: Аѳинъ, Рима и Карфагена.

Положеніе Сициліи, между Римомъ и Карфагеномъ, коихъ вѣчныя вражды потрясали міръ, дѣлало ее важнѣйшею цѣлю военныхъ споровъ обоихъ государствъ, — и желаніе завладѣть симъ остро-вомъ, было причиною Пунической войны и даже паденія могущественнаго Карфагена.

Кому неизвѣстны, съ младенчества, сіи знаменитыя эпохи Исторіи?

Но самый составъ Сициліи, находившейся подъ властію разныхъ *тирановъ*, долженъ былъ либо придти въ одно цѣлое, что и было всегдашнимъ предметомъ Сиракузянъ, либо разрушиться. Исторія Сиракузъ исполнена высокой политики. Ни Діонъ, ни Платонъ, ни великій геній свободы — Тимолеонъ, ни сверхъестественный геній Архимеда, не удержали великаго зданія, падающаго опъ безпрестанныхъ замысловъ развратившихся гражданъ, которые посягали на свободу республики. Съ паденіемъ Сиракузъ, вся Сицилія покорилась Римско-му оружію: *Tota enim insula in una urbe superata est*, — говоритъ краткорѣчивый *Флоръ*; (1) Рим-

(1) Flor. Lib. II, c. VI.

ляне назвали тогда сей островъ своего провинціею, раздѣливъ его на двѣ *квеспуры*, называемыя: *Сиракузская* и *Лилибейская*. (1) Но побѣжденная Сицилія сдѣлалась матерью-кормилицею Рима. (2)

Но и самъ Римъ исчезъ съ лица земли! Съ разрушеніемъ Западной Имперіи, островъ сей, находившійся дополь подъ владычествомъ Юстиніана I, былъ завоеванъ Генсерикомъ, Царемъ Ванда-ловъ.

Черезъ нѣсколько времени, (въ 828 году) Сарацины, отпраשלъ Арабовъ, прельщенные симъ обѣщаннымъ краемъ, переплыли изъ Африки и завладѣли онымъ, постановя въ немъ, для управленія, *Эмировъ*. Пребываніе сего народа, въ теченіе почти двухъ съ половиною столѣтій, оставило въ Сициліи неизгладимые слѣды восточныхъ обрядовъ и обычаевъ. Въ 1072 году, толпы воинспивенныхъ Нормановъ, предводимыя двѣнадцатыо сыновьями Графа Танкреда Готевильскаго, изъ коихъ знаменитѣйшимъ былъ Робертъ Гискаръ, — изгнавъ Сарациновъ, завоевали всю Сицилію, и доблестный родъ Танкредовъ возсѣлъ на пронтъ сего государства (въ 1159 году).

Безпрестанныя войны и возмущенія, возжигаемыя протѣсками Папъ и аличностию сосѣднихъ Государей, подвизавшихся овладѣть сею страню, долго ее потрясали; — но мужество Танкредовъ торжесствовало надъ всѣми препяшествами. — Храбрый Робертъ, побѣдитель Музульмановъ въ

(1) Tit. Liv.

(2) Cic. in Verr. II.

Сициліи, и Христіанъ, въ Неапольскихъ владѣніяхъ, поработченный духомъ времени, и не смотря на непріязненные расположенія Папъ къ дому Танкредовъ; — желалъ примириться съ главою Церкви, Николаемъ II, который, въ слѣдствіе возженной имъ самимъ несправедливой войны прошиву Роберта, — попался даже къ нему въ плѣнъ. Мировлюбивыя предложенія сего послѣдняго были слишкомъ выгодны для плѣнника Папы, и Николай II поспѣшилъ ими воспользоваться. Робертъ, снискавшій мужествомъ, доблестями и любовію народа, провъ Сициліи, желалъ еще освященіемъ права свои соизволеніемъ Папы, — и, по жалкому суетврію, призналъ себя зависящимъ отъ него, полагая таковой поступокъ малозначущимъ. Въ самомъ дѣлѣ, при жизни Роберта, вліяніе Папы на дѣла Сициліи не было замѣтно; но наслѣдники сильно почувствовали сію ошибку его, которая едва ли не была единственною въ славное сіе царствованіе.

Въ послѣдствіи, Папы были главными орудіями несчастій Сициліи. Основываясь на мнимомъ правѣ владычества надъ нею, они не щадили ни проклятій, ни происковъ, для поработченія гордыхъ и достойныхъ преемниковъ Роберта. Въ 1186 году другая ошибка Вильгельма II, послѣдней опрасли дома Танкредовъ, сдѣлалась также опдаленною причиною многихъ бѣдствій Сициліи. Сей Государь, выдавъ свою пещку Констанцію, дочь Рогера II, за Генриха, Короля Римскаго, и утвердивъ ее своею наслѣдницею, перенесъ такимъ об-

разомъ корону Сициліи въ Швабскій домъ. Безъ сего пагубнаго брака, побочный сынъ Герцога Рогера, сына Рогера II, принялъ бы безпрепятственно престолъ. Генрихъ, вспомошествоваемый Папой, не преминулъ завладѣть Сициліею.

Царствованіе Швабскаго дома ознаменовано злодѣяніями помянушаго Генриха; бурнымъ, но славнымъ царствованіемъ Фридриха II, который успоялъ прошивъ усилій всей южной Европы; геройствомъ и несчастіями Менфруа, — и великодушнымъ подвигомъ юнаго Конрадина, предпріявшаго избавить Сицилію отъ ига Карла д'Анжу, Короля Французскаго, который также хитроспійно Папъ Урбана IV и Климента IV вызванъ былъ на завоеваніе Сициліи у законныхъ ея владѣльцевъ. Славная смерть Менфруа и несчастная смерть Конрадина, казненнаго злобнымъ Карломъ вопреки всѣхъ правъ, доставили сему послѣднему владычество надъ оспровомъ. Но Пепръ III, Король Арагонскій, имѣвшій въ супружествѣ Констанцію, дочь Менфруа, составилъ себѣ многочисленныя партіи въ Сициліи, которая съ негодованіемъ сносила тяжкое иго Франгузовъ, — и вскорѣ, ужасное мщеніе, извѣстное подъ именемъ *Сицилійскихъ вешерей*, передало скипетръ сего государства Испанцамъ.

Арагонскіе Государи владѣли онымъ до Упрехпскаго мира (въ 1713 году), въ слѣдствіе коего, сей оспровъ перешелъ въ домъ Герцога Виктора Амедея Савойскаго. Испанцы, принужденные къ сей невольной уступкѣ, снова завладѣли Сициліею и

потомъ оная потеряли оную. Наконецъ, прап-
тапъ, окончившій войну 1733 года, передалъ Сици-
лію Инфанту Дону Карлосу (въ 1736 году), и те-
перь она составляетъ, съ Калабриєю и Неаполитан-
скою областью, Королевство обѣихъ Сицилій, подъ
скипетромъ Франциска I, изъ царствующаго въ
Испаніи дома Бурбоновъ.

III.

КРАТКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ И СТАТИСТИЧЕСКОЕ
ОПИСАНИЕ СИЦИЛИИ.

Illa itaque M. Cato sapiens, cellam panariam Reipublicae nostrae, nutricem plebis Romanae, Siciliam appellavit. Nos verò experti sumus Italico maximo difficillimoque bello, Siciliam nobis non pro penaria cella, sed pro aerario illo maiorum veteri ac referto fuisse; nam, sine ullo sumtu nostro, coriis, tunicis, frumentoque suppeditato, maximos exercitus nostros restitit, aluit, armavit.

(Cic. in Verr. lib. II.)

Сицилія называлась разными именами: въ самой глубокой древности именовалась она *землею Киклоповъ и островомъ Солнца или Цереры*. Сиканы прозвали ее *Сиканією*, Сиккулы — *Сицилією*, (1) Греки *Тринакрією*, по причинѣ ея фигуры, образующей прехъугольникъ; но еще прежде Грековъ и даже прежде Сикановъ, звалась она *Тринацією*. (2) Римляне, по той же причинѣ какъ и Греки, прозвали ее *Трикветрою*. Сиракузяне, желая изобразить три конечности Сициліи, составленныя мысами: *Пелоролиъ, Лилибеелиъ и Пажинолиъ*, предста-

(1) Sicilia, á Sicano rege, *Sicania* cognominata est; deinde á *Siculo* Itali fratre, Sicilia. *Isidorus*. Lib. XIV, c. VI.

(2) *Cluv. Sic. ant. Lib. I. c. II. pag. 7.*

вили ихъ; на нѣкоторыхъ медаляхъ, премея загнутыми челоѣческими ногами, имѣющими общимъ основаніемъ главу Меркурія, обязанную премея колосьями (1).

Древніе называли иногда Сицилійцевъ *трехъязычниками*: *Siculi trilingues* (2), по той причинѣ, что они употребляли три нарѣчія: *Сикильское*, *Греческое* и *Пунигское* или *Финикійское*.

Сей знаменитый островъ Средиземнаго моря, лежащій между 30 и 34 градусами сѣверной долготы и 36° и 38° и 25' широты. Находясь между Европою и Афрокою при самой конечности Италіи, онъ отдѣленъ отъ первой *Фаросскимъ* проливомъ, имѣющимъ въ самомъ узкомъ мѣстѣ не болѣе полумили ширины, а отъ второй, такъ называемымъ *Ливійскимъ* моремъ, которое, между Африканскимъ мысомъ *Меркурія*, нынѣ *Бонъ*, и Сицилійскимъ мысомъ *Лилибеемъ*, нынѣ *Боео*, имѣетъ 16 Нѣмецкихъ миль пространства. Сицилія, по вѣроятнымъ заключеніямъ, отдѣлена отъ Италіи ужаснымъ землетрясеніемъ, коего эпоха неизвѣстна, но происшествіе передано весьма значущимъ числомъ древнихъ Писателей. (3) Хребты Аппениновъ, достигнувъ конечности Калабріи, кажется, вдругъ погружающіяся въ море и потомъ опять восходящія до облаковъ по ту сторону пролива Фаросскаго, принявъ названіе *Пелорскихъ* горъ. Межъ нихъ особенно отличаются высотою,

(1) См. медали въ концѣ книги: No 1-й.

(2) *Apol. Metam.* L. X I.

(3) См. Т. II-й сего Путешествія, въ спашь о городѣ *Реджіо*.

горы: *Нептунова*, *Дитта-Маре* или *Скудеріо* и *Сира-павера*. Сія продолженная цѣль Аппениновъ, прошедъ окрестности *Никосіи*, раздѣляется у городка *Сперлинга*, на два большіе пояса, изъ коихъ одинъ идетъ на Западъ, а другой на Югъ. Первый, (называемый въ древности *Герейскія* или *Юношины* горы, также: *Неброды*, а нынѣ — *Мадоніи*) заключаетъ слѣдующія значительныя горы: *Мадоніа*, *Пелегрино*, *Байда*, *Сен-Жюліано* и *Эгатскіе* острова, коихъ скалы кончаютъ сей поясъ въ безднахъ *Тирренскаго* моря. Второй поясъ, менѣе возвышенный, но образованный знаменитыми *Гиблейскими* горами, спускается, вмѣстѣ съ мысомъ *Пассаро*, въ *Африканское* море.

Поверхность Сициліи составлена вообще изъ высокихъ горъ, коихъ даже вершины, увлажнены облачными парами, производятъ въ чрезвычайномъ изобиліи пшеницу и другія полевые растенія; но надъ всѣми сими громадами горъ господствуетъ опидѣльно отъ всѣхъ, огнедышущій колоссъ *Этны*, возвышающійся на восточномъ берегу. Пепелъ *Этны* и спарыхъ потухшихъ вулкановъ, основываетъ навсегда неиссякаемое плодородіе сего острова, чему также способствуетъ безпрестанное броженіе подземнаго огня, обнаруженное многочисленными горячими источниками.

Рѣки Сициліи болѣе извѣстны чрезъ баснословныя преданія, чѣмъ собственною своею значительностію. Ихъ весьма много, но всѣ онѣ маловажны, — и нѣкопорыя, отъ чрезвычайныхъ жаровъ лѣта, высыхаютъ. Главнѣйшія суть слѣдующія

при: *Симета*, нынѣ *Джіарета*, впадающая неподалеку отъ Каптаніи въ Эгейское море; *Аликапта* или *Сальсо*, впадающая въ Ливійское море у города Аликапты, и *Фюме-Гранде* (*Fiume grande*) или большая рѣка, впадающая въ Тирренское море, близъ Термини; къ нимъ можно причесть два озера близъ Ленины.

Площадь Сициліи заключаетъ въ себѣ $58\frac{1}{2}$ квадратныхъ миль. Окружность ея 684 Имп. миль; длина отъ В. къ З., ш. е. отъ мыса Пелора до мыса Лилибея 180 м., а ширина отъ мыса Пахина до Пелора 130 м. — Народонаселеніе ея простирается не болѣе какъ до 1,650,000 душъ; межъ тѣмъ какъ не задолго до Пунической войны, Сицилія имѣла болѣе 12,000,000 жителей. Число сіе не должно удивлять, когда мы вспомнимъ, что одни Сиракузы и Агригенъ заключали, по умѣренному счисленію, около полутора милліона жителей. (1)

Географы раздѣляютъ Сицилію на три большія области, кои сунъ *Валь ди Маѵара*, *Валь ди Ното* и *Валь ди Мона*. (2) Сіе раздѣленіе и сіи названія

(1) См. статьи о Агригенѣ и Сиракузахъ.

(2) Наименованіе *Val*, не должно производиться отъ Италіянскаго слова: *Valle* — долина; ибо *val* есть слово Арабское, значущее область или земля, — и оставшееся въ Сициліи со времени владычества надъ нею сего народа. Слово *Calata*, прибавляемое къ некоторымъ городамъ Сициліи, какъ по: *Calata-Girone*, *Calata Vutura* и проч. есть также Арабское, значащее: *высота* или *гора*. Названіе *Val de Mona*, которое превращаютъ въ *Val de Demoni* (долина Демоновъ), *Val de moni* (долина монаховъ), или *Val de nemoribus* (долина льснл), производить Г. Сайвъ (*Sayve*) отъ Арабскаго слова: *val nane*, не показывая значенія онаго.

принадлежащъ Сарацынамъ; но въ 1817 году, Правительствомъ, найдя сѣмъ области слишкомъ обширными, раздѣлило ихъ на слѣдующія семь интенденцій: Палерма, Мессина, Катанія, Жирженши, Сиракузы, Трапани и Калапанизема. Въ Сициліи 45 Королевскихъ городовъ и 352 мѣстечка. Такое большое число городовъ вредитъ государству; куда околѣбается все народонаселеніе, тамъ народъ проводитъ жизнь въ праздности, межъ тѣмъ, какъ деревни пусты и земледѣіе въ упадкѣ. Благопшворный климатъ Сициліи имѣетъ, по мѣстоположенію разныхъ частей острова, особенныя свойства, и это зависитъ отъ направленія хребтовъ горъ и вѣтровъ; такимъ образомъ, Мессина всегда прохладена вѣтрами Тиренскаго и Эгейскаго морей; знойное лѣто не покидаетъ Катанію и Сиракузы; вершины Эпны не выходятъ изъ подъ снѣга; Жирженши и Марсала окружены вѣчною весною. Палерма, при всѣхъ выгодахъ, обезпечена чаще другихъ городовъ горячимъ вѣтромъ *Сироко*. Сей вѣтеръ, нелепалющій изъ приближенныхъ степей Африки, есть единственная непріятность райскаго неба Сициліи, подъ чьимъ нѣжнымъ вліяніемъ произрастаютъ самыя рѣдкія растѣнія.

Торговля хлѣбомъ составляетъ, подобно какъ и въ древности, главное богатство сего острова; но торговля сія, по тому, что она есть самая прибыльная, находится вся въ рукахъ Правительства. Полезное, по многимъ отношеніямъ, учрежденіе казенныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, называемыхъ:

carricatori, (1) хотя и сдѣлано было съ цѣлю предупреденія народныхъ нуждъ (кои безъ злоупотребленія не могли бѣ никогда существовать въ странѣ столь обильной, какова Сицилія), но главное намѣреніе Правительства состояло въ томъ, чѣмъ имѣть у себя ключъ всего богатства. Агенты Правительства, знатнѣйшіе дворяне и купцы, овладѣвъ совершенно сею торговлею, скупаютъ хлѣбъ по произвольнымъ цѣнамъ и спановясь всегда посредниками между земледѣльцами и покупателями, снѣсляютъ первыхъ и опдаляютъ послѣднихъ (2). Вотъ причина, почему земледѣліе, сіе основаніе благосостоянія Сициліи, находящееся въ такомъ упадкѣ и торговля ея малозначущая въ сравненіи съ ея внутреннимъ богатствомъ.

Владѣя неисчислимыми дарами природы, безопасными гаванями, находясь между Европою и Африкою, на среднѣмъ пути отъ Леванта до западныхъ Европейскихъ земель, Сицилія могла бѣ быть царицею Средиземнаго моря, или, по выраженію одного писателя, *малою Анелією*. (3) Но — не имѣя

(1) Главные магазины, находящіеся въ Жиржентіи, Шьякѣ, Кашаніи, Аликанти и Терминіи, а другіе въ Милаццо, Чесалу, Марсальѣ и проч.

(2) Казенные магазины, во время урожая, скупаютъ хлѣбъ у производителейъ ими земледѣльцевъ, а въ неурожай не покупаютъ ни у кого, для лучшаго вывоза своего хлѣба и для возвышенія своихъ цѣнъ. Бываетъ также, что Правительство ввѣстивно запрещаетъ вывозъ хлѣба по нѣкоторымъ причинамъ, чрезъ что самое, чужеземные покупщики, не получа ожидаемыхъ запасовъ, теряютъ довѣренность къ Сицилійскимъ купцамъ, а сіи послѣдніе лишаются своихъ выгодъ.

(3) *Nelz. Saggio. s. l. ricchezze di Sicilia.*

флота, угнетаемая Неаполемъ, спирана сія, чувствуя свое богатство, видитъ почти всю свою торговлю въ рукахъ Генуи, Ливорны, Неаполи, Одессы и Англичанъ, кои мѣняя собственныя свои произведенія на товары Воспока, продаютъ ей сіи послѣднія за дорогую цѣну.

Здѣсь должно замѣтить, что Одесса, не смотря на столь недавнее основаніе, дѣлаетъ уже главный подрывъ хлѣбной торговлѣ Сициліи. Кругъ дѣйствій внутренней торговли сей земли также весьма ограниченъ по неимѣнію дорогъ; для оныхъ собираются, около сорока лѣтъ, большія суммы, поглощаемыя Неаполемъ — безъ пользы для Сициліи, которая платитъ ежегодно 1,847,687 унцій и 20 шариновъ подати (около 23 милліоновъ рублей) (1). Сверхъ хлѣбной торговли, главный вывозъ изъ Сициліи состоитъ изъ слѣдующихъ предметовъ: сѣра, селитра, пошашъ, соль, квасцы, сарачинское пшено, лимоны, апельсины, оливки, фиги, гранаты орѣхи, писцашки, виноградъ, вина: *Сиракузскія* и *Марсальскія*, масло, шелкъ, сумахъ, солодовый корень, манна, шаршаръ, Испанскія мухи, шерсть, парусина, кроличьи и ягнячьи кожи, кораллы, мраморъ, рыба и проч.

Вывозъ изъ Сициліи производитъ балансъ 27 милліоновъ нашихъ рублей, ввозъ — 18 милліоновъ рублей.

Въ роисповѣданіе сего государства есть Римско-Католическое, но жители имѣютъ много суевѣрій

(1) См. опредѣленіе, изданное въ Казерѣ 1816 года Декабря 11.

и языческихъ обрядовъ. — Военныя силы должны состоять изъ 10 тысячъ пѣхоты и изъ 2 тысячъ конницы. Сверхъ того, въ случаѣ непріятельскаго вторженія, набирается такое же число милиціи, подъ предводительствомъ дворянства. Морская сила не существуетъ, ибо нельзя назвать симъ именемъ нѣскольکو шебековъ, входящихъ въ составъ Неаполитанскаго флота.

Путешественникъ, полагавшій Сицилію въ томъ видѣ, какъ она была нѣкогда, привѣтствуемая въ безсмертныхъ пѣсняхъ поэтовъ, именами: *острова Цереры!* *пугливой страны Солнца!* — привыкшій называть ее, съ Катономъ, *кормилицею Римскаго народа*, съ Цицерономъ — *житницею Римской Имперіи*, — невольно омрачился печалью, обтекающею сей островъ и сравнивая не людей уже и не города, по одну природу пеперешнихъ временъ, съ природою вѣковъ ея славы!

Сія страна, покрывшая нѣкогда необозримыми жашвами и самыми роскошными произрастеніями, бывшая предметомъ зависти древняго міра, представляешь въ рукахъ нынѣшнихъ обитателей ея, большею частію картину скалъ, палмныхъ Африканскихъ солнцемъ. Мы привыкли судить о Сициліи по описаніямъ райскихъ окрестностей Катаніи, Палермы и Мессины, которыя представляютъ намъ въ самой сущности Армідины сады; мы привыкли, говорю я, судить о всей странѣ по обработаннымъ мѣстамъ ея; но каково должно быть удивленіе путешественника, который проникнетъ во внутренность сего острова; кото-

рый напрямъ совершилъ дорогу съ сѣвернаго берега на южный, изъ Палермы въ Агригенъ, увидилъ окрестности Сегеста, Агригенъ, Сиракузы или Террановы, гдѣ царствуютъ запускъ и мертвое молчаніе, гдѣ взоръ встрѣчаетъ лишь сѣни, нагія скалы и груды развалинъ. Но сколько величія въ природѣ Сициліи, даже и среди сего запускъ! сколько предметовъ для воображенія! Читатель ошибется, если заключитъ изъ сей картины, что природа Сициліи опустѣла; нѣтъ, она все та же, какъ видимая намъ въ окрестностяхъ Катаніи, Палермы, Мессины или Ленцины; — путешественникъ замѣтитъ въ сихъ самыхъ мѣстахъ, лишенныхъ по видимому жизни, разительные примѣры плодородія почвы Сицилійской; — здѣсь, изъ знойныхъ трещинъ скалъ, вырастаютъ шумныя Индійскія фиги; тамъ стоитъ великолѣпный букетъ живописнаго алоэ; далѣе растутъ лавровъ, лимонныхъ и апельсинныхъ деревьевъ, или кусты розмариновъ и мирцовъ; тутъ растутъ сползшая маслина, пышная шелковица или стройная пальма; въ самомъ ковылъ покажутъ вамъ самородную рожь; въ болопахъ Сиракузскихъ — *патирусъ*; въ огородахъ бѣдныхъ земледѣльцевъ — сахарный простникъ; на вершинахъ цвѣтущихъ Гиблейскихъ горъ, душистые сомы. И такъ, читатель, Сицилія та же, — по ея жилищамъ! Какъ, однако, просны средства къ возрожденію сего острова, — если бѣ промышленность и торговля оживляли оный. Взгляните на сіи прозрачныя ручьи, падающіе безъ пользы на дно пропастей, — если бѣ

для орошенія сихъ попаленныхъ долинъ, они по-
пекли въ каналахъ и водопроводахъ, подобныхъ
Греческимъ, Римскимъ и Сарацинскимъ (коихъ раз-
валины вездѣ видны), — вся Сицилія могла бы тогда
опять получить названіе сада Европы.

IV.

ДРЕВНЕЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ СИЦИЛІИ.

Da mihi punctum ubi consistam, et terram
movebo. (*Archymedi Opera.*)

Сицилія, во всѣхъ отношеніяхъ, есть земля классическая. Мнѳологическія и Историческія воспоминанія представляются на каждомъ шагѣ путешественнику по ней; прекрасныя развалины ея городовъ свидѣтельствуютъ понынѣ объ ея славѣ. Сицилія была страной наукъ и художествъ. — Бросимъ взглядъ на просвѣщеніе древнихъ вѣковъ ея.

Религія сей страны основана была на Мнѳологіи Грековъ; но она вся сливалась въ поклоненіе Церерѣ. Самыя опдаленныя преданія, основанныя на памятникахъ и писменахъ Греціи, свидѣтельствуютъ, что сей островъ есть принадлежность Цереры и Прозерпины. (1) Сіе предположеніе, было врожденнымъ утѣреніемъ въ Сицилійцахъ. Ихъ Церера, обожаемая въ Эниѣ, мѣстѣ ея рожденія, первенствовала надъ Церерой Элевзинскою и принимала дары самыхъ опдаленныхъ странъ свѣта. — Цицеронъ даетъ высокое понятіе о святости

(1) Diod. Sic. L. V. — Cic. in Verr. L. III.

сего поклопенія; ибо его слова о Церерѣ города Энины исполнены особеннаго къ ней благоговѣнія; (1) онъ даже приписываетъ различнымъ чудеса сей богини. Сверхъ открытія хлѣба, Сицилійцы обязаны ей своими первыми законами, утвердившими между ними справедливость. По сей причинѣ, она была прозвана *Θεσμοφорою*, т. е. законодательницею. (2) Древніе, въ образѣ Цереры, поклонялись Землѣ. Въ баснѣ о похищеніи дочери ея Прозерпины, можно видѣть естественную аллегорію прозябенія. (*Апполодоръ* (3) говоритъ, что Прозерпина рождена отъ Юпитера и Нилифы Стиксис, т. е. отъ огня и воды.) Прозерпина, по толкованію нѣкоторыхъ ученыхъ, значить на восточныхъ языкахъ—*скрытый плодъ*. (4) Плутонъ, изображаетъ солнце, которое совершаетъ зимою печеніе свое подъ исподнимъ полушаріемъ; и если Юпитеръ повелѣваетъ Прозерпину осматривать одну половину года съ своимъ супругомъ, а другую съ своею матерью, то это взято изъ того, что сѣмя, выйдя изъ колоса, пребываетъ почти шесть мѣсяцевъ въ землѣ. Въ Юстиніанской галлерей достоинъ замѣчанія мраморъ, изображающій необыкновеннымъ образомъ похищеніе Прозерпины. Юная богиня сія представлена подъ покрываломъ, но половина тѣла ея вошла уже въ землю. Эта аллегорія

(1) Cic. in Verr.

(2) *Thesmos*: законъ; *pherein*—нести.

(3) Lib. I, c. III, § 1.

(4) Noël. Dict. Myth.

ясно изображаетъ землю, которая, будучи раздрана плугомъ, принимаетъ въ себя сѣмя. Въ до-
полненіе къ сему должно замѣтить, что вос-
споминаніе похищенія Прозерпины праздновалось
2-го Октябрия, во время посѣва; а возвращъ ея
весною, во время прозябенія.

Послѣ Цереры и Прозерпины, Иракль, Вакхъ и
Вулканъ были особенно почитаемы Сицилійцами.

Преданія сохранили довольно подробно путеше-
шество перваго изъ нихъ по Сициліи. (1)

Во времена историческія, Сицилія озарилась
свѣтомъ Философіи Грековъ. Природа, госте-
примство обитателей и покровительство, ока-
зываемое чужеземцамъ, Царями сей страны, при-
влекли въ нее знаменитѣйшихъ Философовъ. Пфеа-
горъ, Ксенофонъ Колофонскій, Зенонъ Элейскій,
Эсхиль, Симонидъ и другіе, — окончили въ ней дни
свои. — Гіеронъ и Діонисій любили общество
сихъ геніевъ, и забывали съ ними тяжестъ вѣнца.
Несравненный Платонъ при раза преплывалъ изъ
Греціи въ Сицилію — дивился чудесамъ ея при-
роды и обращалъ къ добродѣтели тирановъ Си-
ракузскихъ.

Ученіе Пфеагорово было всегда главнымъ осно-
ваніемъ Философіи Сицилійцевъ; сей великій мужъ
былъ убитъ въ сраженіи между Агригенпянами и
Сиракузянами, защищая первыхъ. (2) Главными
послѣдователями его въ Сициліи были: Эмпедокль

(1) Diod. Sic. L. IV. c. VI.

(2) Diog. Laert. de Pyth.

Агригенскій, Харондасъ Капанейскій, Колесъ Селинонтскій, Пивіасъ, Дамонъ, Лептинъ и Элевантъ — Сиракузскіе. Но славнѣйшимъ изъ нихъ и даже изъ всей Пивагоровой школы, былъ Эмпедокль, коего шворенія столь уважались, что многіе почитали ихъ даяніемъ Неба. (1) Агригенціе предлагали ему нѣсколько разъ корону, но онъ не примилъ Философіи и отказался отъ сей почести. Слѣдуя Секестию Эмпирику, онъ признавалъ Божественный духъ, разлитый по вселенной, началомъ всякаго бытія; души человѣковъ и животныхъ, по его мнѣнію, суть частицы или испеченіе онаго. (2) Онъ первый сказалъ, что огонь, вода, воздухъ и земля суть чепыре стихій, и что они состоятъ изъ сферическихъ частицъ. Онъ утверждалъ, что растенія суть родъ животныхъ. Это мнѣніе заслужило одобреніе Платона. (3) Эмпедокль старался составить теорію чувствованій; онъ говорилъ, что подобное ищеть подобнаго; приписывалъ каждому нашему чувству свойственную ему стихію; такимъ образомъ огонь открывался огню, т. е. зрѣнію; воздухъ воздуху, т. е. слуху; раздоръ сообщается съ раздоромъ, а любовь съ любовью. (4) Эмпедокль, какъ Моралистъ, обратилъ вниманіе людей на высокіе предметы, относящіеся до происхожденія зла; онъ казался руководимымъ сильными и

(1) Lucret. L. I. v. 730.

(2) Adversus Math. I. § 302, 303; IX. § 127.

(3) Diog. Laert. L. VIII. n. 76.

(4) Advers. Math. VII. § 120. Arist. de Animâ. I. 2.

меланхолическими размышлениями о семъ важномъ предметѣ. (1) Наконецъ, онъ училъ, что человекъ не можетъ ни чего знать, по тому, что разумъ его слабъ, чувства обманчивы, а жизнь мгновенна. (2) Онъ обыкновенно одѣвалъ блестящими красками Поэзіи ученія Философовъ. Познанія его въ Медицинѣ были столь глубоки, что многіе мнили видѣть въ немъ бога. (3) Его признають настоящимъ авторомъ столь знаменитыхъ золотыхъ стиховъ, приписанныхъ Пинеагору; слава сія есть уже не малая. Эмпедоклъ, почти всегда, былъ въ положеніи человека воспорженнаго. Онъ погибъ въ крапери Эпны. Сей Философъ былъ самымъ ревностнымъ гражданиномъ, и защитникомъ свободы. Спатуя, которую воздвигли ему въ Агригентѣ, перенесена была въ Римъ и поставлена противъ Сенапа. (4)

Послѣ Эмпедокла, занимаетъ первое мѣсто между Философами Сицилійскими, Эпихармъ; объ немъ говорили, что подобно—какъ солнце превосходитъ всѣ звѣзды, а море всѣ рѣки, такъ и Эпихармъ, вѣнчанный Сиракузами, превосходитъ прочихъ человекъ. (5)

Дицеаркъ Мессинскій считался однимъ изъ славнѣйшихъ Перипатетиковъ. Цицеронъ называетъ его великимъ и своею отрадою; сего доста-

(1) Degerando Hist. des syst. de philos.

(2) Cic. Acad. Quaest. L. I. c. 12.

(3) Diog. Laërt. de Emped. c. II. 39.

(4) См. *Suidas*, art. *Emped.*

(5) Diog. Laert. ubi suprà.

точно для его славы. (1) Онъ утверждалъ, что душа человеческая есть гармонія четырехъ стихій, (2) и доказывалъ, что злоба человека больше испределаетъ родъ ихъ, нежели чума и другія физическія причины.

Геленъ Сиракузскій былъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ гадашелей.

Сиракузскій Циникъ, Монимъ, первый изъ Философовъ сказалъ, что *все есть суета*.

Гипетасу Сиракузскому Астрономія обязана главнымо своею истинною, возобновленною Коперникомъ. Не лишнимъ будетъ привести здѣсь любопытный отрывокъ сего древняго Астронома, сохраненный намъ Цицерономъ. (3) — „Гипетасъ Сиракузскій, говорилъ онъ, полагалъ, что всѣ звѣзды пребываютъ неподвижными и что во вселенной одна только земля движется; она, быспрымъ вращеніемъ вокругъ своей оси производитъ тоже самое явленіе, какое бы происходило въ противномъ случаѣ, еслибъ земля была неподвижна, а все небо вращалось кругомъ ея.“ Мнѣніе о множествѣ міровъ было общимъ въ Сициліи.

Цефантъ Сиракузскій, первый призналъ Платоновы монады тѣлесными; онъ назначалъ двѣ причины всѣмъ вещамъ: нераздѣльные атомы и пустоту. Онъ утверждалъ, что безчисленное мно-

(1) Cic. Acad. Quaest. L. IV. 40. Jd. Tuscul. L. I. 10.

(2) Plut. de opin. philos. L. IV, c. 2.

(3) Cic. Quaest. Acad.

жество міровъ управляемо Божескимъ Провидѣніемъ. (1)

Архепимъ Сиракузскій и Аристоклесь Мессинскій, писали Исторію Философій. Нѣсколько опрытковъ изъ ихъ твореній сохранилось въ Евсебій и Свидіи.

Харондасъ Капанейскій былъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ законодателей въ мірѣ. Для воспрепятствія частыхъ измѣненій въ законахъ, онъ постановилъ, чѣмъ бы то ни было явившися предлагать нововведеніе, имѣлъ на шеѣ веревочную петлю, для того, чѣмъ бы то ни было, въ случаѣ неодобренія, быть удавлену.

Медицина считалась у Древнихъ отраслію Философій: кромѣ Эмпедокла, о коемъ уже было упомянуто, Эпихармъ, Философъ и Поэтъ, былъ также Медикомъ, — и славенъ помощію оказанною имъ, Селінонпидамъ, во время мороваго повѣтрія. Занимавшіеся особенно сею наукою, были слѣдующіе: Павзаній, уроженецъ изъ города Геллы, извѣстный только по нѣсколькимъ спракамъ Діогена Лаэртія; Поликлетъ Мессинскій, исцѣлившій пирана Фаларида отъ болѣзни, которую считали неизлѣчимою; Геродикусъ, братъ Оратора Горгія Лентинскаго: — для его славы доспапочно сказано, чѣмъ великій Иппократъ былъ его ученикомъ. Главное его правило для поддержанія здоровья, состояло въ движеніи; онъ многимъ прописывалъ, вмѣсто лѣкарства, прогулку изъ Аѳинъ въ

(1) Stob. Eclog. phys. et Degerando: Hist. des syst. de philos. T. I, p. 427.

Мегару, и обратно, что составляло около 160 верстъ. (1) — Филестонъ былъ современникомъ Иппократа. — Мене克拉тъ Сиракузскій хотя былъ и весьма ученъ, но гордость его и самолюбіе превосходили всякую мѣру. Вылѣчивъ нѣсколькихъ больныхъ, находившихся въ безнадежномъ положеніи, онъ прозвалъ себя Юпитеромъ, и вмѣсто награды за лѣченіе, пребывалъ опѣ нѣкопорыхъ, слѣдовавъ за ними; — онъ давалъ имъ имена: Меркурія, Геркулеса, Аполлона, и говаривалъ, что — подобно Зевесу, онъ путешествуетъ по землѣ съ богами. Извѣстно его письмо къ Филиппу Македонскому, которое начиналось такъ: „Мене克拉тъ-Юпитеръ, Филиппу: желаетъ счастья“, а далѣе пишетъ онъ ему: „ты умерщвляешь здоровыхъ, а я излѣляю болящихъ.“ Но Филиппъ опровергивалъ, что онъ желаетъ ему болѣе смысла и совѣдуетъ съѣздить на островъ Анпициру, обильный чемерицею (helleborus), которая, по мнѣнію Древнихъ, вылѣчивала опѣ сумасшествія. (2) Повѣствуютъ, что Филиппъ пригласилъ однажды Мене克拉та, съ его богами, на обѣдъ, и что когда начали всѣмъ подавать кушанье, то передъ Мене克拉томъ и его товарищами, поставили курильницы съ еиміамомъ и начали совершать имъ возліянія. — Плиній (3) говоритъ, что Акронъ Агригентскій былъ основателемъ секты Эмпириковъ; подъ симъ име-

(1) Plat. in. Gorg.

(2) Athen. L. VII. Aelian. Var. hist. L. XII, c. 51. — Plat. in. Agesil.

(3) L. XXIX, c. IV.

немъ, Древніе, какъ извѣстно, разумѣли тѣхъ медиковъ, кои утверждались токмо на однихъ опытахъ.

Опъ многого числа Сицилійскихъ Историковъ дошли до насъ только творенія *Θεμιστοгена* и *Діодора*.

Первый, уроженецъ изъ Сиракузъ, написалъ знаменитое сочиненіе подъ названіемъ: *Отступленіе десяти тысячъ Грековъ*, приписываемое обыкновенно Ксенофону; нынѣ уже не существуетъ сомнѣній въ томъ, что названный авторъ онаго есть *Θεμιστοгенъ*: онъ семь говоритъ даже самъ Ксенофонъ, въ началѣ III-й книги своей Греческой Истории. (1)

Второй есть знаменитый *Діодоръ*, уроженецъ изъ Аргиріума (нынѣ: San-Filippo d'Argiro). Изъ 40 книгъ, его *Всобщей Истории*, мы имѣемъ только 15, съ нѣсколькими опрѣвками опъ другихъ. Его твореніе, драгоцѣнно, въ особенности для Истории Сициліи и весьма полезно для путешественника по древностямъ сего острова.

Кромѣ сихъ двухъ славныхъ Историковъ, Антиохъ Сиракузскій, написалъ 9-ть книгъ Истории Сициліи. Дицеархъ Мессинскій, о которомъ я говорилъ уже какъ о великомъ Философѣ, не менѣе славенъ и какъ Историкъ. Онъ сочинилъ, подобно Плутарху, біографію великихъ мужей и о правленіи Спартанцевъ, Коринтянъ и Аѳинянъ. Первое изъ сихъ трехъ сочиненій было столь уважаемо въ Лакедемонѣ, что оно читали ежегодно въ

(1) См. также: Stanley, de script. Xenoph. T. I. p. 221.

присуществіи Эфоровъ и томошества. Цицеронъ, въ письмахъ къ Аттику, совѣщаетъ ему написать *Дицеарха*, и называетъ его: *удивительнымъ*.

Схоліастъ Аполлоній (1) сохранилъ намъ изъ Дицеарховой Исторіи Египта, о коемъ онъ много изыскивалъ, весьма любопытный опрывокъ, въ которомъ онъ говоритъ, что послѣ Оруса, сына Изиды и Озирида, царствовалъ *Сесонхосисъ* и что промежуткомъ царствованія сего перваго Царя до Нила или *Нилуса*, заключаетъ 2500 лѣтъ, а отъ *Нилуса* до 1-й Олимпіады 456 лѣтъ. Посему, *Менесъ*, коимъ начинаютъ династію Египетскихъ Царей — Геродотъ и Діодоръ, — не есть первый Царь. Египецъ долго еще, а можетъ быть и навсегда, останется великою тайною Исторіи и Хронологіи.

Филистъ Сиракузскій написалъ двѣ Исторіи: первая, заключающая періодъ 800 лѣтъ, кончалась взятіемъ Агригенна Карфагенцами; а другая, началась съ сей эпохи. Онъ также писалъ Историю Египта и Діонисія, хвальною Цицерономъ, который сравнивалъ его съ Фукидидомъ. (2)

Тимей Тавроминскій заслужилъ большую знаменитость своими Исторіями Италіи, Сициліи и Греціи, особенно отличавшимися вѣрностью Хронологіи. Цицеронъ хвалитъ его ученость и краснорѣчіе. (3) Исторія ему много обязана тѣмъ

(1) L. IV. v. 272.

(2) Cic. de Divin. L. I. c. 20; *id.* de orat. L. II, c. 13. — *id.* ap. Brut c. 17.

(3) *Id.* Orat. L. II, c. 14.

что онъ первый ввелъ счисленіе Олимпиадами, которое есть первое общее лѣтосчисленіе. Скалигеръ называетъ его: *стражѣмъ временъ* (*Custos temporum.*) (1)

Евгемеръ Мессинскій, написалъ Исторію боговъ, въ которой онъ говоритъ, что всѣ божества суть не что иное, какъ могущіе, сильные и добродѣтельные люди, обоготворенные людьми же. (2) Онъ опредѣлялъ мѣста погребенія сихъ боговъ, посредникомъ памятниковъ и надписей, изъ коихъ нѣкоторые, по его словамъ, были имъ самими освидѣтельствованы на островѣ *Панхайи*; островъ, можетъ быть, выдуманный, хотя нѣкоторые признають его существованіе; вѣроятно, что это также Аппланида Сенеки и Платона, оспариваемыя коей полагають нынѣ острова Мадеру, Канарскіе и Асорскіе. (3)

Эмпедоклъ Агригентскій, первый положилъ основаніе теоріи искусства увѣрять или склонять. (4) Послѣ, ученики его, Сиракузяне: Кораксъ и Физіасъ составили изъ дара слова, науку, и открыли школу краснорѣчія. — Съ водворенія республиканскаго правленія въ Сицилію, по смерти Гелона и Гіерона, краснорѣчіе достигло своего совершенства. Весьма естественнo, что тогда, искусство склонять народъ, содѣлавшійся главою

(1) Scalig. Not. à l'an 1241. d'Eusebe.

(2) Cic. de nat. deorum. L. I, c. 42.

(3) Euseb. Prepar. Evang. — Minucius Felix. — Lact. L. I, c. 2. — Cellarius. T. II, p. 707. Mem. de l'acad. des Belles-Lettres. T. VIII.

(4) Arist. poet.

правленія, должно было почипаться первымъ и нужнѣйшимъ.

Но Горгій или Горгіасъ Леонтинскій, также ученикъ Эмпедокла, возвелъ сіе искусство въ Сициліи на высочайшую степень; онъ былъ учипелемъ Лизіаса, Исократа, Алкивіада, Антифона и другихъ славныхъ Орапоровъ. Есхинъ и Эсхиль ему подражали; вся Греція прославляла его. Ему воздвигли золотую статуу въ Дельѣахъ. (1) Аѳиняне включили въ число празднествъ дни, въ которые онъ говорилъ средь нихъ, и называли его богомъ краснорѣчія. (2) Онъ же, написалъ книгу о природѣ, въ коей старался доказать, что человекъ ничего не можетъ настоящимъ образомъ познать. (3)

Достигнувъ глубочайшей старости и приближаясь къ концу жизни, онъ впалъ въ болѣзнь, отъ коей находился обыкновенно въ усыпленіи. Посѣщавшій его въ сѣмъ положеніи другъ, спросилъ его однажды: какъ онъ себя чувствуетъ? „Я чувствую, отвѣчалъ онъ, что сонъ начинаетъ меня передавать въ руки своей сестры.“ Виргилій также называетъ сонъ: *Consanguineus Lethi*. (4)

Я сказалъ уже выше, что Сицилія можетъ называться колыбелью пастушеской Поэзіи. Виргилій называетъ Вуколическихъ Музъ: *Sicelides Musae*. (5)

(1) Cic. de orat. L. III. 32. Valer. Max. L. VIII. c. 15.

(2) Faz. I. III. c. III. Burigni. Hist. de Sc. T. I, p. 9. о рукописахъ Горгіаса во Флоренціи.

(3) Philostr. — Sext. Empir.

(4) Aeneid. L. VI.

(5) Ecl. IV. v. I. и Ecl. VI. v. I.

Извѣстная, начальная эпоха Поэзіи Сицилійцевъ, принадлежишь времени поселенія Греческихъ колоній на семь островъ.

Древнѣйшіе Поэты онаго сущь: Аристоксентъ Селлюнопольскій и Спезихоръ Гимерійскій. Время существованія перваго, полагають въ 29 Олімпіадѣ (664 г. до Р. Х.) (1). Онъ изобрѣлъ Анапестъ. (2) Спезихоръ былъ современникъ Фаларида (около 566 или 554 до Р. Х.). (3) Онъ считался однимъ изъ величайшихъ гениевъ Греціи. Горацій сказалъ объ немъ:

Stesichorique graves Camenae.

Его стихотворенія хранились въ храмахъ. Онъ написалъ Поэму о разрушеніи Трои; достойное подражаніе Иліады (4) и Сатпиру на Елену. Сія Сатпира подава поводъ къ выдумкѣ извѣстной басни, что боги, въ опмщеніе Еленѣ, лишили его зрѣнія, которое ему возвращено было, когда онъ воспѣлъ ей похвалу. Александръ Великій весьма уважалъ первую ихъ сихъ Поэмъ.

Многіе увѣрили, что первые вуколики сочинены были въ Тиндарѣ Сицилійскомъ, по случаю перенесенія шуда статуи Діаны Таврической, Ореспомъ; (5) но можно сказать вѣрояниѣе, что историческое начало вуколической Поэзіи происходишь со времени празднества, учрежденнаго въ Сиракузахъ,

(1) Euseb.

(2) Giraldus.

(3) Heeren. Handb. des Gesch. des st. d. Alterth.

(4) Quint L. X, c. 10.

(5) Burigny. T. I, p. 3.

въ честь Діаны: Это самое подтверждается
Виргиліевымъ стихомъ:

*Prima Syracosio dignata est ludere versu
Nostra, neque erubuit silvas habitare, Thalia. (Ecl. VI.)*

Аенней (1) говоритъ, что первымъ изобрѣшателемъ вуколиковъ былъ Сицилійскій паспырь Діомъ, о коемъ упоминаетъ Эпихармъ. Вуколиками назывались пѣсни, пѣпыя паспухами, подъ звуки флейшы, и съ плясками, при выгонѣ стада. Пѣсни сіи не должно смѣшивать съ Эклогами и Идилліями. Теокрипъ, Сиракузянинъ, слишкомъ знаменитъ, чтобы нужно было говорить о немъ, произнесъ его имя. Виргилій, считалъ его своимъ образцомъ. Послѣ Теокрипа, должно назвать Мосха, оцъ коего намъ оспалось, къ сожалѣнію, весьма мало; но и сіе достаточно, чтобы сдѣлать его великимъ Поэтомъ. Силлій Импаликъ говоритъ о поэтахъ Сициліи:

*Hic Phoebo digna et Musis venerabere Vatum
Ora excellentum, sacras qui carmine silvas,
Quique Siracosia resonant Helicōna Camēna (2).*

Чтобы показать степень народнаго просвѣщенія въ древней Сициліи и врожденную любовь жителей ея къ Поэзии, я приведу здѣсь рассказываемое Плутархомъ и Еліеномъ. (3) Многіе изъ Аеннянъ, полоненные Сиракузянами въ несчастную экспедицію Никіаса и Демосфена, избавляли себя оцъ

(1) Athen. L. XIV.

(2) L. XIV. v. 28 — 30.

(3) Plut. in. Nic. c. 52. — Acl. var. hist.

плѣна и смерти, чиняя Сицилійцамъ, на память, списки изъ Эврипида; ибо Сицилійцы любили произведенія сего знаменитаго прагика болѣе, чѣмъ сами Греки; списки его переходили у нихъ изъ успѣ въ успѣ. Освобождавшіеся такимъ образомъ изъ плѣна, Греки, поставляли себѣ первымъ долгомъ — идти благодарить Эврипида и рассказывать ему свои приключенія.

Послѣ испребленія послѣдней части Никіасовой арміи, на рѣкѣ Азинаріи, разбѣянные Аѳиняне, бродящіе безъ пристанища и пищи, снискивали себѣ оныя у поселянъ, воспѣвая имъ списки Эврипида.

Одинъ Карійскій корабль, преслѣдуемый корсарами, просилъ позволенія войти въ Сиракузскую гавань. Сиракузяне опасались принять незнакомцевъ; но — спрося у нихъ, не знаютъ ли они чего изъ пѣсенъ Эврипида и получа утвердительный отвѣтъ, не медля впустили ихъ за сію плачу.

Солинъ и Силій Ипаликъ говорятъ, что Гимера видѣла первыя театральныя представленія. Сиракузяне Эпихармъ и Формисъ суть, по словамъ Аристопа, первые изобрѣшатели *дѣйствія*. Платонъ почиталъ Эпихарма совершеннѣйшимъ писателемъ древней Комедіи. Аполлодоръ, изъ Геллы, былъ знаменитымъ Комикомъ и образцемъ Теренція. Изобрѣшеніе *миловъ* или *пантомимовъ* принадлежитъ также, по свидѣтельству Солина, Сицилійцамъ (1).

Извѣстно, что художества процвѣтали въ Сициліи въ самыхъ опдаленныхъ мѣстахъ, въ царствѣ

(1) Sol. c. X.

зованіе Гелона, Гіерона и двухъ Діонисіевъ, и что всѣ города Сициліи были наполнены произведеніями самыми изящными. Я буду имѣть случай говорить о нихъ въ моемъ Путешествіи. Не смотря на непрестанныя войны съ Карфагенцами, Сиракузы заключали въ себѣ великихъ художниковъ; о чемъ ясно свидѣтельствуютъ превосходныя серебряныя медали временъ Агаоклеса, (1) изображающія съ одной стороны голову Прозерпины или Аретузы, а съ другой, побѣду.

Царствованіе Гіерона II-го было весьма благотворно для Искусствъ. Можно судить объ ихъ совершенствѣ въ его время, по знаменитому кораблю, построенному подъ смотрѣніемъ Архимеда, и который могъ сѣмьмѣся на ряду съ 7-ю чудесами Свѣта. Корабль сей имѣлъ съ каждой стороны по 20 рядовъ весель и заключалъ въ себѣ водопроводы, сады, бани, храмы и цѣлый арсеналъ осадныхъ и другихъ орудій. Полъ въ одной изъ залъ былъ составленъ изъ мозаиковъ, изображавшихъ всю Иліаду. (2)

Но чтобы судить вполне о роскоши и совершенствѣ художествъ въ Сициліи, должно прочесть Цицеронову рѣчь противъ Верреса, названную: *de signis* (о статуяхъ), гдѣ онъ описываетъ грабежи сего Претора въ Сициліи. Сиракузы, говоритъ Орашоръ, потеряли во время правленія

(1) См. въ концѣ книги: *медали*.

(2) *Ath. L. V. Faz. de reb. Sic.*

Верреса болѣе статуи, нежели убиенныхъ, во время осады сего города Маркелломъ. Кромѣ Сиракузъ, всѣ другіе города, были предметомъ его алчности. Аббатъ Фрагье (Fraguier) написалъ цѣлую диссертацію о похищеніяхъ Верреса, подъ заглавіемъ: *Galerie de Verrès*. (1) До насъ дошло имя одного поэмъ Сицилійскаго ваятеля, называемаго: Пинагоръ Лентинскій; онъ былъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ художниковъ Греціи и первый довель до совершенства изображеніе мускуловъ, жилъ и волосъ. Платонъ и Плиній говорятъ объ немъ; послѣдній упоминаетъ о его статуяхъ; *Астила* и *Хромоногаго*. Ныѣшніе Музеумы Сиракузскій и Капанскій, хранятъ въ себѣ достаточныя свидѣтельства о совершенствѣ ваянія въ Сициліи. (2) Живописецъ Демонъ Гимерійскій былъ учителемъ знаменитаго Зевксиса. Его *Алкмена*, хранящая въ Агригентѣ, была одною изъ превосходнѣйшихъ картинъ древности. (3) — Музыка обязана также многимъ Сициліи. По увѣренію Плутарха, Спезиохоръ сдѣлалъ большія открытія въ оной. Платонъ учился музыкѣ у Метелла Агригентскаго. Формиксъ, родъ гитары, и цимбаль изобрѣшены въ Сициліи. Флейпа изобрѣшена пастухомъ, изъ окрестностей Капаны. — Андроній Капанейскій ввелъ первый, мѣрные движенія пѣла при звукѣ флейшы, ошъ чего и произошло употребляемое у

(1) См. *Memoires de l'acad. des insér.* T. VI.

(2) См. Т. II-й сего Путеш., въ статьѣ о Муз. Сиракуз.

(3) *Plin. L. XXXV.* с. 36.

Древнихъ слово: *сицилизовать*, т. е. *плясать*.
Эліенъ повѣснвуетъ, что нѣкто Орикадмъ, Си-
циліецъ, установилъ правила борьбы, названной
потомъ *Сицилійскою борьбою*.

Механика дошла въ Сициліи до степени высочай-
шаго совершенства: — довольно для сего названъ
Архимеда; кто не знаетъ того, который сказалъ:
„Дайте мнѣ мѣсто, гдѣ бѣ я могъ утвердиться, и
я совращу землю? — того, который, одинъ, защи-
щалъ Сиракузы противъ цѣлой арміи Римлянъ и
когого прозвали *сторукииъ Бріарееиъ*!

Наконецъ, совершенство Архитектуры Сицилій-
цевъ, видно и понынѣ въ изящныхъ остаткахъ хра-
мовъ: Агригенна, Сегестна, Сиракузъ, Селлюнна и
проч., приводящихъ въ удивленіе художниковъ всѣхъ
временъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ.

THE END OF THE WORLD

ГЛАВА I.

ОТПЛЫТІЕ ИЗЪ НЕАПОЛЯ.

... nec jam amplius ulla
Occurrit tellus, maria undique, et undique coelum...

(*Virg. Aen.*)

Дневной жаръ начиналъ мало по-малу ослабѣвать, и легкій вѣтерокъ, игравшій парусами нашего корабля, почти незамѣтно оподвигалъ его отъ берега. . . . Солнце клонилось уже къ западу; — лучи его, скользя по блестящей поверхности моря, осыпали багрянымъ свѣтомъ прелестный Неаполь, увѣнчанный садами и замками. Какіе берега! Какіе предметы, сославляющіе полукружіе сего очаровательнаго залива! Вотъ, грозный Везувій, клубящій черные столпы дыма по лазури райскаго неба Италіи! Вотъ, у цвѣтущей подошвы его, веселый *Портичи*: — это мавзоль пышнаго *Геркуланума*, погребеннаго подъ нимъ въ волнахъ лавы. Тамъ, далѣе, подъ грудами пепла, таишся злосчастная *Помпея*; — тамъ малая часъ ея, съ обезображенными храмами, театрами и портиками, проглядываетъ изъ-подъ праурнаго покрыва своего на очаровательное небо, подъ коимъ она нѣкогда дышала нѣгою жизни! Здѣсь, высоко возносяшся разнообразныя верхи ландшафтныя горъ *Сорренто*, —

Часть I.

отечество Пѣвца Іерусалима! — Взгляните теперь на западъ: вопъ живописная гора *Позилипо*, — а на вершинѣ ея, въ пѣни лавровъ и миршовъ, гробница *Виргилія*, котораго взлелѣяла прелестная *Парthenope*: (1) *dulcis alebat Parthenope...* (2) и ко- его невидимый геній, кажется, досель покрови- тельствуетъ любимымъ мѣста свои. За нею, въ глубинѣ сего мирнаго залива, разсыяны по берего- вому скапу, городъ *Пуццоло*; надъ нимъ, господ- ствуютъ хребты дышащей зноемо горы *Сольфа- таро*. Вонъ, очаровательная *Баія* — сладоспращ- ное убѣжище древнихъ Римлянъ. Сколько разваливъ храмовъ и дворцевъ смотрятся здѣсь въ зеркало едва плескающагося моря, и болѣе не узнаютъ себя!.. Тамъ, далекѣ вдаются въ волны живописный мысъ *Мизенѣ*, куда присталъ *гогилый* судьбою *Эней*, *fato profugus*. За симъ лѣсистыми высотами, скры- вается таинственное жилище *Сивиллы Кульской*; далѣе, грозный *Тартарѣ* и опрадна *Элисейскія поля*; здѣсь, выходящъ изъ безднъ моря, острова: *Низиды* — съ подводными скалами, *Прогида*, *Искія*. Сей послѣдній, гордо возвышается въ видѣ лазур- ной пирамиды, на вершинѣ коей догараютъ послѣд- ние лучи солнца. . . Теперь, мы проходимъ мимо кремнистыхъ скалъ пасмурнаго *Капрія*: уединенное жилище *Тиверія*, гонимаго безпрестанно муками совѣсти и пѣнями жерщвъ его, коимъ не загра-

(1) Древнее наименованіе Неаполя.

(2) Virg. Georg. Lib. IV, in fine.

ждали входа къ нему, ни ужасъ, ни угрозы, — спра-
жи недоступныхъ стѣнъ его дворца!

Окруженный неизъяснимыми красотою При-
роды, которыя ежеминутно терялись уже въ
шуманъ опдаленности, я старался напечатлѣть
ихъ въ своей памяти; не примѣчалъ происхо-
дившаго вокругъ меня — и не могъ опвески опъ
нихъ глазъ....

Солнце уже сѣло, и Неаполь исчезалъ въ пур-
пуровыхъ сумеркахъ; но Везувій, спрашилище сихъ
береговъ, долго снѣлъ еще на опдаленномъ гори-
зонѣ, озаряя оный изрѣдка пугами молній...

И сумракъ почи разсплалъ
Невидимыя крыла;
Спражь молчаливо управлялъ
Движеніемъ кормила;
Лишь изрѣдка своимъ шепотомъ
Компасу прикасался... (1)
Почили спутники кругомъ —
И жребій всѣхъ оберегался
Одною опытной рукой.
Съ пугеводителя, магнитна
Опъ не спускаетъ взоръ пѣмой, —
И мимо правитъ опъ гранита,
Который выросъ подъ водой; —
И непримѣтно загоралась
Звѣзда въ слѣдъ за другой звѣздой, —

(1) Тѣ, кои пугешествовали по морю, знаютъ обыкновеніе корм-
чихъ — пошевеливать компасъ, для того, чпобъ стрѣлка его не
заспанвалась.

И почь надъ бездною воцарялась...

Межъ тѣмъ, восточная страна

Внезапнымъ свѣтомъ просіяла;

Какъ раскаленный шаръ, луна,

Изъ моря шихо выплывала:

Чѣмъ болѣе она изъ воды

На небо возносила,

Тѣмъ болѣе, съ голубыхъ высотъ

Свѣтлѣла и серебрилась —

И — осіянная въ лучахъ,

Склоненная на волны,

Соорудила на струяхъ

Алмазный столъ огромный

Съ чудесною картиною сей

Мой взоръ не разставался;

Межъ тѣмъ, лѣтѣе и лѣтѣе

Сводъ неба разгорался, —

И какъ великъ восторгъ былъ мой,

Когда я, запавшій глубоко мечною,

Склонившись на море, увидѣлъ подъ собою

Другія небеса и сонмъ свѣтилъ другой! —

Ошестоду солнцами и небомъ окруженный,

Въ смятении чувствъ своихъ, я мнилъ,

Что вдругъ, съ землею разлученный,

Бездонной вѣчности я въ Океанъ плылъ! ..

О! какъ люблю я восхищаться

Великолепною картиною небесъ!

Съ звездами, пламенной душой люблю сливаться

И прочь отъ сей юдоли слезъ

Парить на крыльяхъ безсмертья

Туда, въ лазуревую сѣнь! ..

Высокія красоты природы погружаютъ меня
скоро въ задумчивость, и часто, вмѣсто того,

чтобы прильпая къ здѣшнему міру, возносясь въ неизвѣстный, который, будучи такъ непонятенъ разуму, близокъ сердцу и какъ будто бы знакомъ ему . . .

Поднявшійся проливный вѣтеръ долго продержалъ насъ около одного мѣста; скрытъ снастей отъ непрестанныхъ перестановокъ парусовъ, часто превожилъ мой сонъ. Съ восходомъ солнца насталъ совершенный штиль, но мы потеряли уже изъ виду землю, и необозримое море разстилалось огромнымъ полемъ, сливаясь со всѣхъ сторонъ съ небомъ. Мы спавши парусъ за парусомъ, и наконецъ ихъ набралось такъ много, что иные почти касались моря; ни одинъ зефиръ не могъ пролетѣть мимо, чтобы не задѣвъ насъ крыломъ своимъ. Средиземное море имѣетъ какой-то необыкновенный лазурный цвѣтъ, но причинъ почти всегда яснаго неба; не удивительно, что Древніе произвели изъ волнъ его богиню любви. Зефиры были намъ вѣрными спутниками во все время нашего плаванія; ни одно облако не пролетало по небу; зори оспаривали красотою одна другую; солнце вставало и заходило въ бездны моря во всемъ величїи; какъ часто я вслѣдъ за нимъ и провожалъ его, полный восторга! . .

Я находился, на прехмачшовомъ военномъ пакетботѣ, опредѣленномъ для сообщеній между Неаполемъ и Палермою. Общество наше

соспояло большого часпію изъ Палерминянъ. Тутъ была Княгиня *Ланци* съ мужемъ, котораи вручила мнѣ, уже на бордѣ, рекомендацельное письмо въ Палерму, отъ Дюшессы *Бервикъ*, (съ коей я былъ знакомъ въ Неаполѣ). Я назову Графа *Амари*, человека весьма свѣдущаго, особенно въ дѣлахъ своего опечества; Графа * * *, жишеля окрестностей *Терра-Новой*, коего имя, къ сожалѣнію, ускользнуло изъ моей памяти; Маркиза К., познакомившаго меня, во время сего переѣзда, съ прекрасными стихотвореніями Аббата *Мелли*, Анакреона Сициліи. Но я имѣлъ настоящимъ товарищемъ предпринимаго мною путешествія, сослуживца и соопечественника моего, Полковника К а. Кто бывалъ на морѣ, шопъ соглашися, что въ первый день плаванія, самое любезное общество, отъ непривычки къ движенію корабля, унываетъ, оспаетъ въ бездѣйствіи и чрезъ нѣсколько часовъ по снятіи съ якоря разсѣвается въ разныя стороны, и тогда корабль представляетъ часно видъ госпиталя. Со вторымъ или третьимъ днемъ, общество пассажировъ мало по-малу оживляется выздоравлиющими, и — начинается знакомство. Такъ было и съ нами. Мы сошлись весьма скоро. Когда взоры ни чѣмъ не развлечены, когда необозримыя пространства моря и неба суть единственные предметы, — тогда невольно связь съ ближнимъ дѣлается шѣнѣе.

Слабый въперъ очень мало подвигалъ насъ, но скука не касалась общества. Однажды, укло-

нясь на конецъ палубы съ молодымъ Графомъ * *
мы любовались захожденіемъ солнца, открывая въ
опдаленіи бѣлющія вѣприла; мы переходили изъ
мечпаній въ мечпанія, кошорыя, какъ бы тол-
пами, слезающъ съ небесъ, по захожденіи днев-
наго свѣтила — и погружающъ въ сладкую за-
думчивость предпримчивыхъ мореходцевъ. Пред-
сказаваясь часно въ видѣ мрачной и даже грозной
будущности, ночь, имѣющъ болѣе таинственности
на морѣ, чѣмъ на землѣ.

Era già l'ora che volge l' disio
A' naviganti e'ntenerisce il cuore,
Lo di ch' han detto a' dolci amici addio;
E che lo nuovo peregrin, d'amore
Punge, se ode squilla di lontano,
Che raja' l' giorno pianger che si muore . . . (1)

(Dante. Purg. C. VIII.)

Въ сіи торжественныя минуты, сообщали
мы другъ другу съ какою-то невольною искрен-
ностію, примѣчательнѣйшія черты нашей жизни,
и вошъ опрывокъ изъ жизни Сицильянца:

„Въ теченіе послѣдней войны съ * * *, — на-
чалъ онъ, — я имѣлъ несчастіе попасься въ плѣнъ

- (1) Вошъ тихій часъ, когда тоскующій, унылый,
Мечтающъ плаваешь съ распротанной душой,
О сказанномъ: *прости*, своимъ друзьямъ и милой; —
И пушикъ слушаешь съ прилиною тоской,
Какъ дальній колоколъ оплакиваетъ помню —
День, умирающій за горной высотой. . .

къ непріятелю, въ одномъ морскомъ сраженіи. Побѣдители, жестоко дали мнѣ чувствоваться права сильнаго, заключа меня въ нижнюю часть корабля, вмѣстѣ съ однимъ молодымъ Французомъ. Каюта наша, если можно назвать симъ именемъ мрачный, смрадный уголь, гдѣ едва могли мы спущипь при или чепыре шага, была пропитана всякой шорьмы. Удушливый воздухъ, скудная пища, жестокое обращеніе, довели насъ скоро до отчаянія. Тѣсно сближенные несчастіемъ, мы перялись мыслями, изыскивая способы перемѣнить нашу участь; но — какое средство могли мы имѣть къ освобожденію? . . Единственнае наше утѣшеніе было, попеременно глядя въ изъ узкаго окна на безконечную поверхность моря и дыша въ воздухъ, коимъ мы такъ нуждались. Часто желали мы броситься въ волны, но надежда удерживала насъ; и самое отчаяніе, угнѣтающее насъ, указало намъ способъ къ спасенію, который мы никогда не могли предвидѣть. Послѣ нѣсколькихъ дней плаванія, вскорѣ по захожденіи солнца за густыя облака, опдаленные удары грома и удушливость въ атмосферѣ возвестили приближеніе бури; ночью волненіе усилилось; шумъ на кораблѣ и скрытъ снастей, показывали намъ приготовленія къ штурму, и вскорѣ одна изъ ужаснѣйшихъ бурь заревѣла. Корабль нашъ по поднимался на страшную высоту, по погружался въ бездны; весь экипажъ находился въ чрезвычайномъ смущеніи; но страхъ не касался насъ; ибо положеніе наше было сподъ тяжело, что мы не боялись смерти.

Въ одну изъ ужаснѣйшихъ минутъ, когда прескъ корабля, казалось, предвѣщаль гибель, видя дверь нашей каюты распворенною, намъ пришло на мысль самое дерзкое предпріятіе: мы рѣшились, вспомошеспвуемые однимъ преданнымъ намъ мап-росомъ, (чужеземцемъ, какъ и мы) воспользоваться всеобщимъ смятеніемъ и темнотою, спустились въ одну изъ привязанныхъ къ кораблю шлюпокъ и ожидавъ въ ней окончанія бури, съ шѣмъ, чѣобы опрѣзаться попомъ опъ корабля. Рѣшимость и Провидѣніе увѣнчали насъ самымъ блестящимъ успѣхомъ. Но вообразице теперь насъ на безъизвѣстномъ морѣ; ибо мы не знали достовѣрно, гдѣ находимся, хотя полагали себя на Средиземномъ. Не спану описываю ужасовъ сей незабвенной для насъ ночи! Не могу поспичъ, какъ громады волнъ ве поглотили нашей шлюпки; скажу только, чѣо къ разсвѣту, море совершенно успокоилось; весьма вдалекѣ синѣлъ берегъ; боковой вѣтеръ дулъ къ оному, мы подняли парусъ — и не задолго до захожденія солнца, приплыли къ дикимъ скаламъ. Нашедши съ большимъ трудомъ мѣсто, гдѣ пристать, мы лобызали незнакому землю; но недолго ошались въ недоумѣніи, встрѣхся съ шайкою Варварійцевъ, которые въ одно мгно-веніе насъ окружили, связали руки и повлекли съ собою. Мы весьма хладнокровно приняли сіе привѣтствіе; — и на другой день находились въ Фецѣ, предъ лицемъ смуглаго правителя сего города; онъ зналъ не много по-Италіиски; и мы рассказали ему наше происшествіе; въ пер-

вѣй день мы были заключены и узнали пошомъ, что непріятельскій Консулъ, тамъ находящійся, требовалъ выдачи насъ въ его руки, какъ военнопленныхъ; но гордый сынъ Омаровъ отказалъ ему и позволилъ намъ, къ крайнему нашему удивленію, достигнуть береговъ Испаніи.“ —

Симъ заключилъ повѣсть свою любезный Графъ, кою жизнь исполнена была романическихъ происшествій.

На четвертый день плаванія открыли мы, послѣ обѣденнаго времени, скалы острова *Успики* копорый напоминаетъ ужасную смерть шести тысячъ воиновъ, наемниковъ Картагенскихъ. Картагенцы, дабы не заплашишь имъ, заслуженныхъ ими денегъ, высадили сихъ несчастныхъ, обманомъ, на этотъ бесплодный и необитаемый островъ, гдѣ они всѣ погибли отъ голоду; кости ихъ долго устилали берега, отъ чего и прозванъ оный: *Osteodes*, или *островъ костей*. — Успика не существовала, какъ говорятъ, прежде первой Пунической войны, и, вѣроятно, есть вулканическое произведение. (1) Одинъ изъ числа любезнѣйшихъ пассажировъ, съ приближеніемъ къ скаламъ Успики, сказалъ намъ: „можетъ быть, не многіе изъ нашего общества знаютъ, что сей маловажный

(*) *Faz. Lib. I, c. 1, p. 6.* По свидѣтельству Страбона: въ Консульство Эмілія Лепида и Люція Аврелія Оресса, видимы были на поверхности моря, окружающаго Успикъ, дымы и пламя.

островъ ознаменованъ перомъ Боккачя,“ — мы всѣ признались въ нашемъ невѣдѣніи: — „и такъ я скажу вамъ, государыни и государи мои, что сей островъ можетъ пробудить лиру Поэта: — здѣсь покоишься прахъ прекрасной дочери Короля Тунисскаго, и такъ какъ я увѣренъ, что вы предпочтете разсказъ Боккачя моему, я приглашаю васъ выслушать одну изъ его безсмертныхъ повѣстей.“ — Дамы наши, какъ бы забывъ вольность пера сего великаго Писателя, въ одинъ голосъ требовали немедленнаго чтенія, — принесли книгу, сѣли въ кружокъ, и мы всѣ, приготовясь, по общему предмету повѣстей Боккачевыхъ — смѣясь, — были распротаны — и въ продолженіе чтенія невольно посмакивали на Устику. (1) Здѣсь содержись Неаполитанское Правительство, часть своихъ преступниковъ. Дерзкіе Варварійцы похитили отсюда первыхъ жителей, переселенныхъ изъ Сициліи. Печальный островъ сей отстоитъ отъ нея на 30 географическихъ миль, и имѣетъ 12 миль въ ширину. Малое число невольныхъ обитателей онаго, во время чрезвычайныхъ жаровъ сего лѣта, изсушившихъ его скудные источники, погибло бы отъ жажды; если бъ не приспѣли на помощь два корабля изъ Палермы, нагруженные водою. — Тутъ насъ заспигъ опять, шпиль.

На слѣдующій день, поутру, корабельный колоколъ возвѣспилъ намъ объядню; наступившій день

(1) См. Boccacio, il Decam. Giorn. IV, Nov. 4.

былъ воскресный. Двѣ или три доски, ушверженныя къ большой мачтѣ, составили скромный алтарь; спарецъ Священникъ, въ бѣломъ облаченіи, вынесъ святыя дары, — и всѣ плаватели пали ницъ; глубокое молчаніе водворилось; шипѣніа неба и моря соотвѣшествовали оному. Всѣ занялись моливою, и даже правящій рулемъ, оставилъ его; тогда, произвольно колеблемый корабль казался преданнымъ десницѣ Святаго Промысла, предъ коимъ мы преклоняли колѣна. Во весь сей день мы едва нѣсколько подвинулись впередъ; въперъ совершенно упалъ; жаръ былъ чрезвычайный; но часа за три до разсвѣта шестаго дня, подулъ сильный попутный въперъ; быстрый бѣгъ корабля и шумъ волнъ, разбивающихся объ его ребра, пробудили насъ отъ покойнаго сна. Мы радовались приближавшемуся концу плаванья и другъ передъ другомъ спарались, при бѣлѣющемся разсвѣтѣ, открыть берегъ Сициліи.

Заря румянила уже горизонтъ, когда шкиперъ возвѣспилъ намъ сей оспровъ, показывая на лазуревыя вершины мыса *Галло*, прозирающія сквозь розовыя облака и ушренніе пары. Корабль нашъ летѣлъ, какъ стрѣла, при радостныхъ взаимныхъ поздравленіяхъ. Заря блѣднѣла, пары исчезали, берегъ терялъ синеву свою, и вмѣстѣ съ симъ, обозначались цѣпи высокихъ горъ, заливы, изгибистые берега, одѣтые рощами, городами и селеніями. Въ 9-мъ часу вошли мы въ обширный

бассейнъ Палермскаго залива, заключеннаго съ запада, громадою горы *Пеллегрино*, охраняющей гавань отъ сѣверныхъ вѣтровъ, — а съ востока, пирамидальнымъ мысомъ *Зафарано*. Вскорѣ открылась *Палерма*.

ГЛАВА II.

ПАЛЕРМА.

Я помню твой восходъ, знакомое свѣтило,
Надъ мирною страной, гдѣ все для сердца мило,
Гдѣ дремлетъ пѣжный миритъ и темный кипарисъ
И сладосно шумящъ полуденныя волны.
Тамъ, нѣкогда, въ горахъ, сердечной думы полный,
Надъ моремъ я влачялъ задумчивую лѣнь

(А. Пушкинъ. *Малл. Стих.*)

Мы спали на якорь близъ красиваго маяка, въ шумномъ портѣ, наполненномъ кораблями. Нѣсколько лодокъ окружили насъ, съ громкими предложеніями услугъ; но голоса шрапширищиковъ были слышнѣе прочихъ: — увидѣвъ свою добычу на землѣ, ихъ усердіе усугубилось; къ нимъ присоединилось нѣсколько рѣзвыхъ мальчиковъ, продающихъ опахалы; мы сначала удивлялись ихъ предложеніямъ; но—посмотрѣвъ вокругъ, увидѣли, что весьма многіе мужчины пользуются сею дамскою принадлежностію, и мы рѣшились на сію покупку, опъ необыкновеннаго зноя, который, при первомъ шагѣ моемъ на землю, возвѣстилъ мнѣ *островъ Солнца*. (*)

(*) Одно изъ названій Сициліи, въ глубокой древности.

Зданія Палермы съ перваго взгляда показыва-
ютъ роскошный городъ. Мы вступили въ него
чрезъ гошическія ворота, — ведущія въ велико-
лѣпную улицу, называемую: *il Cassaro*, или *Толе-
д-скал*; она идетъ прямою линіею сквозъ весь го-
родъ; дома, составляющіе ее, не уступаютъ,
архитектурою, Неапольскимъ; — но улица сія
была въ то время совсѣмъ пуста: водворившійся
зной, заставлялъ всѣхъ укрываться, всѣ рѣ-
шетки и гардины въ окнахъ были опущены, и мы
сами спѣшили отдохнуть въ ожидавшей насъ го-
стинницѣ. Слѣдующій день мы употребили на
визиты, съ рекомендабельными письмами. Госте-
примство и ласковость Палермскихъ вельможъ
облизали насъ съ ними, съ перваго раза. Въ осо-
бенности Дюкъ Серра ди Фалько, правящій Ми-
нисперствомъ внутреннихъ дѣлъ, и Генераль Валь-
модеъ, начальствующій Австрійскими войсками,
занимавшими тогда порты Сициліи (въ слѣдст-
віе политическихъ происшествій 1820 года), при-
влекли насъ къ себѣ своею любезностію. Мы уз-
нали отъ нихъ, между прочимъ, что скоро на-
станетъ для сего города праздникъ, ежегодно
пояржествуемый съ большимъ великолѣпіемъ, въ
честь Св. Розаліи, покровительницы Палермы;
они совѣтовали намъ употребить промежутокъ
времени, до сего пояржества, на обозрѣніе запад-
ной части Сициліи, и мы рѣшились послѣдо-
вать сему совѣту, но — не прежде, пока совершен-
но отдохнемъ отъ морскаго путя и нѣсколько
насладимся роскошью прекраснаго города.

Палерма не имѣетъ сходства съ городами Италіи; вы видите здѣсь другую Природу и даже другія лица; переѣздъ изъ Неаполи, моремъ, показалъ мнѣ сіе различіе весьма чувствительно. При первомъ шагѣ въ Палермскомъ портѣ, на ружность Сицилійцевъ обратила мое вниманіе; живость ихъ лицъ чрезвычайно выразишельна: кажется, что каждый взглядъ ихъ — говоритъ; черты ихъ весьма правильны, глаза быстры, волосы по большей части черны, цвѣтъ лица смуглый, и нѣкоторая гордость видна въ ихъ улыбкѣ. Значительная осанка и твердая поступь даютъ имъ нѣкоторую важность. Языкъ ихъ не такъ пріятенъ, какъ Италійскій; онъ рѣзокъ, но въ немъ нѣтъ ни чего сходнаго съ грубостью нѣкоторыхъ сѣверныхъ языковъ; — быстрый разговоръ ихъ, смѣшанный съ безпрестанными пантомимными движеніями, обращаетъ невольно вниманіе чужестранца. Нигдѣ не усовершенствована такъ пантомима, какъ въ Сициліи. Сіе искусство говорить плъдвиженіями — сохранилось здѣсь отъ временъ *тирановъ*, когда, всякое нескромное слово, стоило заключенія или смерти.

Мы употребили первые дни на осмотръ города. Окружность его имѣетъ около 9 верстъ; съ западной стороны есть небольшія укрѣпленія и стѣны, впрочемъ, онъ отовсюду открытъ. Палерма построена на самомъ берегу моря, въ обширной долинь, среди цвѣшущихъ садовъ.

Каменистыя цѣпи горъ, заслоняютъ со стороны земли небосклонъ, и при первомъ взглядѣ, кажешься, что городъ прилежитъ къ ихъ подошвамъ. Двѣ прекрасныя прямыя улицы разрѣзываютъ Палерму напреслѣ: *Толедская* или *Кассеро*, и *Макведа* или *Страда-Нова*. Прочія улицы изгибисты, — и по весьма полезной причинѣ; ибо тамъ, гдѣ солнце никогда не заслоняется облаками, дорожатъ тѣнью, и она всегда сохраняется въ тривыхъ улицахъ.

Архитектура Палермскихъ зданій не представляетъ особеннаго характера, но есть слѣпокъ вкуса Испанскаго съ Магрипанскимъ; тоже почти можно сказать и о характерѣ націи, который, сверхъ природной своей оригинальности, носитъ оппечатокъ двухъ народовъ, долго владычествовавшихъ въ Сициліи.

Домы главныхъ улицъ, *Толедской* и *Макведы*, великолѣпны; они не имѣютъ крышъ кошорыя замѣнены террасами; а нѣтъ изъ сихъ террасъ покрыты цѣпниками; нижніе этажи заняты лавками и безчисленными кандиперскими буфетами, а прочіе жилые этажи испещрены открытыми и рѣшетчатыми балконами. Къ вечеру, всѣ жители переселяются на нихъ, съ своими занятіями. Глаза разбѣгаются по постройкѣ, одеждѣ, безпрестанно останавливаются на прелестныхъ лицахъ женщинъ, или стараются разгадать оныя сквозь тонкость покрываль, подъ

коими обыкновенно полускрываются здѣшнія красавицы. Нерѣдко въ сихъ семейственныхъ кругахъ вы увидите, посреди бѣлоснѣжныхъ или цвѣшнихъ одеждъ женщинъ, черную рису счастливаго Аббата, который, облокотясь весьма свободно на кресла своей сосѣдки, бесѣдуетъ съ нею въ полголоса. . . . Покрывала, съ которыми ходятъ здѣшнія дамы, налага на нихъ пріятную опшѣнку, придають имъ, въ глазахъ мужчинъ, красоту, иногда вообразительную; нѣ, которые не весьма щедро одарены Природою, украшаютъ себя искусной драпировкой; сихъ покрываль, кои весьма длинны и спускаются вдоль всей спины; но покрывало красавицы поднимается, какъ будто проливъ ея воли услужливымъ зефиромъ или собственною ея небрежностью. Здѣсь женщины чрезвычайно стройны; вообще — черноволосы; косы ихъ длинны; черты лица — Греческой правильности, глаза — полны огня; цвѣтъ лица — бѣлый, если лицашительно сбереженъ; но простой народъ смуглъ. Любовь, балконная жизнь и вечерняя прогулка на берегу моря суть ихъ занятія. Любезность ихъ весьма привѣтлива, — и кажется, что ревность мужей не налагаетъ уже на нихъ столь тяжкихъ оковъ, какъ прежде.

Изъ главныхъ зданій Палермы, привлекающихъ наиболѣе вниманіе, я опишу во-первыхъ, соборную церковь Св. Розаліи. Видъ ея напоминаетъ великолѣпіе Мавровъ. Кромѣ высокаго купола, тонкія четырехстороннія башни возвышаются по чепы-

ремъ угланъ параллелограмнаго зданія. Хотя спротивъ вкусъ можетъ найти предосудительнымъ излишнія наружныя украшенія, но сія странность Маврскаго водчества имѣетъ свою красоту, которую не должно изслѣдывать по частямъ. Зодчество Восточныхъ народовъ, подобно какъ и Поэзія ихъ, есть не правильная, но роскошная игра пылаго воображенія, и можно ли осуждать Поэта за неправильности, коль скоро онъ облеченъ въ необыкновенную красоту? — Сей храмъ облачается въ Восточный видъ всю площадь. Онъ былъ воздвигнутъ въ царствованіе Вильгельма II-го, гордымъ Архіепископомъ Готтѣ, въ 1185 году. Внушительность уступаетъ наружности; планъ весьма обширенъ и хорошъ, но частныя украшенія — безъ вкуса: тяжелые своды поддерживаются чепырьмя коронными составными колоннами, онъ несоразмѣренъ съ огромностью зданія. Но тамъ, все вниманіе обращается на превосходныя гробницы двухъ Императоровъ: одна изъ нихъ принадлежитъ Генриху VI, безчеловѣчному пирани, прозванному *Нерономъ Сициліи*; а другая — знаменитому Фридриху II, коего царствованіе составляетъ, можетъ быть, важнѣйшую эпоху XIII вѣка; обѣ онѣ изсѣчены изъ цѣльныхъ массъ древняго краснаго порфира и сдѣланы по образцу известной гробницы Агриппы, находящейся въ Римѣ, въ церкви Св. Іоанна Лапрана; онѣ также напоминаютъ не менѣе огромные куски порфира, изъ коихъ сдѣланы двѣ ванны Римскихъ Императоровъ, хранящіяся въ Ватиканѣ. Не надобно вгля-

дывались въ рѣзныя украшенія Палермскихъ гробницъ: онѣ изобличаютъ посредственность среднихъ вѣковъ. Сии прекрасныя куски были вывезены изъ Палестины. Совѣнную замѣнивъ каедрю, ознаменованную рѣзцомъ Каджини, жившаго въ 15-мъ вѣкѣ.

Пройдя самого собора Св. Розалии, возвышающагося дворецъ древнихъ Королей Сицилии. Печать времени, историческія воспоминанія и разнообразная архитектура его, которая однако не безъ великолѣпія, даютъ ему цѣну въ глазахъ путешественника. Нынѣ въ немъ находятся залы Совѣта и Парламента и въ немъ живутъ Вицери. Внушенность его въ зауствнн; — Рогеры, Роберпы и слава не обншаюшъ болѣе въ немъ!

Дворецъ сей заключаетъ истинное сопровоженіе; вы тамъ увидите два бронзовые овна, сооруженные Архимедомъ, въ Сиракузахъ, и найденные въ развалинахъ сего города. Какъ одушевляющъ ихъ имя Архимеда! Это единственный оспашокъ сего сверхъ-спешивеннаго генія. Овны сіи, коихъ было чепыре, стояли на колоннахъ по чепыремъ угламъ одной изъ Сиракузскихъ башенъ; въ каждомъ изъ нихъ есть нѣсколько опверсннй въ бокахъ, куда проникалъ вѣтеръ, и опъ чего они, издавая особенные звуки, подобные мычанію сихъ живописныхъ, опредѣляли (какъ говорящъ) направление онаго. Какаа роскошь хншраго искусства? Въ Музеумъ Іезуитскомъ можно видѣть собраніе

древностей, найденных по большей части въ Палермѣ и въ ея окрестностяхъ; главное богатство Музеума состоишь въ медаляхъ и глиняныхъ сосудахъ. Много и надписей, но все безпорядочно расположены и худо или совсѣмъ не исполкованы. Тамъ же я видѣлъ статуя одного изъ Египетскихъ боговъ, во внутренность которой помѣщался жрецъ и произносилъ оракулы. — Къ замѣчательнымъ зданіямъ Палермы принадлежатъ и чешыре фаса домовъ, кои составляютъ въ самомъ центръ города, гдѣ пересѣкаются двѣ поперечныя улицы, Толедская и Макведа, осмиугольную площадку. Архитектура ихъ подобна Флорентинской, но оягчена разными побочными украшеніями, къ числу коихъ принадлежатъ нѣсколько мраморныхъ статуй. Должно упомянуть также объ обширномъ домѣ Архіепископовъ и о красивомъ госпиталѣ для бѣдныхъ, находящемся при выѣздѣ изъ города, по дорогѣ въ Монте-Реаль. Въ числѣ достопамятностей города, занимаетъ не послѣднее мѣсто большой водометъ, сооруженный на такъ называемой Преторской площадѣ, прошивъ Сената, и который, если бъ. не слишкомъ былъ снѣженъ высокими домами, то получилъ бы лучший видъ; онъ весь изъ бѣлаго мрамора и заключаетъ въ себѣ до сорока статуй средней величины. У ногъ ихъ дельфины и другія животныя извергаютъ воду. Сей водометъ роскошенъ — во вкусѣ Мавровъ, и слишкомъ украшенъ; кто не предпочтетъ сей роскоши превосходную простому водомету *Acqua Felice*, на выѣ

сомѣ одного изъ семи холмовъ Рима? или *Моисей*, въ той же столицѣ? или *Нептуна*, въ Болоньи? Палермскій водометъ сооружался въ шеніе 180-ти лѣтъ; надъ нимъ спудились многие искусные ваятели, межъ коихъ опмичаюшся Вагерино, Камильяно и Себастіанъ Пьомба.

Самымъ привлекательнымъ мѣстомъ города, была для меня набережная (*Marina*). Съ семи часовъ вечера, начинается уже берегъ покрываться праздными. По мѣрѣ, какъ солнце склоняется къ горизонту и пріятная свѣжесть сходитъ съ небесъ прохладаетъ знойную землю, — толпа увеличивается, и блестящіе экипажи, съ нарядными дамами и кавалерами, начинаютъ мелькать; скоро составились они цѣлые ряды, — и спукъ колесъ и веселый шумъ голосовъ, глухо разносясь по морю. — Но свѣшло дня скрывается уже за синимъ колоссомъ горы *Пеллегрино*. Дикій видъ сей огромной горы, рисуясь по розовому небу, кончается, на западѣ, перспективу. Рядъ великолѣпныхъ зданій тянется вдоль берега и сливается съ садами и дачами; далѣе, берегъ закручивается, — и нагія цѣпи горъ, *Катальфано* и *Багаріи*, заключаютъ восточный горизонтъ. Когда же блѣдная луна, одѣтая тонкими парами наступающей ночи, выходитъ изъ необозримаго пространства тихо колеблющагося моря, — прогулка сія принимаетъ совсѣмъ другой видъ. Волъ уже волны улеглись, въперъ упалъ; луна разсыпаетъ алмазы по гладкой поверхности уснувшей пучины; и тишина

Природы, кажется, дѣйствуетъ иногда на людей. Тупѣ, многія дамы выходятъ изъ колясокъ и давъ руку своимъ мужьямъ или кавальерамъ, направляются вдоль берега и теряются въ сумеркахъ; — на семь мѣстъ не шerpиптъ ни фонарей, ни факеловъ, а довольствуются однимъ свѣтомъ Діаны.

Въ то же время, внезапно освѣщается разноцвѣтными фонарями красивая бесѣдка, посреди берега. Тамъ уже цѣлый оркестръ ожидаетъ назначеннаго часа, и вдругъ, очаровательные звуки Италіанской музыки поражаютъ слухъ. Тупѣ можно видѣть, какъ чувствительны южные народы къ гармоніи. Съ первымъ ударомъ смычка, движеніе толпы прекращается, все умолкаетъ; въ одинъ мигъ всѣ экипажи останавливаются, хотя бы то было на поворотѣ; каждый оспаетъ недвижимъ на томъ мѣстѣ, гдѣ до него достигъ первый звукъ; всѣ упиваются нѣгою гармоніи и только тихій гулъ морскихъ зыбей сливается съ нею. Съ пресѣченіемъ музыки, стукъ колесъ, шумъ толпы, громкіе голоса продающихъ мороженое и льдистую воду, нарушаютъ безмолвіе. Черезъ каждые полчаса оркестръ играетъ и то же зрѣлище возобновляется.

Какъ сладостно, послѣ дня, проведеннаго подъ раскаленнымъ небомъ, бродить съ милою женщиною въ шѣни ароматической ночи, на берегу спокойнаго моря или подъ навѣсами апельсиновыхъ и померанцевыхъ деревьевъ. Для Сициліянокъ, любовь споль же необходима, какъ и воздухъ.

Жаръ климаша, благовонія правъ и цвѣтущихъ
фруктовыхъ роцъ, вливають нѣгу во всѣ ихъ
чуждства, и тогда, одна мысль, одно желаніе управ-
ляетъ ими. Вотъ таинственные часы любви!
Сколькимъ юношамъ день казался въкомъ въ ожи-
даніи сей ночи, которая, въ свою череду, пока-
жется имъ мгновеніемъ. Садъ, называемый слад-
кимъ именемъ Флоры, принимаетъ тогда, подъ
ночные кривы своихъ ароматныхъ деревьевъ, счастли-
выя чепы; онъ, какъ пѣни Элисейскихъ полей,
мелькають тамъ и здѣсь

Тамъ вьются виноградны лозы,
Сдѣлавъ вамъ шиписный сводъ;
Тамъ парсвуютъ молодыя розы —
И пѣгой дышущій Эроть.
Сихъ скромныхъ мѣстъ игривый Геній,
Великъ вамъ позабытъ про смерть —
И весь въ цвѣтахъ, онъ съ ложа лѣни
Объясъ къ вамъ спѣшитъ простерти.
Здѣсь слышны соловья пѣтвы,
Здѣсь вѣетъ вѣтерокъ на васъ
Какъ съ опахала милой дѣвы;
Когда, онъ вальса закружась, —
И чутъ перевода дыханье, —
Прохладу на себя манитъ,
Скрывая персей трепетанье
И пламень розовыхъ ланитъ . . . (1).

Прогулка сія продолжается почти до двухъ
часовъ ночи. Опшуда всѣ направляются по То-
ледской улицѣ, гдѣ экипажи безпрестанно оста-
навливаются возлѣ кандитерскихъ лавокъ, коими
изобилуетъ сія улица; пѣшеходцы наполняютъ

(1) Сіе описаніе вечерней прогулки Палермплицъ, составляетъ одно
изъ моихъ писемъ къ А. А. З — ой.

внутренность оныхъ, а знашныя прохладяются въ своихъ коляскахъ. Мороженое, дѣлаемое въ Палермѣ, можетъ назваться первымъ въ Европѣ; роды онаго безчисленны. Расходъ на сіе лакомство необыкновенно великъ, пѣтъ болѣе, что оно дѣлается почти необходимымъ во время жаровъ, особенно когда въперѣ *Сироко* посѣщаетъ сей бегъ; тогда весь день и половину ночи, лимонадные буфеты принимаютъ посѣпителей. Иныя изъ сихъ пріятныхъ убѣжищъ отъ раскаленнаго неба, не имѣютъ оконъ; свѣтъ проникаетъ изъ дверей и едва показывается въ глубинѣ мягкіе диваны, на которыхъ нѣжась распаленныя жаромъ красавицы, и прохладя себя мороженымъ, внимаютъ сладкимъ рѣчамъ своихъ *Чижизбесовъ*. Но ничего не можетъ быть непріятнѣе докучливой толпы нищихъ, которые въ одно мгновение окружаютъ со всѣхъ сторонъ приближившійся экипажъ, какъ свою добычу; это пѣ же сцены, какъ и въ Неаполѣ: къ нимъ шрудно привыкнуть!

Наружность всякой столицы обличаетъ свойства и образъ жизни не только городскихъ жителей, но и всего народа. Посмотрите на Палерму: много ли вы найдете въ ней магазиновъ съ полезными товарами, много ли рабочихъ лавокъ? Вездѣ кондитерскія и кофейныя дома или *Казины*; и наблюдающій чужеземецъ, не путешествуя еще по сему острову, приготовитъ себя видѣть народъ чувствительный и баловней южнаго неба.

ГЛАВА Ш.

ПАЛЕРМА.

Тамъ разцвѣтають нарды и киннамона лозы. —
II. воздухъ напоенъ благоуханьемъ розы. . .

(Батюшковъ.)

Чужестранцы найдутъ много удовольствій въ здѣшнихъ клубахъ, особенно въ большомъ дворинскомъ *Казино*, который оживляетъ обществомъ милыхъ женщинъ. Тамъ играютъ въ карты, читаютъ Журналы, поютъ и бесѣдуютъ. Женщины здѣсь весьма ласковы и развязны. Любовь, кажется, оживляетъ всѣ ихъ рѣчи. Нравственность ихъ мало различивуется отъ нравственности Италіянскъ, — но Сициліянки сладострастны, а не развратны. *Чижезбелли* здѣсь также царствуютъ, какъ и въ Италіи; здѣсь часто молодая дѣвушка, выходя за мужъ — по прилицію, требуетъ отъ своего мужа контрактомъ, чибъ шопъ, которому принадлежитъ ея сердце, былъ ея кавальеромъ сервенти.

Хотя мащери строго наблюдаютъ здѣсь за своими дочерьми, но собственнѣй примѣръ сихъ первыхъ, рано пробуждаетъ пламенное воображеніе дѣтей. Здѣсь почти всѣ дѣвицы въ перепискѣ

съ молодыми людьми. Онѣ передаютъ одна другой куплебы, получаемые ими отъ своихъ обожателей, пищая шѣмъ, между собою, безпреспанное соревнованіе.

Дворянство въ Сициліи весьма многочисленно. Привязанность къ шипламъ нигдѣ, я думаю, не обнаруживается такъ сильно, какъ здѣсь. Почти всѣ дворяне носятъ званія Князей, Графовъ, или Маркизовъ; шипла сіи получаютъ они обыкновенно при покупкѣ владѣній и очень часто отъ своихъ жёнъ. Многіе кавальеры, терпящіе бѣдность въ семействѣ своемъ, разѣзжаютъ во время прогулки въ блестящемъ экипажѣ, и съ наспусленіемъ ночи сопровождаютъ до своего дома нѣсколькими факелами. Привязанность къ шипламъ, ведетъ за собою неминуемо пышность и неумѣстную спѣсь, и вы [это найдете въ Палермскихъ дворянахъ; но они обнаруживаютъ свойства сіи болѣе между собою и особенно передъ Неаполитанцами; съ иностранцемъ же пріѣзжими и гостепріимны. Всѣ показываютъ большое соперничество въ преимуществѣ древности своего благородства; мнѣ часто случалось слышать, какъ они называли съ *пропією* иныхъ извѣстныхъ своихъ Графовъ: *мѣлкии дворянствои*; это еще неизгладившіеся слѣды *среднихъ вѣковъ*. Судя вообще, Сицилійцы рождены съ оспрымъ умомъ и съ пламеннымъ воображеніемъ, и — что болѣе всего, съ швердымъ и благороднымъ характеромъ, дѣлающимъ ихъ способными къ великимъ предпріятіямъ.

піймъ; но они очень отдалены просвѣщеніемъ отъ прочихъ Европейцевъ: — эпо болѣе происходятъ отъ шажкаго ига, подѣ коимъ они находились въ разные времена у разныхъ народовъ.

Сказанное мною о Палермскомъ дворянствѣ, есть разсужденіе общее; но вы всегда найдете здѣсь вельможъ съ обширными познаніями и коихъ кругъ общества спомпъ на ряду съ первыми обществами всякой столицы.

Во время пребыванія моего въ Палермѣ, я посѣщалъ съ особенною пріятностію домъ Дюка Серра ди Фалько, который, не смотря на молодость лѣтъ своихъ, занимаетъ мѣсто Министра внупреннихъ дѣлъ. Его прозрѣты показывають большія свѣдѣнія и патриотизмъ. Любезность молодой супруги его привлекаетъ къ нимъ лучшее общество; привѣтливость ихъ будетъ для меня всегда памятна. Домъ Графа Амари, отличнаго своею опытностію и особенными свѣдѣніями по хозяйственной части своего опечесства, — доставлялъ мнѣ также много пріятныхъ часовъ; но — чаще всего проводилъ я время у Графа Вальмодена. Сей Генералъ, пріобрѣтшій себѣ отличное имя въ кампаніи 1814-го года и служившій нѣкоторое время подѣ нашими знаменами, началъ спивовалъ тогда семью тысячами Австрійскихъ войскъ, занимавшихъ Сицилію; на семъ скользкомъ поспу, посреди народа предпріимчиваго и недовольнаго своимъ Правительствомъ, онъ умѣлъ заслужить общую любовь.

Мы часто объезжали на его дачъ, на берегу моря, по дорогѣ къ *Багарии*. Кругъ его собесѣдниковъ состоялъ всегда изъ просвѣщенныхъ военныхъ людей и двухъ или трехъ извѣстныхъ Палермскихъ вельможъ. Послѣ объѣда мы уклонялись подъ тѣнь апельсиновыхъ и лавровыхъ деревьевъ, соснавалявшихъ его садъ, населенный нѣсколькими лучшими птицами и звѣрями сего острова; шая, непринужденная искренность и веселость оживляли разговоры наши, кои часто продолжались до самого вечера. Около семи часовъ мы расходились, и черезъ часъ или два встрѣчались опять на очаровательной прогулкѣ — по набережной.

Лѣтній жаръ въ мое время былъ чрезвычайенъ. Палящій вѣтеръ *Сироко*, порожденіе Африканскихъ степей, посѣщалъ сей берегъ слишкомъ часто. Реомюровъ термометръ показывалъ не рѣдко до 35-ти градусовъ въ тѣни. Тогда, въ продолженіе цѣлаго дня, городъ дѣлается пусты; почти ни одного прохожаго не видно на улицахъ, всѣ гардины опущены и ставни закрыты; глубокая тишина, какъ бы предвѣстіе какого несчастія, царствуетъ повсюду; чрезвычайное разслабленіе находить на человека; сильный потъ открываетъ всѣ поры, а воздухъ походитъ на испареніе печи. Какой расходъ тогда на мороженое! Надобно замѣтить, что Палерминцы въ лѣтнее время завтракали всегда мороженымъ. Я не мало удивился, когда увидѣлъ въ первый разъ, въ 6-ть часовъ утра, всѣ кондитерскія лавки наполнен-

ными поѣшпителями, употребляющими сіе прохладительное, вмѣсто кофе и чаю; но вскорѣ самъ былъ принужденъ послѣдовать сему примѣру, ибо въ чрезвычайный зной, ни что неподдерживаетъ такъ силы. Зимой здѣсь всегда около 10 градусовъ тепла, и весьма рѣдко ртуть доходитъ до точки замерзанія; но это уже *non plus ultra* здѣшняго холода.

Въ продолженіе жаркихъ дней, Палермитяне, и въ особенности дамы, невидимы отъ 11 часовъ утра до пяти по полудни, это время посвящаютъ онѣ сну, или опдохновенію; весь вечеръ употребляютъ на прогулку, а часть ночи на бесѣды. — Палермскіе вельможи могли бы нѣсколько защитивъ себя отъ жару, построивъ дома свои на берегу моря; но сія часть города занята была съ давнихъ временъ укрѣпленіями, изъ коихъ нѣкоторыя еще существуютъ; — такъ, что почти одинъ только домъ или, лучше сказать, великолѣпный дворецъ Князя Буперы, пользуется сего мѣстностью.

Въ первые дни моего здѣсь пребыванія, я познакомился съ знаменитымъ Астрономомъ, Аббатомъ *Ніацци*. Палерма, его опечесство, есть любимое его жилище; не смотря, что Неаполитанскій Король сдѣлалъ его главою славной обсерваторіи своей столицы и почтилъ всѣми орденами, сей ученый мужъ хранитъ неизмѣнную привязанность къ своей родинѣ и къ тому берегу, гдѣ

Уранія увѣнчала его неупоминимые пруды. Онъ разширилъ кругъ планетной системы нашей открытіемъ Цереры въ 1801 году 1-го Января (н. с.) и спалъ на ряду съ первыми Астрономами. Его творенія займутъ отличное мѣсто въ Истории Астрономіи. Чрезъ него, Палермская обсерваторія сдѣлалась одною изъ значительнѣйшихъ; онъ издалъ любопытное описаніе ея. Новая Неаполитанская обсерваторія на *Capo di monte*, также имъ основана. Нѣкоторыя инструменны здѣшней обсерваторіи, особенно тѣ, кои служатъ для наблюденія прохода планетъ, славятся своею удивительною точностію. Занимающійся Астрономіею, вполне удовольствовалъ здѣсь свое любопытство. Аббатъ *Піацци* принялъ меня очень ласково; первое посѣщеніе мое продолжилось болѣе трехъ часовъ, и я не могу не изъявить здѣсь моей признательности сему почтенному спарцу за благосклонность, съ каковою онъ нѣсколько разъ удѣлялъ мнѣ часы отъ высокихъ занятій своихъ и удовлетворялъ мое любопытство на счетъ его науки. Я нашелъ въ немъ весьма скромнаго философа, тѣмъ болѣе признающаго слабостъ земныхъ познаній, чѣмъ болѣе взоръ его проникаетъ въ таинственные бездны неба. Онъ имѣетъ теперь 76-тъ лѣтъ, (1) росту средняго, худощавъ и весьма еще бодръ по своимъ годамъ; разговоръ его очень тихъ и весьма натураленъ; жизнь его

(1) Это писано въ 1822 г. Аббатъ Піацци кончилъ уже жизнь свою въ 1826 году.

посвящена единенію и стараніемъ оставивъ по себѣ въ своемъ опечистѣ достойныхъ преемниковъ. Открытіемъ Цереры въ первую ночь 19-го столѣтія, онъ озарилъ ученый горизонтъ онаго и пробудилъ теней своихъ послѣдователей. Поводомъ къ сему открытію, сказывалъ мнѣ Аббатъ Піацци, послужило ему мнѣніе Кеплера, что разстояніе, находящееся между *Марсомъ* и *Юпитеромъ*, слишкомъ не пропорціонально съ разстояніями другихъ планетъ между собою. (1) Г-нъ Піацци подарилъ мнѣ, при прощаніи, на память, описаніе Палермской и Неаполитанской обсерваторій, имъ устроенныхъ.

Въ одной Палермѣ и принадлежностяхъ ея насчитали мнѣ до семидесяти монастырей; вообразите же себѣ, сколько ихъ по всему острову! Въ числѣ 1,600,000 обитателей, полагають въ Сициліи 47 тысячъ духовенства. Многолюдіе въ Палермѣ поспешенно убавлялось отъ начала 18-го столѣтія; тогда сія столица населена была 200,000 жителей; нынѣ же едва заключаетъ 150,000. Безъ сомнѣнія, духовные Ордена, наполняющіе сіе государство, много преняишеивуютъ народонаселенію, которое могло бѣ быть значительнѣе, по той при-

(1) Планета Г. *Піацци* описываетъ свой орбитъ между орбитами Марса и Юпитера, въ 4 года и 7 мѣсяцевъ, на разстояніи 58,000,000 милъ отъ солнца, проиёкая въ каждую секунду $2\frac{1}{2}$ милл. Она допоязъ ускользала отъ проникательности Астрономовъ своею малостию и очень слабымъ сіяніемъ, и походила на звезду 7-й величины.

чипъ, что здѣшнія женщины весьма плодородны, очень рано выходятъ замужъ и уже совершенно зрѣлы въ 13 лѣтъ.

Любопытнѣйшимъ изъ всѣхъ Палермскихъ монастырей, я назову Капуцинскій. Онъ находится за черпою города. Монастырь сей считается однимъ изъ главнѣйшихъ Капуцинскаго Ордена; зданіе онаго обширно, а число братій многочисленно. Не разсуждая ни въ пользу, ни противъ монашества, я скажу объ одномъ изъ чело-вѣколюбивѣйшихъ постановленій сего монастыря. Здѣсь учреждена особая прапеза для больныхъ и для шѣхъ немущихъ, кои спыдаются своего положенія. Хотя это заведеніе свойственно многимъ монастырямъ, но чувствительность, съ которою сіе самое исполняется здѣсь, совсѣмъ необыкновенна: сія прапеза находится въ самомъ уединенномъ мѣстѣ, удаленномъ отъ взоровъ любопытныхъ посѣщителей; особенный корридоръ, извѣстный только немущему насущнаго хлѣба, ведетъ его скрытно подъ благодушный кровъ служителей Христа. Въ числѣ сихъ бѣдныхъ, часто бываютъ и дворяне, коихъ самолюбіе не оскорблено смиреніемъ надѣляющихъ во имя Давшеля всѣхъ благъ.

Сверхъ того, монастырь сей знаменитъ своими погребальными галереями. Онъ поражаетъ воображеніе и надолго оспариваетъ въ памяти. Насъ провели подъ своды, куда едва проникаетъ слабый

свѣтъ; вдругъ разтворилась желѣзная рѣшетка, и спустясь на нѣсколько ступеней, мы увидѣли себя въ длинныхъ корридорахъ, коихъ стѣны съ низу до верху обвѣшены были рядами изсохшихъ труповъ, въ монашескихъ облаченіяхъ. Число ихъ превосходитъ тысячу; всѣ черны лица, хотя обезображенные, сохранились. Полъ заставленъ со всѣхъ сторонъ, нагромозженными, одинъ на другомъ, гробами, съ надписями о погребенныхъ. Гробы сіи болѣе или менѣе опдѣланы, смотря по званію умершихъ. Въ иныхъ хранятся знавшіе дворяне, а въ другихъ лежатъ нѣкоторые братья монастыря, копорые готовятся чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ занять мѣста на стѣнахъ, коль скоро шла ихъ получать надлежащую сухость.

Между прочимъ, я замѣтилъ въ сихъ пещерахъ, на одной полкѣ, черепъ, увѣнчанный короною; какой поразительный іероглифъ! Я узналъ, что это голова одного Мароккского Императора, который, будучи занесенъ бурей на сей берегъ, принялъ Христіанскую вѣру и умеръ въ Палермѣ.

Мнѣ кажется, что сей обрядъ — обнаруживать мершвецовъ, оскорбляетъ законъ Природы. Смерть есть великое таинство, изъ благоговѣнія къ коему, принадлежащее ей не должно видѣть свѣта; по крайней мѣрѣ таковое жилище усопшихъ не должно быть зрѣлищемъ для любопытныхъ, но единственно для размышляющихъ

надъ смертію. Но Сицилійцы находятъ пріятность похощать у плѣннѣхъ тѣла близкихъ своему сердцу. Многіе изъ знатныхъ дворянъ имѣютъ у себя ключи отъ гробовъ родственныхниковъ. Это совершенно Египетскій обычай. При насъ работали новую погребальную галлерею, ибо старыя сдѣлались уже тѣсны для помѣщенія тѣлъ.

Посѣщая недавно, въ сѣверной Италіи, берега *Требіи*, прославленные Анибаломъ и Суворовымъ, я видѣлъ, на равнинѣ бѣшвы, скромную церковь, подъ сводами коей устроена весьма замѣчательная часовня, въ память храбрыхъ, павшихъ на той землѣ. Тамъ все стѣны, все украшенія и все принадлежности, составлены изъ череповъ и костей убитыхъ; даже лампы, въ которыхъ теплился неугасимый огонь передъ двумя приделами, суть черепы. Головы Французовъ, Россіянъ, Германцевъ и, можетъ быть, Римлянъ и Кароленцевъ, составляютъ въ ужасномъ смѣшеніи, одно зданіе смерти! а у входа, кружка для сборовъ, съ надписью: *Per gli animi del Purgatorio!* т. е. для душъ находящихся въ чистилищѣ!

Въ Палермѣ есть также церковь Греческаго исповѣданія; но я, къ сожалѣнію, не былъ въ оной, узнавъ о ней только передъ отъѣздомъ. Изъ прочихъ церквей Палермы, должно упомянуть о церкви Св. Елперины находящейся въ женскомъ монастырѣ: чрезвычайное богатство алтаря оплачиваетъ ее отъ всѣхъ другихъ. Вообще церкви Па-

дермы богаты, но всѣ онѣ, за исключеніемъ Собора Св. Розаліи, не поражаютъ взоровъ своимъ зодчествомъ и далеки отъ великолѣпной простоты Римскихъ церквей.

Общее Палермское кладбище заслуживаетъ вниманіе. Оно находится за городомъ, къ сѣверо-востоку. Большой чепыресторонній дворъ, украшенъ аллеями кипарисовъ, среди коихъ, на ровнѣ съ землею, лежатъ рядами, 52 огромные камня съ приделанными къ нимъ желѣзными кольцами и опмѣченные нумерами. Каждый камень заключаетъ подъ собой обширный погребъ и каждый изъ сихъ погребовъ принимаетъ тѣмъ умершихъ въ продолженіе недѣли. Мужчины погребаются на одной сторонѣ, а женщины на другой. Кладбище сіе болѣе походитъ на садъ. Тутъ вы увидите церковь, которая пробуждаетъ ужасное воспоминаніе о такъ называемыхъ, *Сицилійскихъ вечерняхъ*. Въ ней-то происходило 3-го Апрѣля 1282 года, въ недѣлю Свѣтлаго Христова Воскресенія, ужаснѣйшее кровопролитіе. (1) Сицилія находилась тогда подъ желѣзнымъ скипетромъ Французскаго Короля Карла д'Анжу. Тиранство Французовъ день ото дня болѣе угнетало жителей, когда Іоаннъ Прочіда, Салернскій гражданинъ, пользуясь духомъ несправедливости Сицилійцевъ къ Французамъ, возымѣлъ отважное намѣреніе — избавить ихъ отъ

(1) Faz. de Reb. Sic. edit. cit. Dec. II. p. 490.

ига. Переодѣтый въ монашеское плаще, онъ нѣсколько лѣтъ спранспивовалъ по сосѣднимъ государствамъ; склонилъ на свою сторону Папу Николая III-го, Греческаго Императора Михаила Палеолога и болѣе всѣхъ Короли Петра Аррагонскаго, который, по родству своему съ домомъ Сициліи, давно уже имѣлъ, самъ по себѣ, намѣреніе овладѣть островомъ. Когда заговоръ созрѣлъ, то Прочида возвратился въ Палерму, гдѣ его ожидали уже съ неперпѣніемъ. Заговорщики избрали днемъ мщенія, прерпій день торжественнаго праздника Свѣтлаго Воскресенія, и первый ударъ колокола вечерень былъ знакомъ спрашнаго кровопролитія. Всѣ Французы, находившіесь тогда въ Палермѣ, были умерщвлены въ одинъ вечеръ и въ одну ночь. Ожесточенный народъ не пощадилъ ни женъ, ни дѣтей, ни даже пѣхъ Сициліянокъ, которыя были беременны отъ Французовъ. Примѣръ Палермы быстро послѣдовалъ въ всѣхъ городахъ Сициліи. Восемь тысячъ Французовъ погибло при семъ случаѣ. Повѣствуютъ, что одинъ только *Вильгельмъ Порселетъ*, Французскій градоначальникъ въ *Калатафили*, былъ пощаженъ убійцами, по причинѣ своей строгой добродѣтели и справедливости.

Церковь сія есть та самая, куда преимущественно собирались Французскіе чиновники и которая сдѣлалась ихъ гробомъ. Внутренность ея, — весьма скромная; нѣсколько готическихъ колоннъ, низкіе своды, слабый свѣтъ, печать древности и спрашное происшествіе — придаютъ ей

вообразительный ужасъ. Мнѣ казалось, что я вижу блескъ мечей, свѣтъ факеловъ, слышу клики мессы, вопли умирающихъ! Какая картина, въ храмѣ, среди богослуженія! Щипъ съ прѣмья лиліями, гербъ Бурбоновъ, еще по сіе время сохранился на фронзонѣ церкви, какъ бы урокомъ для потомства.

Послѣ такихъ грозныхъ воспоминаній, мы пошли опдохнуть подъ благовонныя пѣни древнихъ апельсиновыхъ деревьевъ, составляющихъ большую часть, здѣшній публичный садъ, называемый: *Флора* или *Villa Giulia*. Какая роскошь для жилища сѣверныхъ странъ! — Кромѣ высокихъ апельсиновыхъ и лимонныхъ аллей, сколько лавровъ, плапановъ, миршовъ! Какъ гордо возвышаются сіи спройныя пальмы! Какую свѣжесть разливаютъ сіи шумные водометы! Прибавьте къ этому, что садъ сей, на берегу моря, котораго яркая лазурь проглядываетъ сквозь свѣжія занавѣсы зелени Въ одномъ отдѣленіи сего сада обитываютъ съ усѣхомъ нѣсколько грядъ сахарнаго тростника и кофе. Сіи растѣнія могли бы укоренишься на почвѣ Сициліи, если бы промышленность оживляла сію страну. Тутъ можно видѣть также много рѣдкихъ растѣній южнаго полушарія; всѣ онѣ хорошо принялись, но пребудутъ нѣкотораго попеченія.

Прежде, нежели я спану говорить объ окрестностяхъ Палермы, скажу нѣчто объ ея древности.

сплн. Городъ сей назывался у древнихъ: *Панормосъ*; хощя слово сіе принято многими за Греческое, значащее — *вездѣ-портъ*; но это совершенно ложно; ибо основатели Палермы были Финикійне, прежде нежели первые Греки проникли въ Сицилію. Самое названіе сіе естъ Пуническое слово: *Пангормусъ* (*Panhormus*), т. е. *rupes cingens* (окруженный скалами); что совершенно согласно съ вышеописаннымъ мѣстоположеніемъ Палермы. Нѣкоторые писатели нашихъ временъ, весьма опдѣлили эпоху построения Палермы, основываясь на двухъ найденныхъ надписяхъ, на первобытномъ Арабскомъ языкѣ, называемомъ Куфическимъ; но многіе Ученые не признають ихъ споль древними, какъ изъ нихъ явствуетъ; одна изъ нихъ существовала еще въ 16-мъ вѣкѣ, въ составѣ зданія, называемаго башнею *Байха*. Сія надпись любопытны — и, вѣроятно, основаны на преданіяхъ глубокой древности. Я не могу не предложить ихъ читателю въ оригиналѣ; (1) онѣ долго не были изъяснены, по незнанію того языка, на которомъ сочинены. Наконецъ, нѣкто *Стефанъ Спеціаль*, Палермичанинъ, съ помощію другихъ Ученыхъ, такъ перевелъ первую, и переводъ сей признанъ вѣрнымъ:

„Нѣтъ другаго Бога, кромѣ Бога Единаго!
Нѣтъ другой власти, кромѣ Его, Божеской. Нѣтъ

(1) Я тщательно сплалъ ихъ съ рисунка *Фацелло: de reb. sic. edit. princeps* Пап. 1558. р. 166 — 7.

„другаго побѣдителя, кромѣ Сего самаго Бога, ко-
 „ему мы поклоняемся! Повелитель сей башни
 „именуется Сафу, сынъ Елифара, сына Исаа,
 „брата Иаковлева, сына Исаака, сына Авраамова.
 „Имя башни сей есть Байхъ, а ближайшей — Та-
 „ратъ.“

Слова сии были начертаны крупными ли-
 рами на 84-хъ камняхъ. Вся башня, состоявшая
 изъ камней чрезвычайной величины, была связана
 безъ извести. Ее разрушили, для разширенія То-
 ледской улицы! Надпись сохранялась нѣсколько
 времени, но уже давно не существуетъ болѣе. Те-
 перь слѣдуетъ другая, на Халдейскомъ языкѣ, най-
 денная за городомъ, подлѣ Маврскаго замка Цизы.
 Она была переведена на Латинскій языкъ, при
 Вильгельмѣ II, въ 1173-мъ году, Сиріаниномъ Ав-
 раамомъ:

„Во времена Исаака, сына Авраамова, и
 „Исаа сына Исаакова, царствующаго въ доли-
 „Дамаскской и въ Идумеѣ, многіе Евреи, послѣ-
 „дующіе жителями Дамаска и Филикии, пристали
 „къ сему прехъугольному острову и выбрали себѣ
 „жилище мѣсто пріятное мѣсто, назвавъ оное:
 „Пангормосъ.“

Пангорма была главнымъ городомъ Карфаген-
 скихъ владѣній въ Сициліи. Судя по большому ко-
 личеству ея медалей, на коихъ виденъ Пунтиче-

скій гербъ, (1) должно заключить, что она населена была всегда Карфагенцами. Городъ раздѣлялся на три части: ближайшая къ горѣ *Эрктѣ* (нынѣ *Пеллегрино*), называлась *Неаполисѣ*; средняя: *Панорма*; а послѣдняя къ востоку: *Палеополисѣ*. Сверхъ того, на высотѣ горы *Эркты*, находилась крѣпость, самаго труднаго доступа. Не смотря на сіе, Панорма была два раза взята Римлянами въ 1-ю Пуническую войну, и одинъ разъ Пирромъ, Царемъ Эпирскимъ. Двѣ рѣки, *Оретѣ* (нынѣ *Fiume Amiraglio*) (2) и *Елевтеросѣ* (*Bagaria*), омывали городъ и посредствомъ каналовъ, шли кругомъ онаго къ порту, для того, чтобы можно было скрывать нѣсколько галеръ въ самой внушренности города. Доселѣ видны еще слѣды сихъ каналовъ, заваленныхъ опъ времени и землетрясеній. Кромѣ нѣсколькихъ древнихъ камней, подъ основаніемъ церкви *Св. Маріи де ла Гвадыа* — и слабыхъ остатковъ опъ водопроводовъ и цинадели, находящихся у подошвы и на высотѣ горы *Пеллегрино*, — всѣ слѣды древнихъ зданій исчезли; даже рѣка *Оретѣ*, на берегахъ которой, Консулъ Метеллъ разбилъ армію *Аздрубала*, имѣетъ теперь другое теченіе; но первое ложе ея существуетъ и понынѣ.

(1) См. Медали.

(2) Сіе названіе дано ей въ память *Джіорджіа Антіохена*, Адмирала Короля *Рогера*, поспроившаго на ней мостъ, донынѣ существующій.

Какой пріятный вечеръ провелъ я въ живописномъ саду *Са. Mariu di Gesu!* Я никогда не дышалъ такимъ ароматическимъ воздухомъ. Тамъ Природа слишкомъ сладоспρασна для монашества. — Близокъ былъ вечеръ; багряные лучи заходящаго солнца скользили по густымъ массамъ апельсиновыхъ, лавровыхъ и карубовыхъ деревь, или пронзали огненными полосами чащу оныхъ. Какой шумъ ручьевъ! какой дугъ! какая лазурь неба! Не здѣсь ли провели сельскій день чепыре Палермскихъ счастливца съ юными подругами, объ коихъ намъ рассказываетъ нѣжный *Парни*. (1) Мнѣ пріятно было, лежа подъ спольнымъ плапаномъ, оглашать звуками стиховъ сего цѣвца любви, пишину сихъ мирныхъ сѣней.

Libet jacere modo sub antiquâ ilice,
 Modo in tenaci gramine.
 Labuntur altis interim ripis aquae,
 Queruntur in sylvis aves,
 Fontesque lymphis obstrepunt manantibus,
 Somnos quod invitet leves

(*Hor. Epod. II.*) (2).

- (1) *Oeuv. de Parny. La journée champêtre*: Вотъ два первые стиха:
 On m'a conté qu' autrefois dans *Palerme*
 Ville, ou l'amour eut toujours des autels... и пр.
- (2) Люблю я нѣжиться подъ липою густою,
 На луговыхъ цвѣтахъ.
 Здѣсь падаютъ ручьи съ утесовъ надо мною; —
 А пшеницы на вѣпьяхъ
 Поютъ при грохотѣ прозрачныхъ струй бѣгущихъ,
 Внущая легкій сонъ...

(Гораз)

Здѣсь, въ сладкомъ забытій, подъ тѣнью
рощъ совсѣмъ незнакомыхъ съ зимою, здѣсь не
льзя думать ни о чемъ другомъ, какъ о покоѣ и
о наслажденіи! . .

Возвращаясь въ городъ, вскорѣ по захожденіи
солнца, я имѣлъ передъ собою во всю дорогу ве-
ликолѣпный видъ горы *Пелегрино*, которая всегда
одѣта прелеснымъ темнолазуревымъ цвѣтомъ;
неспройная масса ея обозначалась тогда рѣзкими
линіями. Скала сія, какъ бы нарочно опрѣзанная
могучею рукою Природы отъ всѣхъ прочихъ, ви-
дна со всѣхъ пунктовъ окрестностей Палермы и
занимаетъ всегда глубину ея ландшафтовъ.

ГЛАВА IV.

ОКРЕСТНОСТИ ПАЛЕРМЫ. —

Багаріа. — Солунтъ. —

Staunest, Fremdling,
Diese stein an?
Droben sind der steine viel
Um meine Hütte . . .

(Goethe.)

Вчера мы ѣздили довольно далеко, въ замокъ *Багаріа* и къ останкамъ древняго *Солунта*. Дорога шуда, идетъ вдоль моря, мимо прекрасныхъ садовъ и дачъ. Высокія *алоэ* и кусты *Индійскихъ фигъ*, растущіе по сторонамъ, удивляютъ взоръ путешественника, непривычнаго къ южной Природѣ. Въ Европѣ, растѣнія сіи видны только въ Сициліи, Испаніи и Калабріи въ полной своей красотѣ; но тѣ, кои изрѣдка встрѣчаются въ средней Италіи, не имѣютъ той обширности и высооты. *Алоэ* приносятъ большую пользу жителямъ Африки, Индіи и Америки; они спроятъ изъ шпротниковыхъ стеблей онаго шалаша и дѣлаютъ спрѣлы. Они также извлекаютъ изъ него липши,

(1) *Agave Americana*, по Сицилійски: *zabarra*.

изъ коихъ шкутъ паруса. Въ нашихъ теплицахъ зовутъ алоэ: *столѣтникъ деревоидъ*, и такъ какъ сіе растѣніе очень рѣдко цвѣтеть въ искусственномъ воздухѣ, то у насъ укоренилось мнѣніе, что оно приноситъ цвѣтъ не прежде, какъ чрезъ сто лѣтъ, межъ тѣмъ, какъ въ Сициліи оно цвѣтеть чрезъ 4 и 5 лѣтъ. Я помню, что даже въ сѣверной Италіи, на Боромеевыхъ островахъ, мнѣ показывали за рѣдкость опцвѣтшее алоэ, которое хранился привѣшеннымъ къ потолку одной изъ комнатъ дворца. Въ теплицахъ нашихъ произрастаютъ только одни кусты сего растѣнія безъ стебля; но здѣсь оно восходитъ до 20 футовъ и болѣе, увѣчанное бѣлыми пирамидальными цвѣтами, и образуетъ живописное дерево. Индійскія фиги (1) не менѣе живописны. Сіе уродливое растѣніе состоитъ изъ широкихъ кустовъ, вышиною отъ 13 до 16 футовъ, съ толстыми сучьями, изъ коихъ выходятъ большіе сочные листья, толщиною почти въ полвершка, а длиною отъ 5 до 6 вершковъ; плоды, желтаго цвѣта, съ колючими иглами, величиною въ куриное яйцо, растутъ на самыхъ сихъ листьяхъ, по верхней плоскости и даже по бокамъ; вкусъ онаго пріятенъ и прохладителенъ.

Дорога въ Багарію оживлена многими селеніями; всѣ жишутъ сидя въ своихъ домахъ, въ тѣни фруктовыхъ деревьевъ, образуя заниматель-

(1) *Cactus opuntia*. Lin.

ныя семейственныя картины. Движеніе толпы по улицамъ не прекращается. Большая часть народа сослонишь изъ людей праздныхъ, дышущихъ бальзамическимъ воздухомъ; но посреди нихъ вы видите также прудящихся ремесленниковъ: здѣсь пируютъ друзья за фруктовымъ заправкомъ и за буйнымъ Марсальскаго вина; тамъ, молодая мать кормитъ грудью младенца; вокругъ ея рѣзвятся полунагія дѣти — все это пріятно разсѣваетъ пупника. Посреди такихъ предметовъ приближалась мы къ *Багаріи* или замку Князя Палагонія. Мы подъѣхали къ спраннымъ триумфальнымъ воротамъ, однихъ или трехъ аркахъ! Четыре уродливыя изваянія, изображающія воиновъ, сперегали входъ. Изъ сихъ воротъ, длинная дорога, вымощенная каменными плитами, ведетъ между двумя рядами пьедесталей, съ грубо-обдѣланными вазами, — въ четыресторонній дворъ, спранный архитектуры; все общается вамъ нѣчто неестественное. Взойдя уже въ сей первый дворъ, вы увидите столько непонятныхъ каррикатурныхъ украшеній, что не догадываетесь, къ чему все сіе клонится. Опшуда другая арка ведетъ въ круглый дворъ, посреди коего находится домъ, — и тамъ глаза ваши поражены рядами спранныхъ испукановъ, уставленныхъ по высотѣ заборныхъ стѣнъ. Напрасно хопите вы найши въ нихъ какое-нибудь сходство съ какимъ либо пвореніемъ: — здѣсь женской бюспъ на коровьемъ пуловищѣ, съ рыбьими хвостами — вмѣсто ногъ; тамъ, на плечахъ человека съ медвѣжьими ногами осно-

ваны при головы, изъ коихъ одна рыба, другая
шпица, а шпень бычачья; далѣ левъ съ журав-
лиными ногами и съ хвостомъ крокодила; словомъ
сказавъ, память опказываеися описывать сихъ
уродовъ, несообразныхъ ни съ какимъ воображе-
ніемъ. Я думалъ, что нахожусь въ жилищѣ та-
кого нибудь злаго чародѣя; и ожидать услышавъ
звукъ волшебнаго рога, видѣвъ появленіе живыхъ
чудовищъ, предвѣщающихъ самаго грознаго ихъ
власелина, идущаго наказавъ любопытство при-
шедшихъ спранныхъ. Вѣроятно, разспроенное
воображеніе Князя Палагоніа извлекло сей замокъ
изъ Восточныхъ сказокъ *Тысячи и одной ноги*.
Сынъ сего Князя, владѣющій нынѣ замкомъ, уни-
чтожилъ большую часть сихъ уродовъ, которые
были разсыяны въ чрезвычайномъ количествѣ по-
всюду; онъ оставилъ только во внутреннемъ дво-
рѣ нѣсколько изъ сихъ грубыхъ испукановъ — для
образчика. Спраный Князь Палагоніа не жалѣлъ
никакихъ суммъ на созиданіе сихъ чудесъ, и поэтъ
былъ болѣе награжденъ, чѣе воображеніе произво-
дило страшнѣйшаго чудовища. Говорявъ, что
дѣти и женщины окрестныхъ селеній съ шрепе-
томъ проходили мимо сего замка и рассказывали
о немъ ужасныя повѣсти. Внутренность его
испещрена кусками разноцвѣтныхъ стеколь, хру-
сталей, зеркаловъ, фарфоровъ; покрыта позоло-
тою, красками, пестрыми шпофами и обоями, и
все это въ самомъ грубомъ и дурномъ вкусѣ. Меня
болѣе заняли прекрасныя виды изъ оконъ на жи-
вописныя скалы, сады и рощи, окружающія сей

хаосъ зданій. Ошдохнувъ здѣсь ошъ пупи, — мы направились къ горѣ *Катальфано*, (1) гдѣ находился нѣкогда древній *Солунтб*.

Окрестности Багаріи живописны: шумящее море, мрачныя скалы, тѣнистыя рощи, производятъ пріятное разнообразіе. Сія мѣста славны побѣдою храбраго Рогера надъ Сарацинами, въ слѣдствіе коей онъ овладѣлъ Палермою; въ новѣйшія же времена Испоріи Сициліи, знамениты онѣ блестящими празднествами: сюда стекаются многочисленныя общества на цѣлыя дни для прогулки и для рыбной ловли, которая есть одно изъ любимыхъ ихъ увеселеній. Палермитяны. Рыбка *Cicired-du*, находившаяся прежде ужаснаго Мессинскаго землетрясенія въ проливѣ Фаросскомъ, оставила послѣ сей эпохи прежнее свое жилище, и переселилась къ веселымъ берегамъ Палермы. Говоря о рыбной ловлѣ, должно упомянуть о знаменитой ловлѣ рыбы *туна* (*thon*), (2) которая производится въ концѣ Маія и привлекаетъ вниманіе всей Палермы. Рыба сія приходитъ въ Средиземное море изъ Океана, чрезъ Гибралтарскій проливъ; толпы оной, обогнувъ берега Испаніи, Франціи и Италіи, доходятъ до конечности Калабріи, къ проливу Фаросскому, гдѣ испуганныя быспрымъ его теченіемъ, возвращаются въ Океанъ по берегамъ Сициліи, мимо Палермы.

(1) Правильнѣе: *Катальфано*, слово Сарацинское.

(2) Тунацъ или Тун-еишъ.

Но обратимся къ Багаріи. — Воишь нагія скалы горы *Катальфано*, видныя изъ Палермы и кончающія юговосточный горизонтъ ея. Оспрасли сей горы сосавляютъ мысь *Жербино*. На высотѣхъ ея и въ сей береговой долинь процвѣшаль нѣкогда *Солунтъ*, едва ли не древнѣйшій изъ всѣхъ извѣстныхъ городовъ Сициліи. Основаніе его принадлежишь баснословнымъ вѣкамъ и совершенно неизвѣстно. Полагаютъ, что городъ сей существовалъ ужѣ въ то время, когда Финикіяне приехали къ Сициліи. Пполомей назначаетъ мѣсто оному между рѣками *Елевтеросъ* (*Bagaria*) и *Гилерою* (*Termini*). Глубокая древность Солунта доказываеишь также тѣмъ, что на нѣкоторыхъ медаляхъ сего города написано: *COLONTINON*, безъ *ω* (омеги), кошорая введена была въ Греческія письма Симонидомъ, во времена Гелона. Еще до сей поры виденъ древній путь, изсѣченный въ скаль, кошорый велъ на высоту, гдѣ находились храмы. Замѣчательно, что подобные пути (*viae*) Сицилійцевъ служили образцами для знаменитыхъ Римскихъ путей. Тамъ показали намъ въ правѣ и перніяхъ нѣсколько обломковъ опъ капищелей Дорического ордена, и куски колоннъ, — означающіе слѣды Солунта. Древніе умѣли всегда выбирать самыя живописныя мѣста для своихъ жилищъ. Солунтъ былъ не изъ послѣднихъ городовъ въ семь опношеніи. Осприя скалы его увѣнчаны были храмами, роскошныя зданія покрывали сѣ холмы, сходящіе разнообразными скапами къ морю. Какіе ландшафты вдоль береговъ, къ востоку и за-

паду! — Съ права видна была *Гилера*, гдѣ теперь *Термини*; ближе, *Гилерійскія бани* или *термы*, цынь *Трабія*; съ лѣва извивалась рѣчка *Елевтеросъ*, посреди цвѣтущей долины, — а далѣе являлась *Панорма*, увѣнчанная огромною горою *Эрктою*. Я снялъ часпѣ мѣстоположенія *Солунта* съ одной высоты: *Villa-Giornieri*, прошивъ спорожевой башни, называемой понынѣ: *Castello di Solento*. Сія долины знамениты оружіемъ *Амилкара*, *Пирра* и *Римлянъ*, когда они попеременно осаждали *Панорму*. Намъ показывали у подножій скалъ, высѣченныя въ нихъ впадины или ниши для пепельныхъ урнъ, и нѣсколько погребальныхъ пещеръ. Тамъ находятъ изрѣдка урны и лампы самой древней работы; а земледѣльцы и понынѣ вскрываютъ плугами гробницы.

Scilicet et tempus veniet, cùm finibus illis
Agricola, incurvo terram molitus aratro,
Exesa inveniet scabra rubigine pila,
Aut gravibus rastris galeas pulsabit inanes,
Grandiaque effossis mirabitur ossa sepulcris.

(*Virg. Georg. L. 1.*) *)

*) И пахарь, въкогда на самыхъ сихъ поляхъ,
Гдѣ сошны воиновъ повержены во прахъ, —
Сохою обрѣшетъ шлемъ праздный, щипъ разбитый,
Столѣпней ржавчиной и пыльно покрыты;
Гробница вѣшкая вдругъ рухнетъ подъ сопою, —
И страшнымъ оставомъ смутитъ его покой . . .

Возвращаясь домой, мы посѣпили прилежащій къ дорогѣ садъ Гр. Ресутано; — ни садъ сей, ни восковой кабинетъ, не стоюпъ, по правдѣ сказать, вниманія.

Нашъ временный опѣздъ изъ Палермы уже приближался. Въ послѣдній день осмопрѣли мы, неподалеку отъ города, Маврскій замокъ *Цизу*, который сравниваютъ съ знаменитою Алгамброй, въ Испаніи.

Нельзя вообразить себѣ страны плодоноснѣе той, которая окружаетъ сіе зданіе. Оно возвышается въ видѣ чetyресторонной башни, надъ лѣсомъ апельсиновыхъ, лимонныхъ, померанцевыхъ и шелковичныхъ деревьевъ. Верхъ увѣнчанъ обширною террасою, съ высокими зубцами; квадрапныя окна украшены готическими спрѣлками. Войдя въ сѣни, вы узнаете роскошное жилище Калифа. Вездѣ распочены разноцвѣтныя мозаики и мраморы. Группы тонкихъ колоннъ изъ бѣлаго мрамора, поддерживаютъ своды, одѣтые цвѣточными барельефами; а въ срединѣ сѣней бьетъ обильный водоментъ, падающій двумя дугами въ два боковыя осмиугольные бассейна. Свѣшлыя воды его, разливая далеко прохладу, кропятъ водяной пылью мраморный помостъ, — и сладкое журчаніе вполнитъ по всему зданію. Какъ пріятно такое убѣжище въ часы палящаго *сирокко*! Внутренность не сохранена въ древнемъ своемъ видѣ. Замокъ сей принадлежитъ теперь одному богатому

Палермскому Князю, который въ немъ живетъ. Въ нѣкоторыхъ комнатахъ сбереглись арабски съ богатой позолотою; — но какой видъ съ высоты террасы! какая роскошь природы! взоры разбѣгаются съ одного ландшафта на другой. Опишкисихъ фруктовыхъ рощъ, застилающихъ долину, разнообразны до безконечности; онѣ безпрестанно мѣняются согласно съ паденьемъ солнечныхъ лучей, или съ дуновеніемъ вѣтра, вѣющаго нѣгою съ душистыхъ вершинъ ихъ. Отсюда вы видите Палерму во всемъ ея величїи, весь заливъ и безпредѣльное море. Замѣтите также живописную цѣпь скалъ, окружающихъ сію райскую долину. Жители Сѣвера, коихъ чувствительность не пробуждается спрогнмъ видомъ ихъ природы, винятъ безпечность и недѣятельность жителей Юга; — конечно не должно похвалять ихъ праздность; но имѣя безпрестанно въ глазахъ такую сладострастную природу, невольно мечтаешь, а не разсуждаешь; невольно нѣжишься, а не дѣйствуешь; — и слава, и почести, теряются здѣсь свой призракъ. Къ помянутой террасѣ приближа была слѣдующая надпись:

Европа есть краса земли,
Италія — краса Европы,
Сицилія — краса Италіи, —
А видъ сей — краса Сициліи!

Замокъ сей былъ, воздвигнутъ во время владычества Мавровъ, нѣкоимъ Эмиромъ, который назвалъ его по имени одной любимой дочери

своей — *Циза*. Это придает лишнего вообра-
зительную красоту замку. Безъ сомнѣнiя, терраса
эта была любимымъ мѣстомъ Мавришанки, кошо-
рая конечно была красавица. Быть можетъ, здѣсь,
въ тихія сумерки, прислонясь къ одному изъ сихъ
зубцовъ, она передавала выразительными знаками
Восточныхъ народовъ, любовь свою милому ры-
царю, зовущему ее изъ-за деревъ; или окружен-
ная блестящимъ кругомъ вельможъ, взирала на
риспалища ищущихъ ея руки; вотъ предметъ
для романиста. . . Тутъ есть и подземелья; я
ихъ не видалъ; но мнѣ сказывали, что это въ за-
мокъ имѣлъ подземное сообщенiе съ другимъ Мавр-
скимъ же замкомъ, называемымъ *Куба*. Сей по-
слѣднiй, частiю разрушенъ, остальное обращено
въ казармы и передѣлано, такъ, что ничего не на-
поминаетъ уже первобытнаго его состоянiя; это
зданiе называютъ теперь: *Borgognoni*.

Окрестности Палермы заключаютъ неисчисли-
мые предметы для ландшафтнаго живописца. Ри-
сунки Г-на Мавиѣва, находящiеся у меня, могутъ
служить доказательствомъ того; сколько разно-
образныхъ деревъ и растѣнiй покрываютъ ея до-
лины! — Особенности образованiя и описки оныхъ,
противуположности днѣхъ скалъ съ роскошью
природы, прелестныя перемѣны въ цвѣтѣ ла-
зуревыхъ полей неба и моря, въ разные часы дня,
— все это не ускользнетъ отъ искусной кн-
спи художника. Самый городъ представляетъ
много живописныхъ различiй въ кварталахъ своихъ.

Не безъ причины, Древніе называли Палермскую долину: *Aurea vallis* (золотая долина), *Hortus Siciliae* (садъ Сициліи), *Concha aurea*, (золотая раковина). Последнее и первое названіе происходятъ отъ того, что рѣка *Оретъ* (*Amiraglio*) имѣла въ пескѣ своемъ много золотыхъ частичекъ. Италіянцы доселѣ называютъ Палерму: *Palerma la felice*, и. е. счастливою. Не смотря на это, Палерма, вмѣстѣ съ многими городами Сициліи, подвержена бѣдствіямъ землетрясеній. Самыми тяжкими злоключеніями было для нея наводненіе 27-го Декабря 1557 года, потопившее 4000 чело-вѣкъ, и землетрясеніе 1726 года 1-го Октября, стоившее жизни полупорѣ тысячъ чело-вѣкамъ. Последнее землетрясеніе, довольно малозначущее, было въ 1824 году.

Вечеромъ, на канунъ отъѣзда нашего изъ Палермы, мы посѣтили, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ нашихъ знакомыхъ, загородный домъ Графа *Бельмонте*, построенный на самой подошвѣ горы *Пеллегрино*. Небольшой, но прелестный садъ, весь принадлежащій искусству: — онъ основанъ на каменной скалѣ, а земля насыпная. Сей превосходный прудъ есть памятникъ, оставленный Палермъ Русскими мажорсами фрегата *Венуса*, въ 1807 году, во время экспедиціи нашего флота подъ начальствомъ Адмирала Сениавина. То, что Дюкъ де Бельмонте (говоритъ Г-нъ Броневскій въ любезныхъ *Запискахъ морскаго офицера*) предполагалъ совершить въ одинъ годъ, или болѣе,

Русскіе солдаты сдѣлали ему въ два мѣсяца. При семъ случаѣ, рекомендуя моимъ чипапелямъ прекрасное описаніе Палермы — Г-на Броневскаго, описаніе, исполненное истины и живыхъ красокъ. Долгое пребываніе въ сей столице познакомило его коронко съ ея жителями; избѣгая повторовъ, я приглашаю, для пополненія моихъ замѣчаній, прочесть въ его книгѣ двѣ занимательныя главы, въ главѣ о Палермѣ: *День моднаго савѣта и Нѣкто о правахъ и обычаяхъ* (1). Сданы, имъ описанныя, происходившіе и нынѣ.

Возвращаясь къ дачѣ Дюка де-Бельмонте: тамъ вы можете видѣть, вблизи, всю дикую красоту огромной горы Пеллегринно. Какая груда скалъ! Какія разсѣлины разсѣкающъ кремнистыя ребра ея! Какая масса пѣни лежатъ опъ нея чрезъ весь садъ и весь берегъ, — межъ пѣмъ, какъ зной царствуешь еще въ Палермѣ. Замѣтите сію живописную дорогу, идущую переломными линіями по крутизнамъ горы до самой вершины. Посмотрите на сихъ богомольцевъ, съ шрудомъ взбирающихся шуда, неся дары и моленія Святой Ро-

(1) *Записки морскаго офицера*, Ч. IV., стр. 69 и 78. Истина требуетъ также сказать, что Г-нъ Броневскій часто ошибается въ другихъ главѣхъ, касающихся до Сициліи и болѣе всего, говоря о Сиракузахъ, которыхъ онъ не успѣлъ хорошо видѣть. Сей почтенный Сочинитель, оказавшій настоящую услугу отечественной публикѣ, познакома ее съ подвигами Русскихъ мореходцевъ, предводимыхъ знаменитымъ нашимъ Адмираломъ, — избѣжалъ бы многихъ погрѣшностей, если бы онъ менѣе доверялъ старымъ путешественникамъ, каковы сущъ *Брейдонъ* и другіе.

валіи, (покровительницѣ города,) коей мощи я тамъ находился. Описывая праздникъ сей Святой, по возвращеніи моемъ въ Палерму, я объясню начало сего поклоненія.

Внутренность дома Дюка де-Бельмонте меблирована и расположена съ большимъ вкусомъ и заключаетъ нѣсколько хорошихъ карпинъ; но видъ изъ оконъ превосходитъ всѣ убранства и есть лучшее украшеніе сего прелестнаго мѣста. Весь заливъ, Палерма и окрестности ея, являющіяся оплуда въ самой очаровательной красотѣ. Имя дачи: *Бельмонте*, напомнило мнѣ нѣжный эпизодъ изъ *Жилблаза*, и я невольно воображалъ, что дѣйствіе онаго происходило здѣсь. Въ одной изъ комнатъ сего дома вамъ покажутъ рѣдкій образецъ рѣзца; эпо, кажется, Спрашный Судъ, вырѣзанный изъ куска кости величиною въ $\frac{1}{4}$ аршина. Какая толпа народа, и сколько выраженія! Глаза могутъ уснуть, вникая въ мѣлочины, но превосходныя подробности сей работы.

Я долго не могъ рѣшиться оставить благовоныя тѣни лавровъ, миршовъ и померанцевъ, изъ-подъ крова коихъ, я любовался румянымъ вечеромъ, ясношью неба и моря.

На возвратѣ нашемъ въ городъ, мы посѣпили гавань. Она не оправдываетъ теперь словопроизводства древняго имени Палермы — *Папормосъ*: *вездѣ портъ*; землетрясенія завалили ее во мно-

гихъ мѣстахъ. *Молла*, длиною въ 1300 геометрическихъ шаговъ, защищаетъ корабли съ одной только стороны; съ другой закрываетъ ихъ гора *Пеллегрино*; но сѣверные вѣтры возмущаютъ гавань.

Межъ тѣмъ мы наняли уже лошаковъ и одного изъ здѣшнихъ *гитерони*, для путешествія по западной части Сициліи. Наслышавшись очень много про разбойниковъ сего острова, мы рѣшились купить хорошіе пистолеты; но, къ удивленію нашему, во всей Палермѣ не могли найти не только пистолетовъ, но даже никакого оружія. Правительство, въ слѣдствіе происшествій 1820 года, строго запретило держать и продавать оружія; такъ, что, по тщетнымъ розыскамъ, мы принуждены были просить нашего Консула, ссудить насъ — своими.

ГЛАВА V.

ДОРОГА ИЗЪ ПАЛЕРМЫ ВЪ АГРИГЕНТЬ. — ВНУТРЕННОСТЬ СИЦИЛИИ.

.... coelo et medium sol igneus orbem
Hauserat; arebant herbae, et cava flumina siccis
Faucibus ad limum radii tepecta coquebant...

(Virg. Georg. IV.)

Рано поутру, мы отправились изъ Палермы, верхами на лошакѣхъ. Нашъ *гигерони*, спѣсенный со всѣхъ споронъ вьюками, шоржесшвенно открывалъ ходъ; хозяинъ нашихъ живописныхъ (*borderonaio*) (1) слѣдовалъ за нами почти бѣгомъ; мы ожидали, что онъ скоро опеклается, зная, что пѣшій конному не товарищъ; но, напрошивъ того, мы вскорѣ увидѣли, что и онъ также членъ нашего общества и долженъ быть нашимъ вожакѣмъ. Хотя лошаки никогда почти не ходятъ рысью, но слѣдуютъ однообразнымъ и большимъ шагомъ, — со всѣмъ пѣмъ, шаги челоуѣка должны быть весьма усилены, чтобы не ошпапѣ отъ нихъ. Сицилійскіе *бордонаи* достигли того, и по большей части сопровождаютъ путешественниковъ пѣшкомъ. Не преспавая удивляться проворству нашего вожда, мы спросили его, какъ онъ

(1) Такъ называются содержатели лошаковъ.

можесть выдерживать постоянно прудность споль неровнаго для него пуши, и уговаривали его ворошиться; но онъ, вмѣсто опѣша, захохоталъ и подбѣжавъ къ лошаку нашего чичерони, вспрыгнулъ съ чрезвычайнымъ проворствомъ и расположился на задѣ бѣднаго живошнаго такъ спокойно, какъ бы на креслахъ. Группа сихъ двухъ людей посреди разныхъ мѣшковъ и сумъ, могла бы служить для кисти *Гогарта*; мы сами принадлежали бы его карикии, — накрытые соломенными шляпами съ обширными полями. Мы купили ихъ, по совѣту нашихъ добрыхъ знакомцевъ, для предохраненія себя отъ зноя, и не разъ благодарили ихъ, въ продолженіе нашего пруднаго пуши. Жалуясь погонщику лошаковъ на лѣнность моего живошнаго, я требовалъ отъ него кнуса; но онъ, вмѣсто его, подаль мнѣ шило; я не понималъ употребленія сего орудія — и онъ показалъ мнѣ, что колынуе имъ въ холку лошака, лѣнливое живошное шопчасъ пробуждается.

Болѣе часа слѣдовали мы вдоль морскаго берега; Палерма, скалы и море составляли прекрасный видъ. Безчисленное множество алоэ растетъ по обѣимъ сторонамъ дороги; высокіе стебли онаго, увѣнчанные цвѣтами и возносясь изъ широколиственныхъ бирюзовыхъ кустовъ, образуютъ цѣлая аллеи. Я полагалъ себя въ Америкѣ или Африкѣ, и въ самомъ дѣлѣ, Сицилія, въ отношеніяхъ своей природы, принадлежитъ болѣе сей послѣдней части Свѣта, чѣмъ

Европѣ. Вмѣстѣ съ прекраснымъ алоэ росли кусты *Индійскихъ фиго*, страннаго образованія. Ничто мнѣ не напоминало Европы; но и желалъ, чпобы зной солнечныхъ лучей, отражаемый раскаленными скалами, былъ менѣе похожъ на Африканскій. Опдаяясь опѣ береговыхъ скалъ, начинающся рощи маслинъ, миндалевыхъ и фиговыхъ деревь, грецкихъ орѣшниковъ и обильные виноградники; посреди ихъ, по скапамъ горъ и вдоль овраговъ, волнуется ячменныя нивы. Таковая природа окружаетъ мѣстечки *Абапи* и *Мизильмери*, чрезъ копорыя мы проѣхали. Сіе послѣднее было знаменито Ботаническимъ садомъ, копорый нынѣ почти совсѣмъ уничтоженъ. Жители сихъ мѣстъ показались намъ богатыми, въ чемъ не мало увѣрило насъ то, чпю ни одинъ нищій не подходилъ къ намъ; межъ тѣмъ какъ въ Палермѣ нѣтъ опѣ нихъ прохода. Жители сіи, почти все, смуглаго цвѣта, волосами черны и нѣсколько кудрявы; они походятъ на Варварійцевъ; женщины почти столько же смуглы: въ ихъ чертахъ много значительности; длинныя косы оплчнаго глянца, составляющъ лучшее ихъ украшеніе.

Солнце Сициліи, вливающее такую силу во все растѣнія, имѣетъ равное дѣйствіе и на людей. Съ первыми ощущеніями бытія, воображеніе ихъ пробуждается; они кажутся созданными изъ того же вулканическаго свойства, какъ и земля ихъ. Все ихъ склонности при малѣйшей

противности принимаютъ видъ страсти, а страсти — видъ нѣкоего изступленія. Любовь ихъ дѣлается восторгомъ, а ненависть мщеніемъ; разсудокъ ихъ, почти всегда, покоренъ воображенію. Я не думаю, чѣмъ можно было найти равнодушнаго Сицилійца; ибо безпечность, порожденная въ нихъ праздноствіемъ, не есть равнодушіе! Сицилійцы чрезвычайно суевѣрны и скрыпны; но сіе послѣднее свойство не дѣлаетъ ихъ нечувствительными къ дружескимъ изліяніямъ; — они сохраняютъ свято вѣрность слова и любятъ отличатся великодушіемъ.

Опѣхавъ 12 миль (1), почти всѣ растѣнія прекращаются; знойныя горы, базальтовыя и граничныя скалы, восходятъ одна надъ другою; права поалена, источники иссушены — и пустынь унываетъ. Замокъ, на высокомъ утесѣ, возобновленный на древнемъ основаніи, но необитаемый — и сквозь толстыя стѣны коего проглядываетъ небо — есть единственный предметъ, въ сихъ печальныхъ мѣстахъ, могущій занять упомненный однообразіемъ взоръ. Замокъ сей называютъ: *Castello di Diana* (ит. е. *Діанинълибъ*) и, можетъ быть, судя по названію, онъ замѣнилъ древнее капище богини лѣсовъ. Неподалеку отсюда находятся нѣсколько Греческихъ селеній; главнѣйшія сущь: *Піана, Палацо Адріано, Контесса и Меццоюсо*; я полагаю, ихъ жителей, за попомковъ

(1) Италійскихъ.

древнихъ обладателей Сициліи; но узнавъ, что они суть Албанцы, переселившіеся въ 1482 году, по смерти Господаря Георгія Кастріота, убѣгая мщенія Турковъ; они говорятъ опечесивеннымъ языкомъ и сохраняютъ свое вѣроисповѣданіе. Увидѣвъ на дорогѣ одного преспаѣлаго Грека съ своею дочерью, опдыхающихъ подѣ навѣсомъ скалы; мы присоединились къ нимъ; дѣвушка одѣта была по-Гречески; черные волосы ея были собраны въ мѣшечекъ, съ котораго висѣли, почти до ногъ, двѣ алыя ленты; полосатая косынка накрывала высокую грудь; чрезвычайно широкіе рукава скрывали ея руки. Мы едва понимали другъ друга, объясняясь малоизвѣстнымъ намъ Сицилійскимъ нарѣчіемъ; наконецъ, Гречанка взяла подѣ руку спарика, нагнула на себя бѣлое покрывало, и мы разспались.

Возлѣ селенія *Белли-Фьати* (*Belli Fiati*) природа немного оживляется, опять появляются алоэ, Индейскія фиги и миндалевыя деревья, — но въ гораздо меньшемъ количествѣ; за симъ слѣдуютъ нѣсколько виноградныхъ горъ; но вскорѣ опять наступаютъ пустыня и дикость; нагія горы, опражающія зной, не прерываются и закрываютъ со всѣхъ сторонъ горизонтъ; мы проѣхали чрезъ двѣ совершенно высохшія рѣчки, съ бесполезными на нихъ мостами. — На берегу одной, мы нашли, по слуху случаю, поверженное въ песокъ, грубое изваяніе *Сфинкса*, украшавшее вѣроятно мостъ. Сей символъ Египта весьма приличенъ симъ печальнымъ дебрямъ. —

Жаръ приводилъ насъ въ изнеможеніе; въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ вообще искали мы крова самой скудной тѣни и нѣсколькихъ капель воды для утоленія жажды; ибо вѣяное съ нами вино еще болѣе распаляло насъ. Не это ли картина Ливіи? Наконецъ предстало обрадованнымъ нашимъ взорамъ мѣстечко *Викари*, на высокой горѣ, увѣнчанной готическимъ замкомъ, посреди маслинъ, миндалевыхъ деревъ и виноградниковъ. Укрѣпивъ шлемъ нѣсколько свои силы, мы опять погрузились въ горныя ущелины, коихъ дикость была еще печальнѣе видѣнныхъ нами. Въ продолженіе прехъ-часовой ѣзды, помимые новою жаждою, мы прибыли въ справедливомъ положеніе въ *Алькаро*. Сіе мѣстечко красиво расположено по скапу горы, одѣшой фруктовыми рощами; но видъ этотъ хорошъ только издали, а вблизи: нечистота, бѣдность и недоспашокъ въ самыхъ нужныхъ съѣстныхъ припасахъ. Нашъ чичерони замѣнилъ все это, сдѣлавъ намъ наскоро жидкое лимонное мороженое, называемое здѣсь: *limonea granita*; прохлажденіе было намъ нужнѣе всякой пищи, — и оно возстановило наши силы. — Здѣсь мы ночевали.

Въ 4 часа поутру мы продолжали путь. Въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ мы спускались и поднимались съ горъ на горы, дикой наружности, но покрытая богатою жашвою; почва земли улучшалась и даже показывался черноземъ. Я замѣнилъ, что многіе утесы составлены изъ мѣл-

кихъ камней, связанныхъ между собою какъ бы известью, такъ что, видя сначала нѣсколько опломковъ опъ нихъ, я принялъ сей извѣстковый слой за разрушенныя стѣны. Послѣ долгой и шрудной ѣзды по горамъ, гдѣ мы едва опмичали слабыя пропы, выѣхали мы наконецъ въ первый разъ, въ пространныую и богатую долину, которая представилась намъ какъ *оазиса* посреди степей Египта; въ первый разъ, слухъ нашъ былъ обрадованъ веселымъ журчаніемъ воды. Нѣсколько хижинъ было разсѣяно по луговымъ берегамъ быстрой рѣчки, въ тѣни плапановъ, пополей и фиговыхъ деревъ:

Contesti in varie forme, e tutte belle,
Facean riparo ai fervidi calori
De' giorni estivi con lor spesse ombrelle... (1).

(Ariosto c. VI, 21.)

Надъ ними возносила великолѣпную главу свою, высокая пальма, единственная въ сей прелестной долины — и какъ бы царица оной. Нѣсколько безпечныхъ поселянъ опдыхали подъ широкими навѣсами деревъ, а дѣти ихъ, подъ надзоромъ молодыхъ машерей, рѣзвились на пологомъ берегу рѣчки. Мы сказали, что обитатели сего счастливаго уголка земли составляютъ только одно семейство и живутъ въ примѣрномъ дружелюбіи; это опривокъ изъ золотого вѣка;

(1) Сплелась разнообразно,
Ихъ вътѣви въ знойный день,
Машаи подъ свою развѣсистую сѣнь.

... nè strepito di Marte

Ancor turbò questa remota parte. (1)

(Tasso. G. I. c. VII. 8.)

Мы сошли на нѣсколько минутъ съ лошаковъ, погулявъ въ веселомъ обществѣ поселянъ, на лугахъ, гдѣ благоухали мирры, розовые лавры (2) и кустарники агнуса-бастуса; голубые цвѣтки, въ видѣ колосьевъ, украшали сіе послѣднее растеніе. Прощивъ воли своей, мы оставили это опрадное уединеніе, чѣмъ опять заключившись въ ущелья скалъ, безъ защиты отъ палящаго солнца. Путь нашъ былъ чрезвычайно утомителенъ; исключая порывистыя крупизны, мы должны были, я думаю, болѣе двадцати разъ переѣзжать въ бродъ докучливую рѣчку *Платани*, всегда одну и ту же, но извивающуюся до безконечности и составленную болѣе изъ камней, чѣмъ изъ воды; утомленные лошаки наши спотыкались на каждомъ шагу. Наконецъ мы приехали къ одной хижинѣ, называемой именемъ гостиницы (*fondaco*); но мы никакъ не рѣшились промѣнять на неопрятность сего скуднаго жилища, роскошную тѣнь лимонныхъ и апельсинныхъ деревьевъ. Мы не могли здѣсь найти для пищи ничего, кромѣ апельсиновъ.

Мы продолжали путь, безпрестанно переправляясь чрезъ помянутую рѣчку, которая спано-

(1) . . . звукъ Марсовой трубы
Не возмущалъ еще сей мирный край далекій!

(2) Laurier rose.

вишся богатше водою, приближаясь къ женскому Аббатству *Арагона*, построенному весьма красиво на скалахъ горы, посреди большого селенія, надъ которымъ оно господствуетъ во всей силѣ сего слова. Нашъ Чичерони говорилъ, что тамъ есть картинная галлерей; но мы не рѣшились довѣриться его рекомендаціи. Миндальныя рощи и обширныя виноградники окружаютъ сіе мѣстечко; сверхъ того, вся окрестность покрыта была обильною жайвою; нѣво ошъ дороги, видѣть на холмѣ замокъ *Вилла-Франко*.

Отсюда мы поворожили въ спорону, для того, чтобы посѣтить долину, называемую *Макалубе*, — знаменитую по своимъ *ерзнымъ изверженіямъ*. Сей феноменъ причисленъ къ роду вулканическихъ феноменовъ, хотя нынѣ доказано, что сіи изверженія происходятъ не ошъ огня, но ошъ подземнаго вѣтра. Это мѣсто извѣстно было Древнимъ и описано Плиніемъ и Солиномъ. (1) Чѣмъ болѣе мы приближались къ оному, тѣмъ печальнѣе становилась окрестность, такъ, что у самой долины Макалубе, составленной изъ глинистаго и извѣсковаго слоя, невидать никакого произрастѣнія. Мы достигли до нѣкаго плоскаго возвышенія, имѣющаго не болѣе верспы въ окружности; широкая поверхность сія есть самое мѣсто изверженій; она нѣсколько выпукла, одѣта глини-

(1) Plin. Lib. XXI, cap. VII. — Solin. cap. V.

стою прясною, по которой нельзя ходить безъ опасенія, и усыяна кочками, походящими на пустые конусы; они образуются вырывающимся изъ земли въспрѣмъ, и наполнены грязною холодною водою, которая безпрестанно выпускаетъ большіе пузыри, какъ бы оупъ кипѣнія. Сильные жары лѣта утвердили нѣсколько прясину; но осенью и зимою ни кто не смѣетъ спускаться по этой скрипной безднѣ. Преимущественно въ сіи времена года, бывають изверженія; но то, которое происходило въ 1777 году 30-го Сентября, ужаснѣ многихъ. Чрезъ полчаса по восхожденіи солнца, слышимы были подземные грохоты, копорые, возрасая постепенно, превзошли прескомъ самые сильные удары грома. Земля дрожала въ семь мѣсѣ и въ окрестностяхъ, и наконецъ раскрылось нѣсколько опверспій, изъ коихъ начали вылетать столпы грязи и воды, подымавшіеся болѣе, нежели на 15 тоазовъ; вода, разрѣшавшаяся оупъ быстрого спремленія, въ шоніе пары, походила на клубы дыма, — а глинистыя частицы, освѣщаемыя солнцемъ, на огонь. Груды грязи, низпадая, погружались оупъ въ бездну и оупъ восходили изъ оной съ ужаснымъ ревомъ. Грязныя изверженія сіи называются Напуралистами: *Сальсы*. Макалубскія сунъ самыя значительныя; подобныя онымъ можно видѣть около *Болоньи* и на полуостровѣ *Таманѣ*. (1) Ны-

(1) См. Пушени. Паласа по южной Россіи.

нѣшнее названіе сего мѣста есть испорченное слово Сараценовъ: *Майгарука* (*Mayharusa*), что значить: *низпроверженная земля*.

Я посѣщалъ сальсы полуострова *Тамана*, и удостовѣрился, что они по природѣ своей совершенно сходны съ *Макалубскими*. Изверженіе горы *Кюль-Обы*, описанное *Палласомъ*, было весьма сильное; оно обнаружилось пламенемъ.

Удовлетворивъ наше любопытство, мы поспѣшили достигнуть за-свѣшло до древняго *Аеригента*. Провѣзжая у подошвы одной скалы, товарищъ мой увидѣлъ, въ ущельи, спящаго съ ружьемъ челоуѣка; принявъ его за разбойника, мы взялись уже за пистолеты, но вожакий объяспилъ намъ, что это вооруженный пастухъ, спрежуцій стадо; мы увѣрились въ томъ, приближась къ нему, и не мало удивились, что ружье замѣняетъ мирный посохъ въ опочествѣ *Оеокриша*. Здѣсь стада не знакомы съ хлевами, и сѣно никогда не собирается, ибо свѣжая права пропзрасаетъ во всѣ времена года, слѣдуя ихъ печенію: осенью и зимою одѣваетъ она берега моря; весною подымается на возвышенныя долины; а лѣтомъ, по причинѣ чрезвычайныхъ жаровъ, вѣнчаетъ темя надоблачныхъ горъ.

ГЛАВА VI.

АГРИГЕНТЬ.

Et maintenant, voilà ce qui subsiste de
cette ville puissante!!

(Volney.)

Чрезъ полтора часа ѣзды отъ Макалубе, открылись намъ, на высокой горѣ, зданія *Жир-женту*, замѣнившего роскошный *Агригентъ*; — далѣе, расшилалось Африканское море Су-мерки застѣгли насъ при подъемѣ на крупныя вы-сопы; но вскорѣ мы находились уже посреди узкихъ улицъ въ шумной и многолюдной толпѣ. Первый предметъ, бросившійся намъ въ глаза при въѣздѣ, было огромной величины загропченное чучело; оно изображало діавола, и на немъ сож-жень былъ, за нѣсколько минутъ до насъ, фейер-веркъ, по случаю одного изъ безчисленныхъ празд-никовъ Сицилійцевъ. Упоменные до чрезвычай-ности шумѣвъ, мы поспѣшили на ночлеги.

По утру приѣхавъ навѣстить насъ жи-тель сего города, Г-нъ Раймонди, къ которому мы послали рекомендательное письмо, данное намъ отъ Графа Соммапини, въ Палермѣ; онъ съ особенною благосклонностью, вызвалъ бытъ нашимъ путешественникомъ по древностямъ Агри-

генпа. Чрезвычайный жаръ не позволялъ еще предпринимать прогулки, почему, Г-нъ Раймонди предложилъ намъ посѣтить его домъ находящійся на самомъ высокомъ мѣстѣ города; я былъ очарованъ открывшимся опшудомъ на низменныя долины, посреди коихъ прелестно обозначались колоннады двухъ Греческихъ храмовъ; а за ними, необозримое море кончало Европу и горизонтъ . . . — Слава Агригенпа пробуждала мои мечты, и я горѣлъ нетерпѣніемъ видѣть, осязать и вопрошать сіи останки, свидѣтели знаменитыхъ событій.

Насладясь симъ видомъ, мы занялись обзорѣніемъ кабинета медалей Г-на Раймонди: — оный заслуживаетъ вниманіе путешественника; классификація сихъ медалей дѣлаетъ честь познаніямъ ихъ владѣльца. Мы видѣли монеты всѣхъ древнихъ Сицилійскихъ городовъ; сравненіе между ими весьма занимательно; многія изъ нихъ, особенно Сиракузскія, свидѣтельствуютъ изыщность художества Древнихъ. Послѣ того мы разсматривали глиняные сосуды, называемые обыкновенно и весьма неправильно: *Этрусскими*, — ибо на самомъ дѣлѣ Этрусскія, дѣланы были въ подражаніе Сицилійскимъ, коихъ существованіе гораздо древнѣе. Рисунокъ ихъ, представляющій черныя изображенія по красному полю, весьма правиленъ, численъ и миловиденъ. Открытіе сихъ сосудовъ, въ Тосканѣ, составило эпоху въ Истории художества.

Сія рисунки перешли на наши мебели, превратились въ прекрасныя барельефы — и сдѣлались лучшимъ украшеніемъ нашихъ домовъ. До сей поры, безпрестанно находятъ шаковые сосуды въ гробницахъ Агригента; богатое собраніе оныхъ видѣли мы послѣ, въ домѣ главы здѣшняго духовенства, Аббата Паниtieri.

Соборная церковь заслуживаетъ вниманіе, по своей внушительности. Болѣе всего привлекаетъ шуда путешественниковъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ въ Европѣ саркофаговъ. Онъ превращенъ въ купель и хранился въ деревянномъ футлярѣ. Барельефы сего саркофага изображаютъ исторію Ипполита и Федры. Первая сторона представляетъ приготовленіе Ипполита къ ловивш; — онъ обруженъ пашью ловчими, держащими непорѣливыхъ коней и псовъ; сполная подлѣ Ипполита женщина, по мнѣнію многихъ антикваріевъ, есть наперсница Федры, отклоняющая Ипполита отъ его намѣреній, и принесшая ему отъ нея письмо, которое видно въ его лѣвой рукѣ. На второй сторонѣ представлена, съ меньшею отдѣлкою, ловля кабана. На третней — смерть Ипполита, поверженнаго съ колесницы и влчимаго испуганными отъ чудовища конями, которыхъ вообще стараются удержатъ дошны. Четвертая сторона, самая прекрасная, изображаетъ во всей силѣ опчааніе Федры, извѣщенной о смерти Ипполита, или объ его отказѣ соотвѣтствовать ея спрасни. Эвюна поддерживаетъ ослабшую

Царицу; печаль прелестнаго лица ея прогашельна; руки ея, кажутся, падаютъ отъ разслабленія, на дрожащія колѣна. Саркофагъ сей столько жъ прелестенъ и такое же производить вліяніе на чувства, какъ и Трагедіи Эврипида и Расина. Художникъ слѣдовалъ во всемъ Эврипиду; но первая часть скорѣе походила на сцену изъ Федры Сенековой, когда сія Царица посылаетъ, чрезъ свою кормилицу, письмо къ Ипполиту. Всѣ прочія сцены суть вѣрная копія со стиховъ Эврипида; изображеніе печали Федры совершенно выражаетъ слова Греческаго трагика: „Увы! я не въ силахъ болѣе владѣть собою! поддержише, сиі слабѣющія руки! . . . О боги! я не могу сносить тяжестей сего покрывала . . . распустише, власы мои . . .“ Полагаютъ, что сей памятникъ принадлежитъ къ числу тѣхъ драгоценностей, кои были присланы сюда Сципіономъ изъ Карфагена, по разрушеніи онаго. Иные антикваріи, съ нѣкоторою правдоподобностію, называютъ сей саркофагъ надгробнымъ памятникомъ изгнаннаго изъ Агригента, злобнаго ширана Финтія, и умерщвленнаго кабаномъ, на ловившѣхъ близъ Карфагена, куда онъ удался.

Въ числѣ достопримѣчательностей сей церкви, должно замѣтить эхо ея сводовъ. Говоря самымъ тихимъ шопотомъ на конечности зданія, можно все слышать на противоположной сторонѣ, возлѣ алтара. Сія тайна открылась случайно: — не было ни одной исповѣди въ этомъ хра-

мѣ, которая не дѣлалась извѣстною на другой же день всему городу; по многимъ клеветамъ на Капуциновъ, виною нескромности открылось — эхо. Въ сей же церкви показывали намъ отличной работы Греческую урну. Одинъ изъ здѣшнихъ Аббатовъ прочиталъ мнѣ съ нѣкоторою гордостію грамоту, данную Агригенскому Епископству; знаменитымъ Рогеромъ, по конечномъ испребленіи Сарациновъ; — начало этой грамоты (утверждающей Агригену 25 городовъ) любопытно. Выписываю оное:

„Я, Рогеръ, Графъ Калабріи и Сициліи, вспомо-
 „моществуемый силою Божескою, препоясанный
 „мечемъ вышней благодати, украшенный шлемомъ
 „и щитою святаго и добраго намѣренія, пришелъ
 „въ Сицилію на-встрѣчу ненавистнаго рода Сара-
 „циновъ, — для пораженія оныхъ. Вспомощество-
 „ваніемъ семнообразнаго Духа, (1) содѣйствіемъ
 „благости и милосердія Божескаго — побѣдилъ
 „ихъ, изгналъ, поправилъ ихъ дерзость, смирилъ ихъ
 „гордость противу нашей вѣры, — и говоря по-
 „истинѣ, совершенно ихъ испребилъ И
 „дпо, видящій великое разрушеніе ихъ городовъ,
 „замковъ и дворцевъ, мною совершенное, — не

(1) Spiritus sanctus ideo *septiformis* dicitur, propter dona, quae etc. .
 Isidor. Orig. VII, 3 p. 155. Ed. Vulcan.

„будеть пораженъ — бѣдствіемъ и опчальніемъ не-
вѣрныхъ!“ (1)

Сіе начало, гдѣ слава побѣдителя являлся
во всемъ блѣскѣ, совершенно противоположно слѣ-
дующему окончанію:

„Все вышеозначенное писалъ я, Рогеръ, и все
„сіе утверждено Папою Урбиномъ.“ 1099 года Ок-
тября 6-го въ *Бари*.

Эпо показываеиъ всю силу Папскаго вліянія
на Сицилійскихъ властителей, съ той поры, какъ
славный Робертъ призналъ себя зависящимъ отъ
Папы Николая II. (2)

Проходя мимо другой церкви, намъ показали
подъ стѣнами ея, основаніе храма Юпитера *Полі-
зо* (Polieo), вѣнчавшаго одну изъ высотъ древняго
Агригенна.

(1) Ego, Rogerius, Calabriae et Siciliae Comes, divino munitus praesidio, gladio supernae gratiae cinctus, galea, et scuto bonae et laudandae intentionis adornatus, Siciliam petii contra nefandam Sarracenorum feritatem pugnaturus. Quos septiformi Dei gratia, ac cooperante, imò omnia efficiente divina misericordia expugnavi: illorumque superbiam, ac instantem eorum contra fidem nostram audaciam minoravi, et (ut verius loquar) paenitus ad nihilum redegi. Quis etenim visa Castellorum et civitatum eorum vasta et ampla ruina, ac palatiorum suorum studio mirabili compositorum ingenti destructione Sarracenorum, quorum usibus superfluis haec deserviebant, non consideret magnas dejectiones per me factas, immensasque eorum clades? Horum igitur potentia, ac contra Christianos insania prorsus annihilata, et tota Sicilia mihi et meis obedientiam prostante, etc. .

(2) См. Введеніе, Глава II.

Опшуда направились мы къ дѣвичьему монастырю, чшобъ видѣть тамъ другой саркофагъ. Нѣсколько молодыхъ монахинь выглядывали на насъ сквозь выпуклыя рѣшетки оконъ; ихъ пригожій видъ гораздо любопытнѣе того саркофага, который я нашелъ весьма обыкновеннымъ: — два Генія смерти, держашъ на лѣпу изображеніе молодого юноши; — таковой предметъ часно встрѣчается на Римскихъ гробницахъ. Но я былъ весьма вознагражденъ за трудъ свой, когда Г-нъ Раймонди предложилъ мнѣ войти въ общественную комнату монастыря (*parloire*). Тамъ я восхищался красотою дѣвушки, лѣтъ семнадцати, тихо бесѣдующей, сквозь желѣзную рѣшетку, съ своимъ родственникомъ. Преспарѣлая монахиня сидѣла возлѣ нея и тѣмъ болѣе обнаруживала прелесть, разлшпую на чертахъ милой затворницы. Она была одѣта въ бѣломъ монашескомъ платьѣ; но спланъ нимфы изобличался сквозь грубые покровы.

*Les Grâces arrangeaient son simple habit de bure,
Les Grâces se plaisaient à sa simple coiffure*

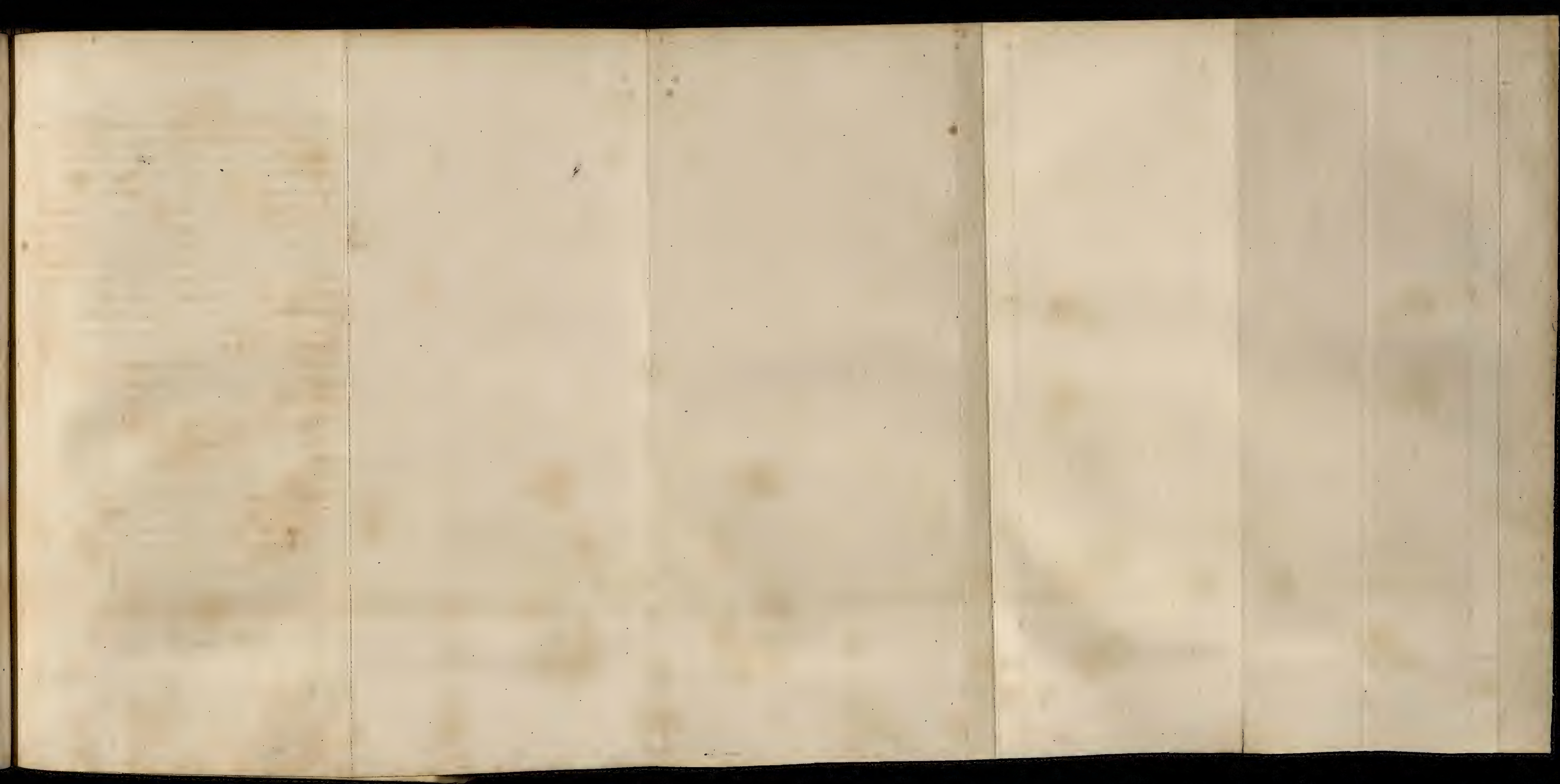
— — — — —
*Tout en elle était calme, un sentiment modeste,
Règlait son air, sa voix, son regard, son geste (1).*

(Delille: Imag.)

-
- (1) Ей сами Граціи льняной покровъ сошкали;
Опъ ей локоны по плечамъ разбросали . . .
Певниность тихая видна въ ея чертахъ, —
Во взорахъ, въ поступи, въ молчаньи и въ рѣчахъ.

Родственникъ ея, видя иноспранцевъ, дружелюбно пригласилъ насъ занять мѣсто возлѣ него. Я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи похитить нѣсколько словъ изъ сихъ прелестныхъ устъ; я спросилъ ея объ монастырской жизни, — и звуки голоса, похожіе на ласки, привели меня въ смущеніе. Она мнѣ отвѣчала, что все, что окружаетъ ее въ монастырѣ, ей нравится, и все убѣждаетъ не покидать сего мирнаго жилища. Я узналъ, что она принадлежитъ хорошей фамиліи и съ десятилѣтняго возраста находится въ монастырѣ. Къ сожалѣнію, здѣсь многія матери, для обезпеченія себя, отдають своихъ малолѣтнихъ дочерей на воспитаніе монахинямъ, которыя непримѣнно овладѣвъ разумомъ сихъ дѣтей, не рѣдко склоняють ихъ на вѣчное заточеніе и пользуются ихъ доходами.

Перенесясь такъ скоро изъ шумной Палермы въ уединенный Агригениъ, я былъ удивленъ печальною наружностью его жителей. Я не встрѣчалъ на улицѣ ни одной женщины съ открытымъ лицомъ; черное, длинное покрывало, въ которомъ онѣ тщательнѣе закутаны, дають имъ видъ мрачный; но драпировка сихъ покрываль, являетъ слѣды древнихъ одѣждъ. Здѣшнихъ красавицъ можно видѣть токмо въ народные празднества, которыя однако не рѣдки; но въ прочіе дни онѣ всегда закутаны, почему и называютъ ихъ: *intuppatedi*, *т. е. покрытые.*

Мѣстоположеніе Древняго Аргента.

ГЛАВА VII.

АГРИГЕНТЪ.

De vos yeux, qu'admira mon enfance,
Le souvenir occupe mon silence . . .
Plus fiers que vous, ils affrontaient les mers;
Leur pied foula ces rivages déserts.
Levez les yeux, voyez sur ces collines
Ces murs détruits, ces pendantes ruines
Et ces tombeaux que la ronce a couverts.

(Parny. *Isnel*.)

Послѣ обѣда, когда жаръ началъ ослабѣ-
вать, мы отправились верхомъ къ великолѣпнымъ
оستانкамъ Агригенна. Посреди аллеи кипарисовъ,
маслинъ и цвѣтущихъ алоэ, мы спускались вдоль
скапа обрывистой горы къ низменнымъ долинамъ.
Чѣмъ болѣе мы понижались, тѣмъ видъ стано-
вился прелестнѣе. Какъ цѣлила меня первая
представившаяся глазамъ моимъ картина! Прози-
рая сквозь яркую зелень миндалевыхъ деревьевъ, по-
луразвалившійся храмъ Юноны Люцины вѣнчалъ
живописный холмъ, покрытый разрушеніемъ;
рядъ Дорическихъ колоннъ рисовался по лазури
проспернаго позади моря. Вправо, на концѣ
той же линіи, слѣдуя вдоль высоты, по коимъ
разбросаны груды сѣнь, стоишь храмъ *Согласія*
(*Concordiae*), въ совершенной цѣлости: — какъ
памятникъ величія Агригенна, который, высокими
сѣнями своими (говоритъ *Виргилій*) далеко воз-
вѣщаль о себѣ, плывущимъ по Ливійскому морю:

Ardnus inde Acragas ostentat maxima longe
Moenia

(Леп. L. III.)

Всѣ сѣмъ развалины покрыты опѣ временемъ и опѣ свойства камня, какимъ-то необыкновеннымъ желтоватымъ цвѣтомъ, — и эопѣ цвѣтъ пріятно согласуется съ зеленью деревъ и съ лазурью неба и моря. Лучшія зданія новѣйшей архитектуры, никогда не могутъ произвести надъ нами сего, можно сказать, магическаго дѣйствія, производимаго древними зданіями, которыя опѣтѣнены сполькими вѣками. (1)

Доспигнувъ храма Юоны, я съ невольнымъ благоговѣніемъ спустилъ на поросшія мохомъ ступени, и взошелъ въ обрушенное преддверіе; я сѣлъ на оспатки жертвенника, курившагося безпре-
спанно передъ изображеніемъ владычицы боговъ, олицетворенной кистио Зевксиса. Здѣсь находилась знаменитая картина сего живописца. Склонивъ прелестнѣйшихъ дѣвъ Агригенша обнажилъ передъ нимъ, онъ выбралъ изъ нихъ только пять — и совокупилъ красоты каждой въ образъ своей Юоны. (2)

(1) Памятники Агригенша, Сиракузъ и Сегеспа построены, изъ принадлежащаго имъ слою, нѣсколько позрѣвашаго и раковинаго камня; онъ довольно мягокъ для ошдѣлки, но опѣ времени получаетъ большую крѣпость.

(2) Plin. Lib. XXXV, c. 9.

Взгляните на эпосъ рядъ колоннъ, изъѣденныхъ временемъ и окруженныхъ обломками другихъ, поверженныхъ; взгляните между нихъ на амфитеатръ горъ, покрытыхъ садами; на скопление зданій *Жиржентин*, вѣчающихъ высокую гору; какъ сильно прошивурчиптъ спротивъ видъ сего разрушеннаго вѣками храма, игривому виду вѣчноюной природы! Обернитесь теперь назадъ; здѣсь, вся южная часть храма разрушена; раздробленныя капители и колонны разсыяны по скату холма и скаплились въ долину вмѣстѣ съ горами камней; вправо, далеко протягивающія разбросанныя или едва еще стоящія стѣны города; вопъ храмъ *Согласія*; коего великолѣпный фронтонъ прямо передъ вами; а далѣе, взоръ едва различаетъ другія развалины.

Отселъ до моря, развертывается обширная долина — поприще бывшъ Кароагенцевъ и Римлянъ. Все чистанное мною въ Полибій и Діодоръ олицетворилось теперь передо мною. Не вдалекѣ видны остатки храма *Эскулапа*, а правѣе гробница *Терона*: далѣе, быстрая рѣчка *Драго* повергается въ море; — это обожаемый въ древности *Акрагасъ*, (1) омывавшій спогны

(1) Рѣка *Акрагасъ* изображена была *Агригентами* въ видъ младенца; одна изъ таковыхъ статуй хранилась въ Дельейскомъ храмѣ. См. Pausan. и Aelian. L. II. c. XXXIII.

роскошныхъ Агригентианъ; тамъ, была пристань: *Emporium Agrigentinarum*; — и наконецъ, взоры теряются въ необозримомъ пространствѣ Ливійскаго моря, слипаго съ эфиромъ. Тамъ Африка . . . тамъ Карфагенъ; сіи самыя воды принесли сюда грозныя полки соперницы Рима, на погибель сего града, разсыянаго нынѣ по запустѣлому пространству . . .

Отсюда мы направились вдоль обрушенныхъ стѣнъ; онѣ изпещрены разнообразными нишами, куда становились гробницы и пепельныя урны. Величины сихъ нишъ различны, ибо каждое семейство имѣло определенное для себя мѣсто погребенія и соразмѣряло оное по числу своихъ сочленовъ. Всѣ гробницы сіи находились между храмами боговъ, коихъ покрову вѣряли Агригентиане свой прахъ. Видъ этихъ гробницъ, соединенный съ видомъ разрушенія всего города, прогаеетъ душу. Прекрасныя деревья и Индѣйскія фиги поросли въ ущельяхъ стѣнъ; во многихъ мѣстахъ, спройныя алоэ возвышаются изъ нутри самыхъ гробницъ.

Мы непримѣтно прошли разстояніе 400 шаговъ, разделяющее храмъ Юноны отъ храма Согласія, — и находились уже противъ преддверія сего послѣдняго. Нельзя равнодушно глядѣть на этотъ прекрасный остатокъ изящнаго зодчества Грековъ, — они, кажется, имѣли особенный идеалъ прекраснаго. Всѣ части зданія удивительно хорошо сохранились, ибо только крыша, угловая

часть фронтона и нѣсколько карнизовъ, разрушены временемъ. Сей храмъ, того же Дорическаго ордена, какъ и храмъ Юноны Люцины, — имѣетъ двойные фасады; 34 рѣзныя колонны, безъ пьедесталей, образуютъ по сторонамъ великолѣпный перистиль; святилище обнесено, также, придѣльно чептырма колоннами меньшей пропорціи, но подобными первымъ; сверхъ того, по двѣ колонны украшаютъ два внутренніе портика. Основаніе о шести ступеняхъ, возвышалось на 9 футовъ и утверждено было на платформѣ. Не нужно говорить, что видъ изъ сего храма равно очарователенъ какъ изъ храма Люцины, находящагося на той же продолженной высотѣ. Я любовался игрѣ солнечныхъ лучей, которые пронзали золотыми полосами двойные ряды колоннъ и рисовали на помостѣ пересѣкающіяся пѣни ихъ.

Общій объемъ и пропорціи сего храма составляли гармонію вида, не менѣе плѣняющую взоръ, какъ гармонія музыки плѣняетъ слухъ. (1) Я былъ обвороженъ снѣгомъ зрѣлищемъ; глаза мои, ища какъ бы отдохновенія отъ воспора, склонялись на низменныя долины и на поверхность моря.

(1.) Длина сего храма 128 футовъ; ширина 51 ф. и 4 дюйма; длина священища (cella) 8 ф., ширина 26 ф. и 2 д. Высота колоннъ безъ капителей 18 ф. и 10 д., а съ капителями 20 ф. 6 д.; ширина полного карниза съ фризами: 7 ф. 2 д. — Храмъ Юноны Люцины: длина 114 ф. 3 д. ширина 48 ф. 6 д. Высота колоннъ съ капителями 20 ф. 4 д. высота стилобата или основанія 10 ф.

Изыщныя произведенія древнихъ, внушенные имъ врожденнымъ вкусомъ, несятъ на себѣ оппечатоку *творгескій*, междѣ шѣмъ какъ наши новѣйшія произведенія изобличаютъ всегда подражаніе.

Еще доселѣ не увѣрились въ истинномъ наименованіи храма *Согласія*, хотя найдена была въ немъ мраморная доска со слѣдующею надписью:

Concordiae Agrigentinorum

Sacrum

Respublica Lilybitanorum

Dedicantibus

M. Atterio Candido procos. et.

L. Cornelio Marcello.

A. Pr. Pr.

III. E.

Согласію Агригентянѣ, отъ Республики Лилибейской: посвящено М. Аттеріемъ, Кандидіемъ, Проконсуломъ и Луціемъ Корнеліемъ Маркелломъ Преторомъ.

Сія надпись хранился нынѣ на площади Жирженти, вѣланная въ спѣну; по ней заключаютъ, что Лилибейцы, побѣжденные Агригентянами, воздвигнули этотъ храмъ на свой щепъ; но такое заключеніе невѣроятно, потому что храмъ сей принадлежишь въкамъ Греческихъ колоній, когда Сицилія не имѣла ни Консуловъ, ни Проконсуловъ Римскихъ, и употребляла Греческій, а не Латинскій языкъ.

Превосходное сооруженіе многихъ памятниковъ Агригенна, приписываютъ Феаксу, уроженцу изъ сего города. (1)

Долго любовался я различными видами изъ средины святилища; долго удивлялся генію и славъ Древнихъ; долго мечталъ и съ прудомъ могъ удалиться. Спускаясь съ крутизны и продолжая слѣдовать прямо, вдоль спѣтъ, мы приблизились къ храму *Геркулеса*.

Огромныя груды разбитыхъ и нагроможденныхъ въ спрашиномъ безпорядкѣ, спѣтъ, карнизовъ, капителей и колоннъ, изъ коихъ шокмо одна, полу-разрушенная колонна, вопще пропившися губительному времени, — воптъ карпина знаменипаго храма Геркулеса. Слѣды помостпа, сохранившагося во многихъ мѣстахъ — и діаметръ колоннъ, возвъцають о его прошедшемъ великолѣшіи. (2) Въ немъ находилась изящная спашуя Иракла, о которой Цяцеронъ говоритъ, что не видывалъ спашуи прекрасѣе оной. Агригенпяне, не довольствуясь возсылапъ мольбы предъ изваяніемъ сего бога, и движимые вѣрою, осыпали его поцѣлуями, шакъ что уста и брада его начинали чрезъ это сглаживаться. (3) Въ наше время, поже самое можно

(1) Достойно замѣчанія, что до сей поры, здѣшніе жители пазываютъ подземные водопроводы, находящіеся въ долині С. Леопарда и признанные за древніе, — *acquadotti Phicaci*.

(2) Длина сего храма опредѣлена въ 192 футовъ а ширина въ 8 ф. высота колоннъ съ капителями 36 ф. діаметръ колоннъ 7 футовъ.

(3) *Cic. in Verr. Lib IV. c. XLIII.*

видѣть въ Римѣ, на изваяніи Св. Петра, въ храмѣ, ему посвященномъ: — вся конечность одной ноги Апостола, вышперта лобзаніями богомольцевъ.

Сію-то спашую Иракла, хотѣль алчный Верресь, въ бытность свою Преторомъ въ Сициліи, похищивъ въ ночную пору; но жипели, пробужденные воплями стражей, возспали на защиту своего Палладіума и обратили въ бѣгство вооруженную толпу хищника. (1) Здѣсь также, была картина Зевксиса, изображавшая, по словамъ Плинія, Геркулеса младенца, подавляющаго двухъ змѣй въ присуществіи устращенной Алкмены и Амфипріона; — дѣйствіе страха на ихъ лицахъ, было выражено съ неизмѣрною живостію. Самъ Зевксисъ не могъ положить цѣны своей работѣ, и для того принесть ее въ даръ сему храму. (2) Мѣсто, находящееся между онымъ и храмомъ Юпитера Олимпійскаго, занималъ *форумъ* многолюднаго Агригенша, въ коемъ считалось во время Эмпедокла, по свидѣтельству Діогена-Лаерція, до 800.000 жипелей. (3) Здѣсь, гдѣ распутъ теперь въ шакомъ изобиліи, по грудамъ камней, алоэ и восточные фиги, — здѣсь волновалась толпа промышленнаго народа. Здѣсь невольники опдаленныхъ спранъ прогуливали на драгоценныхъ носилкахъ изъ слоновыхъ костей — роскошнаго гражданина; (4) тушъ

(1) Cic. id.

(2) Plin. Lib. XXXV. c. IX.

(3) Diog. Laert. in. Emped. Но Діодоръ Сицилійскій, полагаетъ число жипелей Агригенша, въ эпоху нашествія Аппибала, въ 200.000 ч.

(4) Diod. Sic. l. XIII.

блестящія въ золотѣ и серебрѣ колесницы, мчались на борзыхъ коняхъ небесной породы, копорымъ удивлялись чужеземныя страны, (1) копорые славились лирою Пиндара и коимъ воздвигали пирамиды,

Altor equorum,
Mille rapit turmas, atque hinnitibus aëra flammāt,
Pulveream volvens Agragas ad moenia nubem.

Sil. It. Lib. XIV.

Тамъ въ мраморныхъ бассейнахъ плавали и плескались пшцы или рыбы разныхъ частей свѣта. (2) Все это здѣсь было — и все это осталось только въ преданіяхъ; лишь одна природа не измѣнилась!

На разстояніи нѣсколькихъ шаговъ отъ храма Иракла, лежалъ громады несравненнаго храма Юпитера Олимпійскаго. Зданіе сіе построено въ подражаніе извѣстному храму того же имени, въ Греціи, и почти въ одно время съ нимъ, — было однимъ изъ удивительнѣйшихъ въ мірѣ. Двадцать два столѣтія пылѣющія на немъ, едва могли разрушить исполнскую груду его. „Оно даетъ настоящее понятіе о великолѣпіи людей того времени“ — говорятъ

(1) Magnanimū quondam generator equorum.

Virg. Lib. III. Aen.

(2) См. *Diod. Lib. XI*. Сей историкъ свидѣтельствуешь существованіе водохранища, имѣвшаго 7 стадій въ окружности и 20 локтей въ глубину. Многіе узнають мѣсто сего водохранища, въ одномъ большомъ оврагѣ близъ храма Каспора и Поллукса.

Діодоръ. Разсматривая обломки сихъ колоссальныхъ колоннъ, карнизовъ, архиправовъ, капителей, и чрезвычайныя пропорціи существующаго основанія, — не должно удивляться, что попомство приписало построение онаго Гигантамъ; по сіе время называютъ храмъ сей; *Palazzo de' Giganti*. Діодоръ (1) определяетъ длину его въ $3\frac{1}{4}$ греческихъ фузовъ; ширину (безъ всякаго сомнѣнія, по ошибкѣ переписчиковъ,) въ 60 фузовъ, вмѣсто 160 ф. на самомъ дѣлѣ существующихъ; высоту безъ карнизовъ, въ 102 фуза. Колонны сего храма, пишетъ онъ, были вдѣланы въ стѣны, представляя снаружи полу-круги имѣющее 20 Гр. ф. въ объемѣ, а внутри, пиластры имѣющія 12 Гр. ф. въ ширину; и такъ, сія послѣдняя мѣра составляетъ діаметръ полнаго круга имѣющаго около 40 Гр. ф. въ объемѣ. (2) Тотъ же Историкъ, весьма справедливо говоритъ, что человекъ можетъ помѣститься всею спиною въ рѣзныя впадины колоннъ; я самъ повѣрялъ истину его словъ. На фронтонахъ были изображены барельефы, издѣлкой красны, бой Гигантовъ противу боговъ и разрушеніе Иліона. Первый предметъ подалъ, можетъ быть, поводъ назвать это зданіе *храмомъ Гигантовъ*, и даже приписать, имъ самимъ, сооруженіе онаго. Жаль, что ни чего не сохранилось отъ сихъ барельефовъ, коихъ красота какъ говоритъ Діодоръ, была необыкновенная. Спатуи Фидія и Алкмена украшали внутренность

(1) Diod. I. XIII.

(2) Новѣйшія измѣренія опредѣлили длину сего храма въ 442 Сиз. пальмы ил. с. 344 Франц. фуза, а ширину въ 146 ф. — безъ спилобана,

храма; крыша его не была докончена, когда возгорѣлась война съ Карѳагенцами, — и за симъ послѣдовало его разрушеніе. Не смотря на спрашнѣй безпорядокъ сихъ развалинъ, онѣ исполнены удивительнаго величія и воображеніе спроекти на нихъ ужасный колоссъ... Остатки сего великолѣпнаго памятника древности, могли бы долго еще, въ лучшей цѣлости, удивлять путешественниковъ, но варварское правленіе сего острова въ началѣ XVII вѣка, разрушило послѣдніе слѣды снѣвъ, употребивъ огромные камни оныхъ на постройку *молы* въ пристани Жирженши !!! Фацелло говоритъ, что конечное разрушеніе храма Юпитера Олимпійскаго послѣдовало 1401 года, въ Декабрѣ, отъ небреженія правительсва къ сему дивному зданію; при семъ выписываетъ онъ, сочиненные на эпосъ случай Лапинскіе стихи, которые доказываютъ, что колоссальныя статуи Гигантовъ поддерживали тяжесть наддвернаго фронтона

Между храмами Юпитера Олимпійскаго и Иракла находились, такъ называемыя, *Золотыя ворота* (porta Aurea), чрезъ которыя пролегалъ путь къ гавани.

Слѣдуя далѣе и пройдя около восьмидесяти сажень, показали намъ въ глуши одного огорода, малые остатки такъ называемаго: *Вулканова* храма. Мы распознали нѣсколько обломковъ отъ колоннъ и капителей: снѣ послѣднія обна-

руживають Дорическій орденъ храма. Опшуда мы направились чрезъ глубокой и живописный оврагъ изрытый потокомъ; здѣсь полагають мѣсто водохранилища вырытаго плѣными Карфагенцами; но это можетъ быть одинъ предположенія. На противоположной высотѣ два стоящіе обломка рѣзныхъ колоннъ съ пьедесталами, посреди другихъ развалинъ, показываютъ слѣды храма *Кастора и Полукса*. Тамъ видна еще часть основанія и нѣсколько ступеней. (1) Мы вознаграждены были за понесенныя нами усталости, видомъ великолѣпной линіи, храмовъ *Агригенна*. Какіе предметы для живописцевъ!

Возвращаясь назадъ, мы встрѣпили вѣдомое на пастбище спадо; въ немъ было нѣсколько лошадей, но они весьма далеки отъ даннаго имъ, *Виргиліемъ* прилагательнаго: *magnanimi* (2); но за то, волю обрапили наше вниманіе; они похожи на антилоповъ и рога ихъ уродливо велики. Тутъ же видѣли мы нѣсколько пелянъ Африканской породы, съ плоскими хвостами. Паспырь не отказался довѣрить намъ за малую плату, нѣсколько изъ своихъ лошадей; упомянутые пупемъ, мы сѣли на нихъ съ немалымъ удовольствіемъ.

Выѣхавъ опять къ развалинамъ храма *Юпитера Олимпійскаго*, мы спустились къ подошвамъ падшихъ стѣнъ города которые занимають

(1) Диаметръ колонъ 4 ф. и 10 $\frac{1}{2}$ д.

(2) Virg. ubi supra.

еще все пространство отъ храма Юноны Люцины до рѣки *Акрагасъ*, нынѣ *Драго*. Кажется, что грозная труба, низпровергшая стѣны Иерихона, прозвучала вдоль сихъ стѣдъ; — здѣсь, цѣлые составы оныхъ покрываютъ скалы холмовъ; тамъ, совершенно опдѣлись, страшно наклонены и угрожаютъ ежеминутнымъ паденіемъ; другія, далеко уже устилающъ долину.....

Стѣны сѣ, по большой часпи, выдѣланы изъ природныхъ скалъ; но тѣ, которыя были сооружены, имѣли до 5 футовъ въ высоту и 70 стадій въ окружности. (1) Множество гробовыхъ нишъ, подобныхъ тѣмъ, кои изсѣчены въ стѣнахъ обращенныхъ во внутрь города, — изпещряютъ также и наружность стѣнъ. Сѣ жилища смерти пробуждаютъ неизъяснимое чувство меланхоліи: Глядя на великолѣпные храмы, пережившіе столько вѣковъ, вы видите передъ собою славу и могущество соорудившихъ оныя, — а глядя на гробницы, гдѣ уже нѣтъ и праха погребенныхъ, — нищету и ничтожество ихъ! Здѣсь хранились тѣлы тѣхъ шломо гражданъ, кои своими воинскими и частными доблестями приносили славу республикѣ; это дѣлалось съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы тѣни ихъ и по смерти охраняли стѣны города. Мудрые постановили сего высокаго обычая, почестию къ мертвымъ, дѣйствовали на живыхъ; юноши безпрестанно имѣли передъ очами, славу

(1) Diod. id.

своихъ предковъ; здѣсь находились храмы боговъ, здѣсь совершались всѣ празднества, и сюда родились водили младенцевъ сыновъ своихъ:

Чтобъ въ юныхъ ихъ сердцахъ геройство возбудить. (1)

Слѣдуя по долинь, къ морю, мы вскорѣ подошли къ такъ называемой гробницѣ *Терона*, воздвигнутой гражданами Агригенна въ память сего добродѣтельнаго *Тирана*.

Полагаюшъ, что этогъ памятникъ, состоящій теперь изъ двухъ чепыреспороннихъ эшажей, имѣлъ нѣкогда пирамидальный верхъ; высота зданія, въ нынѣшнемъ видѣ, состоящій изъ 24 футовъ (безъ спилобапа, который засыпанъ землею); первый эшажъ образованъ просто изъ большихъ песаныхъ камней; но второй, Ионическаго ордена, — имѣетъ по одной колоннѣ по угламъ. Сверхъ того, посреди каждой стѣны находится фальшивая дверь съуженная къ верху.

По свидѣтельству *Діодора* и *Полибія*, изъ множества надгробныхъ памятниковъ, находившихся въ семъ мѣстѣ, одна гробница *Терона* сохранилась, по взятіи Агригенна Карфагенцами подъ предводительствомъ Анибала и Амилкара: Въ то время, какъ воины заняты были разрушеніемъ гробницъ, для того чтобы камнями оныхъ

(1) Озеровъ: Финг.

завалишь рвы города, молнія ударила въ памятникъ Терона, и удержала суетьныхъ Карфагенцовъ отъ прикосновения къ нему; ихъ страхъ усугубился, когда въ слѣдъ за симъ моровое повѣтріе опустошило армію и похищило у нихъ Аннибала. Чѣмъбы укротить гнѣвъ боговъ, Амилбаръ принесъ въ жертву Сатурну одного младенца и побросалъ въ море нѣсколько жрецовъ и жертвъ. (1)

Полибій назначаетъ мѣсто Тероновой гробницы почти тамъ же, гдѣ находишься теперь упомянутый памятникъ; но не смотря на многія правдоподобности, онъ служилъ *камнемъ преткновенія* для антикваріевъ. Нѣкоторые изъ нихъ утверждаютъ подлинность его, а другіе несогласны въ томъ; такъ, что нѣкоторые называютъ сіе зданіе гробницею лошади; ибо извѣстно, что Агригентиане воздвигали симъ живописнымъ, равно какъ и пирамидамъ, (2) великолѣпные памятники. Чѣмъ Полибій, который помѣщаетъ сію гробницу противу храма Геркулесова, можно признавать за ту самую, видимую нынѣ; но чѣмъ Діодора, который описывая вышесказанное происшествіе, называетъ сей памятникъ *огромнымъ* (*molis opus*), тогда какъ онъ весьма не великъ, — начинаются сомнѣнія.

Неподалеку отсюда видны остатки такъ называемаго Эскулапова храма. Слѣды оного,

(1) Diod. Sic. I. XIII.

(2) Id. Lib. XIII.

украшенные прекрасными пиластрами, входяще
ныне въ составъ бѣдной хижины одного земле-
дѣльца. Во храмѣ Эскулапа стояла статуя Апол-
лона, работы Мирона, коего имя начертано было
на пьедесталѣ. Сими кончаются слѣды славнаго
Агригента.

ГЛАВА VIII.

АГРИГЕНТЪ.

Agrigentini deliciis quotidie ita se dedunt, ac si crastino die morituri: domos vero ita exstruere, quasi aeternum victuri.

(*Emped. apud Diog. Laert. Lib. VIII.*)

Высокая гора, господствующая надъ горою, гдѣ построены нынѣ *Жирженти*, есть та самая, гдѣ находился храмъ *Минервы* и *Юпитера Атабира*; туда, при взятии Агригентина Карфагенцами, собрались, по воззванію Геллія, нѣкоторые жители города и сожгли сіи зданія вмѣстѣ съ собою и съ богатствами своими. Частію фундамента сихъ храмовъ, существуютъ. При выѣздѣ изъ города, къ Воспоку, показываютъ нѣсколько камней отъ снѣтъ храма *Цереры* и *Прозерпины*, гдѣ праздновались: *анакалиттеры* (обнаженіе или спятіе дѣвственнаго покрывала). — и *Богоміи* т. е. бракъ боговъ, или бракъ *Прозерпины*. (1)

Роскошь, сластолюбіе и гостепріимство древнихъ Агригентинянъ были извѣстны всему древнему міру. Знаменитый *Эмелдоклъ*, ихъ гражданинъ, говаривалъ: „Агригентиняне столь необузданно впадаютъ въ сладострастіе, что подумаешь будто

(1) Pind. Pyth. XII. Quaece te, o splendida urbs, sedes Proserpinae in ripa Agragantis

„они готовятся умереть на другой день, — а со-
„здаются дома съ такимъ великолѣпіемъ, какъ
„будто располагаются жить вѣчно.“ (1)

Діодоръ называетъ весьма справедливо, зем-
лю Агригенна, одною изъ счастливѣйшихъ въ
мірѣ; нынѣ, какъ и при немъ, рощи маслинъ по-
крываютъ почти всю страну. (2) Сему-то дере-
ву, Агригеннъ обязанъ былъ своимъ великолѣ-
піемъ и богатствомъ; — знавшійшая торговля его
съ Карфагеномъ состояла въ оливахъ, — и она-то
возвела его на ту степень роскоши, о коей намъ
говорить преданія:

Однажды, въ зимнее время, пять сотъ всад-
никовъ изъ Геллы, проѣзжали мимо Агригенна;
Геллій, гражданинъ сего города, пригласилъ ихъ
всѣхъ въ свой домъ, и угостилъ ихъ съ необыкно-
венною пышностію, шутъ же подарилъ каждому
по одному плащю и по одной тогѣ.

Другой гражданинъ, по имени Антисеенъ,
празднуя свадьбу своей дочери, угощалъ жителей
на всѣхъ улицахъ; — между тѣмъ, 800 колесницъ
слѣдовали за новобрачною, окруженною сверхъ то-
го безчисленнымъ множествомъ всадниковъ, при-
глашенныхъ изъ окрестныхъ мѣстъ. Снабдя жер-
твенники всѣхъ храмовъ и частныхъ домовъ аро-
матнымъ деревомъ и маслами, онъ просилъ за-

(1) См. эпиграфъ.

(2) Diod. Sic. I. XIII. 24.

жечь ихъ всѣ въ одно время, когда зажжется жерпвенникъ циппадели; — все это было исполнено въ точности: — ночь перемѣнилась въ ослѣпительный день, и новобрачная открыла шествіе при звукахъ радостной музыки и окруженная несмѣтной толпою. (1)

Еще одинъ примѣръ: во время осады Агригента Карфагенцами, подъ предводительствомъ Аннибала и Амилкара, — обнародовано было опть высшихъ властей заповѣданіе, чпобы никто изъ гражданъ, очередующихся на спржѣ крѣпостныхъ стѣнъ, не имѣлъ при себѣ болѣе одного пуховика, одного покрывала, и двухъ подушекъ, (2) и это самое было сочпено за большую спржость. Не смотря однако на споль изнѣженные нравы, Агригентиане умѣли умирать со славою.

Основаніе Агригента скрывается въ баснословныхъ вѣкахъ. Дедалъ, убѣгая опть гнѣва Миносова, спасся на искусственныхъ крыльяхъ, въ Сидмю, гдѣ царствовалъ тогда надъ Сиканами Кобаль, въ городѣ Камикѣ, занимавшемъ самыя высшія скалы нынѣшняго *Жирженти*: (шуда ведетъ узкой путь изъ предмѣстія называемаго *Rabatto*). Сей хитрый художникъ, въ ознаменованіе своей благодарности за гостепрїимство *Кокала*, укрѣпилъ его городъ и сдѣлалъ доступны къ оному споль шрудными, чпо при или чешыре человека

(1) Id.

(2) Id.

могли его оборонять. (1) Извѣстность Агригенпа начинается шокмо съ 584-го до Р. Х., когда Аристонъ и Фиспилъ, удалившіеся изъ *Геллы*, поселились на развалинахъ *Калика*. Менѣе нежели въ одно столѣтіе, Агригенпъ сдѣлался впорымъ городомъ Сициліи, (послѣ могущественныхъ Сиракузъ), — и принялъ важное участіе въ войнахъ прошиву Кареагена.

Бытописанія Агригенпа, по несчастію, показываютъ намъ его почти всегда, подъ владычествомъ самыхъ гнуснѣйшихъ пирановъ, обременившихъ когда-либо землю. Кому неизвѣстны грозныя имена *Фаларида*, *Оинтія*, *Оразидея*? — Изъ желанія — польстить звѣрскимъ прихотямъ перваго, славный художникъ того времени, по имени Периллъ, изваялъ, какъ извѣстно, мѣднаго вола, въ раскаленную внутренность коего вкладывали живыхъ людей; ихъ стоны выражали мычаніе сего животнаго; но Периллъ самъ сдѣлался первою и достойною жертвою пирана. Кареагенцы, при взятіи Агригенпа, перевезли сіе изваяніе въ свою столицу; но Сципіонъ Африканскій, побѣдивъ ихъ, возвратилъ опять эпомъ спрашнѣй памятникъ городу. (2) Исторія сохранила намъ однако, одну черту добродѣтели Фаларида и вмѣстѣ съ симъ блистательный примѣръ силы дружбы; — всѣ знаютъ о Дамонѣ и Пиеѣ; но не многіе упоминаютъ про-

(1) Dioid. Sic. Lib. IV.

(2) Cic. in Verr., Act. II. L. IV. с. XXXIII. По свидѣтельству *Аліана*, Фаларидъ изобрѣлъ родъ пожарной трубы, извергающей

Меналипа и Харипона: Меналипъ, гонимый Фаларидомъ, рѣшился его убить; онъ открылся въ томъ другу своему Харипону, который, видя непоколебимость его намѣренія и утѣшенный опасностью, коей подвергался его другъ, сказалъ ему: „Я самъ даю, но ищу способовъ исполнить предпринятое побою; и такъ, не повѣривъ тайны никому, и предоставивъ мнѣ найсти случай къ совершенію сего дѣла.“ Черезъ нѣсколько дней, Харипонъ, не предвѣдывая друга, и пользуясь нѣкоторою удобностію, — бросился съ кинжаломъ въ рукахъ на Фаларида; но спроста успѣла опклонить ударъ, — и несчастный былъ заключенъ въ темницу. Фаларидъ велѣлъ его подвергнуть пылкѣ, для открытія сообщниковъ; но никакія мученія не поколебали души Харипона. Меналипъ, увѣдомясь о судьбѣ великодушнаго друга, предсталъ не медля къ Тирану и объявилъ ему всю истину. Фаларидъ, пораженный силою дружбы, простилъ обоихъ юношей съ шѣмъ, чтобъ они въ тотъ же день оставили Сцилію. (1)

Одно только имя добродѣтельнаго *Терона* улаживаетъ сердце, чистая исторія *Агригенина*. Его царствованіе знаменито, и онъ былъ достоинъ лиры *Пиндара*, прославившей его.

пламя и горючія вещества на далекое пространство, для зажиганія кораблей и осадныхъ башенъ. (Vid. Faz. Lib. VI, p. 132.) Если вѣрить свидѣтельству *Аристотеля* и *Аппея*, сей злодѣй жарилъ юношей и пожралъ одного изъ своихъ дѣтей. (Athen. L. I.)

(1) Aelian. L. II, c. IV.

Часть I.

Изъ рукъ Кароагенцевъ, Агригентъ подпалъ, въ 262 году до Р. Х., во владычество Римлянъ, въ слѣдъ за паденіемъ Сиракузъ. Въ позднѣйшія времена Сарацины и Норманы опустошили великолѣпныя остатки его славы.

По свидѣльству Діогена Лаэртія, древній городъ раздѣлялся на пять частей; но справедливѣе, на чепыре; ибо Діогенъ, изъ именъ: *Акрагасъ* и *Агригентъ*, (что значить одно и то же, съ тѣмъ токмо различіемъ, что одно есть слово Греческое, а другое Латинское), производить два наименованія; и такъ, сии части суть: *Калика*, *Агригентъ*, *Rupes Aethenea*, т. е. *Аѳинская скала* и *Неаполисъ* или *новый городъ*.

Возвращаясь въ Жирженту, мы очень часто замѣчали въ садовыхъ оградахъ, кои состоятъ изъ грубо-сложенныхъ камней, — обломки капителей, карнизовъ, архиправовъ, — и каждая такая встрѣча пробуждала наше любопытство. Мы возвратились въ Жирженту по узкой и крутой дорогѣ, ведущей на высоты скалъ. Сей путь, называемый *Scala dei Franceschini*, весьма пруденъ и живописенъ; онъ долженъ быть однимъ изъ древнихъ путей, сдѣланныхъ, какъ говорятъ, Дедаломъ.

Совѣшную не оставляя земли Агригента, не насладившись прелестнымъ видомъ съ террасъ монастыря Св. Николая, или, лучше сказать, загороднаго дома Аббата Панешіери, который весьма украсилъ сіе мѣсто своего пребыванія. Опшуда

надобно видѣть, когда лучи заходящаго солнца озаряютъ пустынные храмы Агригенна и развалины, разсѣянные по хребтамъ холмовъ; опшуда надобно видѣть разнообразно освѣщенные чащи миндальныхъ, фиговыхъ и оливковыхъ роуцъ, надъ которыми возвышаются нѣсколько пальмъ.... Такая картина никогда не изгладится изъ памяти. Съ великолѣпнаго зрѣлища оспашковъ древняго города, вы обращаете взоры на новый; сумерки одѣваютъ уже высокую гору, на которой онъ построенъ; дома сливаются въ одно цѣлое; но вскорѣ огни начинаютъ мелькать изъ оконъ, и весь амфиатръ зданій представляетъ иллюминированную гору. Возшедшая луна одѣваетъ новыми красками картину — и пробуждаетъ новыя мысли.... Я про-сѣживалъ по цѣлымъ часамъ на высотѣ монастырской террасы; — посреди ея находилась большой бассейнъ, всегда наполненный свѣжею водою, которая проведена шуда изъ отдаленныхъ горъ. Это напоминаетъ роскошь Агригеннянъ. Жители Жиржени часто нуждаются въ свѣжей водѣ и безпрестанно посылаютъ цѣлые караваны, на ослахъ, навьюченныхъ сосудами, къ ближнему источнику, отстоящему на двѣ Ипаліанскія мили отъ крупныхъ высотъ города. Сіе льшо, примѣрное по своему жару, засушило многіе источники, и даже рѣка *Драго* едва струилась. Богатый Аббатъ избавилъ себя отъ заботъ, сооруженіемъ сего прекраснаго бассейна. Онъ одинъ, я думаю, являетъ слѣды роскоши древнихъ жителей сихъ мѣстъ.

Въ его саду находится памятникъ, называемый, по преданію, гробницею или часовнею Фаларида (Oratorio di Fallari), по той причинѣ, что онъ служилъ долгое время часовнею для здѣшнихъ монаховъ; но остатки древнихъ фризозъ отъ храмовъ Агригенна, хранящіеся въ семъ же саду, гораздо любопытнѣе. Рѣзба ихъ, удивляетъ и свидѣтельствуетъ о совершенствѣ искусства того времени.

Вчера, запоздавъ на прогулкѣ, я забрелъ въ садъ Г. Аббата, — и нашелъ его, при свѣтѣ луны, сидящаго подъ одинокой пальмой и занятаго хозяйскими распоряженіями; онъ ласково меня принялъ, и мы познакомились съ нимъ на семъ же мѣстѣ, за бутылкою опличнаго вина отъ его виноградниковъ; но знакомство наше кончилось чрезъ нѣсколько часовъ; ибо я на другой день оставилъ эту спрану.

Путешествуя по Сициліи, гдѣ почти совсѣмъ нѣтъ гостиницъ, легко можно запасись рекомендательными письмами въ различные монастыри, гдѣ васъ принимаютъ охотно; но подарки, которые необходимо слѣдуютъ за угощеніемъ, слишкомъ раззоряютъ; а церемоніи съ хозяевами слишкомъ беспокоятъ.

Послѣдняя прогулка моя по развалинамъ Агригенна, принесла мнѣ особенное удовольствіе: бродя вдоль древнихъ стѣнъ, и съвѣ отъ усталости на

одинъ большой опломокъ опъ оныхъ, глаза мои нечаянно устремились въ глубокую прещину, гдѣ, къ крайнему моему удивленію, нашелъ я древнюю мѣдную монету. Я былъ обрадованъ какъ ребенокъ, и торжественно повезъ съ собою сей кусокъ мѣди, лежавшій столько столѣній въ забвеніи и прахѣ. Товарищъ мой, бывший свидѣтелемъ сего случая, не могъ ушѣшишься, что подобное счастье не случилось съ нимъ, — и опъ его желанія найти что-нибудь, мы скипались нѣсколько лишнихъ часовъ по развалинамъ. — Тутъ мы посѣтили каменоломни и погребальныя пещеры, достойныя любопытства; онѣ находятся подъ спѣнами: нныя весьма обширны, имѣютъ круглыя своды и поддержаны нарочно оставленными каменными подпорами; во многихъ пещерахъ находятся разныхъ величинъ ниши для гробовъ и урнъ, подобныя тѣмъ, которыя находятся въ городскихъ спѣнахъ. Сверхъ того, мы видѣли много подземныхъ галлерей, ведущихъ на дальнее пространство, въ глубокомъ мракѣ. Каменоломни и подземелья сущесвуютъ также подъ скалами Жирженши, но входъ туда, говорятъ, опасенъ. Народъ полагаетъ, что въ нихъ обитаютъ злыя души. Достойно также вниманія множество морскихъ раковинъ, видимыхъ здѣсь въ природномъ составѣ скалъ; раковины сіи весьма разнообразны и расположены горизонтальными слоями; онѣ свидѣтельсвуютъ о перемѣнахъ, происходившихъ на земномъ шарѣ.

ГЛАВА IX.

ДОРОГА ИЗЪ АГРИГЕНТА ПО ЮГО-ЗАПАДНОМУ
БЕРЕГУ. — МОНТЕ - АПЕРТО. — СИКУЛЬЯНА. —
ШЬЯКА.

Nè, fuor che 'l lito, vede cosa alcuna . . .
E di lontano le gonfiate vele
Vide fuggir . . .

(Ariosto: Orl. X. 22 — 23.)

Упренный шуманъ покрывалъ еще землю, когда
мы спускались съ крупныхъ скалъ Жирженни.
Я привѣтствовалъ прощальнымъ взоромъ скры-
вавшіеся за горами великолѣпныя оспашки госпе-
пріимнаго Агригенша:

Hospitibus sancti portus, sine labe malorum. (1)

Солнце вставало . . . мы въѣзжали на проши-
вуположныя высоты; шуманъ, скрывавшій пред-
мѣты, быстро поднялся и открылъ веселый ланд-
шафтъ: — море, горящее румянымъ свѣтомъ зари,
холмистый берегъ, на немъ красивый городокъ
Монте Аперто, а правѣе — маякъ.

(1) Emped. apud Diod. Sic. L. XIII.

Монте Аперто весьма замѣчательнѣе тѣмъ, что почти всѣ жилили онаго, коихъ считаютъ болѣе тысячи, состоятъ изъ преступниковъ, бѣглыхъ, должниковъ, — казенныхъ и частныхъ, — и женщинъ дурнаго поведенія; всѣ они, пользуясь особымъ правомъ сего города, утвержденнымъ самимъ правительствомъ, имѣютъ здѣсь безопасное убѣжище, но строго надзираемы полиціею. Всего примѣчательнѣе то, что они, болѣею частію, совершенно исправляются, ведутъ жизнь тихую и нравственную; вступаютъ въ бракъ и воспитываютъ въ благонравіи дѣшей. Это утѣшаетъ человеческое сердце!

Предстоящій намъ путь велъ чрезъ дикія скалы, и солнце, шекущее во всемъ блескѣ по лазури неба на коемъ не видно было ни малѣйшаго облачка, общало намъ Ливійскій зной. Здѣсь вожакий спросилъ насъ, хотимъ ли мы видѣть *разбойничій дворецъ* (*un palazzo de' briganti*)? — „Охотно, сказалъ я, только съ тѣмъ, чтобъ онъ былъ необитаемъ;“ — онъ засмѣялся и повелъ насъ сквозь едва проходимыя ущелья скалъ, изъ трещинъ коихъ изрѣдка вырывались уродливыя маслины и кусты алоэ, заграждающіе путь; наконецъ мы достигли желаемого мѣста; — но какъ мы удивились, когда намъ открылось выдѣланное въ скалахъ кругловатое поприще съ рядами оконъ въ два этажа! Окна сіи украшены карнизами простой работы. Множество лицерицъ, привлеченныхъ зноемъ, который начиналъ уже быть силенъ, вы-

бѣгало ежеминутно изъ разсѣлинь; мы хотѣли опдохнуть въ одной изъ пещеръ, но шипящая змѣя удержала насъ. Трудно опредѣлить назначеніе сего спранныго зданія, которое по *стилю* своему принадлежитъ, безъ сомнѣнія, опдаленнымъ вѣкамъ; — нынѣ называютъ это мѣсто *Cava dei Rampanati*, (1) не смотря, что нашъ вожакъ даетъ ему наименование жилища разбойниковъ, хотя весьма вѣроятно, что шайки оныхъ, наводнявшія Сицилію подъ предводительствомъ атамановъ, каковъ былъ Ринальдино и другіе, коихъ имена сдѣлались извѣстными Европѣ, употребили въ пользу таковыхъ убѣжища. Одинъ новѣйшій путешественникъ полагаетъ, что это слѣды такъ называемыхъ *Троглодитовъ*; но трудно на это согласиться, ибо настоящіе жилища сихъ первыхъ населенцевъ Сициліи, находящіеся въ долинѣ *Испикъ*, (въ *Валь ди Ното*), (2) принадлежатъ гораздо опдаленнѣйшей древности, которая доказывается ихъ грубымъ образованіемъ, междѣ тѣмъ какъ здѣсь видны уже нѣкопорые слѣды искусства. Въ бытность мою въ Палермѣ, мнѣ сказывали, что неподалеку оппугда за мысомъ *Галло* (*Capo di Gallo*) живутъ нѣсколько сѣмей въ береговыхъ пещерахъ, съ весьма давняго времени, такъ, что полагаютъ ихъ за настоящую опрасль помянутыхъ *Троглодитовъ*.

(1) Т. с. погребъ для бочекъ.

(2) См. Гл. XXV. сего путешествія и I гл. введенія, стр. 5 — 4.

Возвратясь на дорогу въ *Сикуліану*, мы видѣли, какъ извлекали груды сѣры изъ горныхъ пещеръ. Главная сѣрная руда, приносящая значительный доходъ Правительству, находится не много подалѣ, близъ мѣстечка *Каполика*, — и достойна вниманія Геолога. Нѣдра сей страны написаны горючими веществами. Не смотря на опаленную повсюду праву, здѣсь виноградныя лозы успиваютъ раскаленные ребра горъ и сходятъ къ морю. Спустиась къ берегу, открывается городъ *Сикуліана*, построенный амфитеатромъ на скалѣ, между двухъ другихъ пирамидальной формы скалъ, служащихъ ему, какъ бы нарочно, боковыми декораціями. Здѣсь процвѣпалъ нѣкогда городъ *Каникѣ*, столица древнихъ *Сикановъ*; близъ сего мѣстечка протекаетъ небольшая рѣчка, называемая понынѣ (хотя совершенно въ другомъ значеніи) *fiume de' canni*. Нѣкоторые Писатели не признаютъ здѣсь существованія древняго *Каника*; но самое наименованіе *Сикуліаны* не есть новое; оно происходитъ отъ имени первобытныхъ *Сикуловъ*, кои замѣнивъ *Сикановъ*, — весьма правдоподобно, переименовали названіе *Каника* на *Сикуліану*. Городъ сей есть мѣсто ссылки невольниковъ, и заключаетъ 4,550 жителей.

Отсюда ѣхали мы трудными спезями по ребрамъ горъ, образованныхъ изъ гипса и мрамора. Жаръ былъ несносенъ, и спѣны скалъ производили дѣйствіе раскаленныхъ печей; соломенные шляпы

наши съ широкими полями, приносили намъ большую пользу въ семь случаевъ. Караваны ословъ и лошаковъ, навьюченныхъ большими кусками сѣры, безпрестанно намъ попадались и заграждали единственные пропшнки. Въ Сициліи дороги почти не сущесивуютъ; часто не видно даже спезей, и путешественникъ можетъ имѣть нужду въ компасѣ!! Въ древности, Сицилійскіе пути были знамениты и, какъ я уже имѣлъ случай сказать — служили образцомъ для Римскихъ. *Записки Антонина* (1) упоминаютъ о многихъ Сицилійскихъ путяхъ; но главнѣйшими изъ нихъ были слѣдующіе три: Путь *Валеріевъ*, проходившій чрезъ всю Сицилію отъ Лилибея до *Мессины*; путь *Гелорійскій*, отъ Гелоруса (нынѣ устье рѣки *Абиссо*) до Сиракузъ, и путь *Мегарійскій* — отъ Сиракузъ до Мегары или Гиблы (нынѣ окрестности мѣстечка *Авола*). Кажется, что Неаполитанское Правительство рѣшается наконецъ заняться дорогами Сициліи, по проэкту Г-на Вельца. (2)

Единственный экипажъ для путешествія по Сициліи, есть родъ крытыхъ носилокъ, называемыхъ *летига* (*letiga*); вмѣсто людей, несутъ ихъ лошаки, одинъ или два спереди и одинъ сзади. Послѣдній долженъ быть весьма привыченъ; ибо кузовъ *летиги*, находящійся у него передъ глазами,

(1) Vid. Itinerarium. Antonini Augusti.

(2) См. Welz. Saggio su i mezzi da moltiplicare prontamente le ricchezze della Sicilia. Parigi. 1822. in 4.

закрываетъ опъ него дорогу. Внутренность сего экипажа похожа на — такъ называемый: *vis à vis*; тамъ могутъ сидѣть только двое, одинъ пропивъ другаго. Образъ *Мадонны*, предъ коимъ иногда теплился лампада, написанъ позади кузова; — и нѣсколькодесятибубновъ далеко возвѣщають шествіе сей процессіи. Нѣсколько уже лѣтѣтъ попадалось намъ въ горахъ. Нѣкоторые изъ путешественниковъ охраняемы были *Кампирами* (1) или *Внутренней стражею*; они вооружены пистолетами и кинжалами, и сверхъ того имѣють по одному карабину, который упирается прикладомъ въ спремя. Одѣжда ихъ состоитъ въ синей курткѣ съ краснымъ воротникомъ, а на головѣ круглая шляпа, иногда съ перомъ. Сицилійскіе дворяне пользуются сими конвоями болѣе для пышности, чѣмъ для охраненія себя опъ разбойниковъ, кои почти совсѣмъ перевелись.

Въ большой усталости достигли мы селенія *Монте-Алегро*, окруженнаго рощами апельсиновыхъ деревьевъ, радующихъ взоръ послѣ знойныхъ дебрей. Селеніе расположено подъ высокою скалою, на верху коей было оно прежде построено; недостатокъ въ водѣ принудилъ жителей переселиться оппуда и предпочесть долину, ландшафтному виду перваго мѣста, гдѣ стоятъ еще недавнія развалины. Подкрѣпивъ силы свои фруктами и виномъ, мы снова, по опдохновеніи, углубились въ

(1) *Campieri*

дикія и безплодныя горы; но вскорѣ намъ открылась обширная долина, окруженная холмами; посреди ея извивался въ глубоко-изрыпыхъ берегахъ древній *Галикусъ* или *Ликусъ*, нынѣ *Платани*; при устьѣ сей рѣки, на лѣвомъ берегу, процвѣтала *Гераклея*. Слѣдуя *Діодору*, городъ сей основанъ былъ *Миномомъ*, приплывшимъ сюда для войны противу *Кокала*, у котораго скрывался *Дедалъ*. Другое имя сего города, и — по мнѣнію иныхъ, самое первое, есть: *Махаръ*; но въ послѣдствіи времени *Дарій*, попомокъ *Иракла*, далъ оному, въ честь своего предка, имя *Ираклеи*. Нѣсколько большихъ квадратныхъ камней едва являютъ кой-гдѣ слѣды его. *Гераклея* существовала еще въ бытность *Цицерона* въ *Сициліи*. Плоскіе холмы склоняющіеся къ *Африканскому* морю, по той сторонѣ рѣки, — украшены были храмами, коихъ обломки и нѣсколько водопроводовъ видны были во времена *Фацелло*. (1) Пространство моря, между рѣкою *Сикуліаною* и *Гераклеєю*, устьяно подводными скалами. Онѣ причинили гибель *Римскаго* флота, состоявшаго изъ 280 судовъ, во время первой *Пунической* войны.

Отсюда путь нашъ слѣдовалъ вдоль песчаныхъ береговъ *Африканскаго* моря. Жаръ былъ поппи несносенъ; свѣжестъ и прелестная лазурь волнъ, разсплавшихся по песку, склонила меня къ купанью; оно дало мнѣ новыя силы для перене-

(1) *Faz. L. VI, p. 141.*

сенія жара и долгаго еще пути до города *Шьяки*. Мы скоро опять вѣхали въ ущелья горъ, — и послѣ прудной ѣзды, достигли подошвы огромной скалы, называемой въ древности: *Кроніонъ* (гора Сатурнова), нынѣ *Св. Калогера*, по имени пустынника, жившаго на ней. Тамъ находящаяся понынѣ, непопавшая своихъ цѣлебныхъ свойствъ, минеральныхъ воды, извѣстныя въ древности подъ именемъ *Thermae Selinuntinorum*, (бани Селинунтѣнъ), такъ названныя по близости знаменитаго города сего имени. Діодоръ (1) повѣствуетъ, что Дедалъ изобрѣлъ и соорудилъ сіи бани; вотъ его слова: „Дедалъ изсѣкъ въ нѣдрахъ скалы, въ окрестностяхъ „Селинунта, пещеру, гдѣ онъ съ такимъ искусствомъ воспользовался испареніемъ подземнаго огня, „что больные, входящіе туда, мало по-малу ощущали пріятный потъ и нечувствительно излѣчивались, не будучи даже обезпокоены большимъ жаромъ.“ Это самое существуетъ и по нынѣ. Термы сіи имѣютъ многія отдѣленія, изъ коихъ два довольно пространны: первое служило для мужчинъ, а другое для женщинъ; въ одной изъ пещеръ, приделана къ стѣнѣ каменная скамья, на которую сажаясь больные для принятія испареній; возлѣ нея была на стѣнѣ Греческая надпись, но вѣка изгладили оную. Въ иныхъ мѣстахъ жаръ захватываетъ дыханіе, а подземныя вѣтры и испаренія производятъ глухой шумъ. На верху горы текутъ чешыре цѣлебные источника; всѣ чешыре

(1) Лѣт. IV, с. XXXI — XXXII.

горячіе; одинъ изъ нихъ имѣетъ въ себѣ болѣе 45 град. Реомюрова термометра теплоты. Въ сихъ самыхъ *термахъ*, по свидѣтельству того же историка, погибъ Миносъ, Царь Критскій, который, завлеченъ будучи пуда приглашеніемъ Кокала, для пользованія банею, былъ задушенъ.

Сквозь оливковыя рощи, распуція подъ горою, приближались мы къ крупнымъ высямъ *Шьяки*, — и послѣ всѣхъ понесенныхъ нами прудовъ, попали въ такъ называемый *трактиръ* сего города, столь неопряный и безпокойный, что мы нѣсколько разъ рѣшались бѣжать изъ него.—Городъ, самъ по себѣ, красивъ, особенно по мѣстоположенію; зданія восходятъ уступами по крутой скалѣ, а впереди необозримое море... Это опечесство грознаго и знаменитаго *Агаокла*, пирана Сицилійскаго, который, спѣсненный въ Сиракузахъ Картагенцами и доведенный до отчаянія, рѣшился внезапно на самое отважнѣйшее предпріятіе въ Исторіи: — онъ оставилъ непріятелей передъ стѣнами своей столицы, а самъ, съ большою частію арміи переплылъ въ Картагенъ; самъ сжегъ флотъ свой, спустивъ на землю Африки, для того, чтобъ войско его надѣялось на одну побѣду, — и наконецъ разбилъ Картагенскую армію въ виду ихъ столицы; — извѣстіе о семъ распространило ужасъ въ войскѣ Картагенскомъ, осаждавшемъ Сиракузы; оно также было разбито, потерявъ своего полководца, Амилкара. Сей знаменитый примѣръ Агаокла былъ однажды по-

слѣдованъ Римлянами. Но злодѣянн сего пирана заимѣваютъ всю его воинскую славу. Извѣстно, что онъ былъ сынъ горшечника, переселившагося изъ Регіума въ Шьяку; онъ не забывалъ однако своего происхожденія, будучи Царемъ; и довольно странно, что вельможи, желавшіе польстить ему, употребляли для пища глиняные сосуды! Замѣчательно, что до нынѣ главная торговля Шьяки состоитъ въ глиняныхъ сосудахъ, которые выставлены на всѣхъ улицахъ; они образованы совершенно по формѣ древнихъ *амфоръ*, — и имѣютъ свойство содержать въ свѣжести всѣ жидкости. Жители Шьяки гордятся болѣе Историкомъ Фацелло, здѣсь родившимся, чѣмъ Агаокломъ.

Окрестность изобилуетъ писанными орѣшниками; они раздѣляются на мужескій и женскій родъ, и не иначе даютъ плодъ, какъ произрасая вмѣстѣ. — *Шьяка* имѣетъ около 12,000 жителей. (1) Мы видѣли здѣсь одну церковь весьма хорошей Маврской архитектуры; но всего замѣчательнѣе здѣшніе хлѣбные магазины: они находятся на берегу моря, во внутренности скалы, на коей построены городъ, — и пуда спускаются какъ въ колодезь. Не лзя также оставить безъ вниманія живописныхъ развалинъ двухъ замковъ, стоящихъ на главной высотѣ города, одинъ противъ другаго. Они обитаемы были въ XV вѣкѣ (во время Ис-

(1) Она можетъ назваться военнымъ пунктомъ, по удобствамъ, представляемымъ ею для обороны. Старыя укрѣпленія и мало-значущи и въ упадкѣ.

панскаго владычества) двумя жестокими соперниками, Баронами Пералто и Люни; но были два знаменитѣйшіе юноши окрестной страны — и оба, искали руки прелестной и не менѣе ихъ знаменитой дѣвушки. Послѣдній былъ предпочтенъ, и съ того времени ужасная вражда возгорѣлась между ими; вражда сія была такъ сильна, что даже дѣти ихъ не забыли ее и не преславали меншии другъ другу. Окрестности Шьяки и даже сосѣднія владѣнія служили поприщемъ ихъ неупокойной злобы; нѣсколько сотъ воиновъ погибли въ сихъ распряхъ; наконецъ оба дома пали отъ руки Правительсва, воспользовавшагося ихъ кровавыми спорами. Сіи развалины день ото дня разрушающіяся временемъ; зубцы стѣнъ успиваютъ покапывать скалы; плоть и плучия Индѣйскія фиги растутъ по мшистымъ стѣнамъ башенъ, и груды камней наполняютъ внутренность. Вотъ богатый предметъ для романика! Онъ не ускользнулъ бы, вѣроятно, отъ пера Вальтера Скотта, если бы онъ посѣтилъ сей берегъ. Сколько удобностей представила бы здѣсь его воображенію одна мѣстность: дикія скалы, пещеры, находящіяся подъ ними, изгибистые берега Африканскаго моря, сосѣдство Африки, корсары и проч.! — Мы провели здѣсь ночь.

Дорога изъ Шьяки была для насъ гораздо покойнѣе вчерашней. Проѣхавъ нѣсколько миль песчанымъ берегомъ вдоль горныхъ подошвъ, мы поднялись на красивый мысъ *Св. Марка*; на его

луговой плоскости открылись намъ поля, покрытыя виноградомъ, розмаринами, алоэ, лаврами и маслинами; между сихъ рощей и кустовъ разсыяны весьма оприпные сельскіе дома. Здѣсь кончаются горы, и взоръ обрадованъ видомъ долинъ, холмовъ и луговаго приморскаго берега. Селенія и толпы проходящихъ начинаютъ развлекать, привыкшаго къ уединенію, путешественника.

Достигнувъ рѣки *Белиги*, намъ преградили путь по деревянному мосту, два старыя сиража, требуя платы за переправу. *Белиги* называлась въ древности *Ииса*; она вытекаетъ изъ окрестностей Палермы, около мѣстечка *Piana delli Greci* (*Пьяна делли Гречи*); неподалеку отъ *Касальбьянко* она сливается съ небольшою рѣчкою, — и сія часть ея, отъ истока до сего соединенія, называлась древними *Крилизъ*, (1) та самая рѣка, на берегахъ коей великій Тимолеонъ, съ 6,000 Сиракузянъ, одержалъ блистательную побѣду надъ 70,000 Карфагенцевъ, подъ предводительствомъ Амилкара и Аздрубала: битва происходила во время непогоды, которая спремилась на-встрѣчу Карфагенцамъ. (2)

(1) Vid. Cluv. Sic. ant. p. 269.

(2) Plut. in Timol. — Diod. Sic. lib. XVI.

ГЛАВА X.

СЕЛИНОПТЪ. — МАЦЦАРА.

..... i segni

Dell'alte sue ruine il lido serba.

Muoiono le città, muoiono i regni:

Copre i fasti, e le pompe arena ed erba:

E l'uom d'esser mortal par che si sdegni!..

(Tasso. XV, 20.)

Проѣхавъ древнюю рѣку *Ипсу*, (нынѣ *Белиги*) вскорѣ открываются печальныя развалины бывшаго *Селинопта*, нагроможденные на берегу Африканскаго моря. Я никогда не забуду впечатлѣнія, произведеннаго надо мною симъ великимъ разрушеніемъ! Воображеніе самое холодное воспламенился восторгомъ удивленія къ славѣ Древнихъ; разумъ самый гордый смирился, видя проспершими въ прахъ сіи исполинскія груды, копорыя, въ самомъ разрушеніи своемъ, кажутся еще вѣковѣчными. Я видѣлъ всѣ великолѣпныя памятники Римлянъ, но ни одинъ изъ нихъ не попрысалъ такъ сильно моихъ чувствъ, какъ развалины пустыннаго *Селинопта*! Три ужасныя груды камней суть остатки прехъ храмовъ; нѣсколько обломанныхъ колоннъ возносятъ еще обезображенные верхи свои изъ развалинъ. Волъ слѣды Аннибала, они не изгладились въ двадцать два столѣтія и дол-

STILLUNUS.
Sediment.

Am 1. d. 11. 705.

го еще будущъ напоминать Сидилии сіе страшное для нея имя. На пупи его:

Поля и грады спали гробы! (1)

Селинополь славенъ въ Истории первой Пунической войны. Послѣ взятія и ужаснаго опустошенія онаго Карфагенцами, Гермократь Сиракузскій возстановилъ сей злополучный городъ; но чрезъ сіе паденіе его было только что замедлено. Уже во время Августа, Спрабонъ помѣстилъ его въ числѣ городовъ необычаемыхъ болѣе! (2)

Первый, ближайшій храмъ, представляетъ одну только стоящую колонну, окруженную со всѣхъ сторонъ неимоверной величины обломками пьедесталей, капителей, архитравовъ, карнизовъ и колоннъ Дорическаго ордена. Въ особенности пьедесталы и капители поражаютъ взоръ своею огромностью. Одна изъ сихъ послѣднихъ, лежащая на восточномъ углу, вся сохранилась и имѣетъ около 12 фузовъ въ поперечникъ; она принадлежала одной изъ колоннъ портика. Полагаютъ, что храмъ сей окруженъ былъ двойными рядами колоннъ; но что въ преддверіи было чепьере ряда. Замѣчательно, что только угловыя колонны — *рѣзныя*, а всѣ прочія — *гладкія*. Сверхъ того, посреди развалинъ, гдѣ находилось святилище, видны другія колонны гораздо меньшей пропорціи, изъ цѣльныхъ кусковъ въ $3\frac{1}{2}$ фуза въ попереч-

(1) Державинъ.

(2) Strab. Lib. VI.

никъ и 14 ф. въ вышину. Длину храма опредѣляютъ въ 315 ф.; а ширину въ $148\frac{1}{2}$ ф. Число колоннъ: по 8 въ фасахъ и по 16 въ бокахъ.

Храмъ сей посвященъ былъ Юпитеру. Глядя на необычайныя развалины его, нельзя не спросить: какъ небольшая республика Селинополья могла сооружать такія зданія? Какая механика двигала такія громады? Храмы Сициліи принадлежатъ первоначальнымъ вѣкамъ Зодчества; отличительныя черты ихъ — изысканная огромность и высокая простота; главныя украшенія — превосходныя статуи боговъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда находится второй храмъ, болѣе всѣхъ сохранившійся. Тамъ всѣ предстали 36-ти рѣзныхъ колоннъ, съ частію оныхъ, болѣе или менѣе возвышенныя, означаютъ еще всѣ чешыре стороны великолѣпнаго храма (1). Третій подобенъ видомъ первому; тѣ же груды развалинъ и то же великолѣпіе! Сей послѣдній уступаетъ величиной первому. (2) Длина его простирается на 224 фута; а ширина на 76 ф. Глубокій оврагъ, чрезвычайно обильный живописными кусками алоэ, отдѣляетъ съ западной стороны мѣстоположеніе сихъ храмовъ отъ высокаго приморскаго холма; на немъ находились теперь спо-

(1) Длина его 182 ф., ширина 75; фасады имѣютъ по 6 колоннъ, а бока по 13. Діаметръ оныхъ по 5 ф. $6\frac{1}{2}$ д.

(2) Число колоннъ: по 6 въ фасахъ и по 16 въ бокахъ; діаметръ оныхъ 6 ф. и 6 д.

рожевая башня новѣйшихъ временъ, — и тамъ, какъ говорящъ, построена была главная часть города. Весь сей холмъ усыянъ, въ снѣжномъ безпорядкѣ, камнями большаго размѣра, межъ коими замѣтны основанія прехъ другихъ храмовъ; развалины сѣи заросли непроницаемыми кустами розмариновъ, Индѣйскихъ фиговъ и алоэ. Поднявшись шуда изъ оврага, видны основанія городскихъ вѣрошь, а спускаясь къ морю — ошанки крыльца, которое вело изъ города къ пристани. Во время оплива и въ тихую погоду обозначаются въ водѣ нѣсколько обломковъ береговыхъ сполновъ съ придѣланными къ нимъ желѣзными кольцами, для прикрѣпленія кораблей ...

Всѣ сѣи развалины сохраняютъ необыкновенное величїе; глядя на нихъ, задумчивость непримѣнно овладѣваетъ разумомъ ... Я провелъ цѣлый день въ семъ забвенномъ мѣстѣ, и сидя на поверженныхъ сполнахъ великолѣпія Селионша, прочелъ преданія Діодора о горестномъ паденіи сего города. — Описавъ опчаянную защиту Селионшянъ, Историкъ такъ повѣствуетъ: „городъ уже „находился почти совсѣмъ во власти непрїа- „шеля . . . тогда поднялись ужасный вопль по- „среди Грековъ — и не менѣе ужасные клики „побѣды и радости изъ среды варваровъ. Первые, „находясь уже безъ защиты, видѣли шокмо одну „смерть передъ собою; а побѣдители, содѣлавшись „свирѣпѣе ошъ усьха, дышали убійствомъ! Не- „счастливые Селионшяне, собравшись на площадяхъ,

„хотѣли пропивуставивъ еще нѣкоторую защи-
 „шу, — и всѣ были умерщвлены. Въ слѣдъ за симъ,
 „Карѳагенцы разсыпались по городу и входя въ дома,
 „похищали всѣ сокровища и убивали встрѣчающих-
 „ся имъ; — возвращаясь опять на стогны, безжало-
 „стно предавали всѣхъ смерти, не различая ни рода,
 „ни пола, ни лѣтъ. Нѣкоторые изъ нихъ, по звѣрско-
 „му обычаю своей страны, отсѣкали конечныя
 „части непріятельскихъ тѣлъ и навѣшивали
 „нѣсколько рукъ и ногъ вокругъ своихъ по-
 „совъ; другіе же, носили на копьяхъ головы. Они
 „запретили однако убивать тѣхъ женъ и дѣтей,
 „кои укрывались въ храмахъ боговъ; но сіе исклю-
 „ченіе происходило не отъ чувства состраданія,
 „или набожности, а отъ боязни, чтобъ жены,
 „потерявъ надежду спасти себя въ храмахъ, не
 „предали бы ихъ пламени вмѣстѣ съ собою и съ
 „сокровищами своими. Съ наступленіемъ вечера,
 „весь городъ былъ уже расхищенъ, зданія сожжены
 „и низпровержены, а земля покрыта кровію и пру-
 „дами, коихъ найдено болѣе шестнадцати тысячъ;
 „а пять тысячъ жителей поведены въ неволю.
 „Греки, находившіеся въ Карѳагенскомъ войскѣ,
 „были глубоко пронуты симъ зрѣлищемъ; жены,
 „разлученныя съ супругами и родными, осыпанныя
 „ругательствами, ежеминутно опасались большихъ
 „несчастій. Нѣкоторые изъ матерей видѣли по-
 „хищеніе своихъ дочерей . . . Варвары, различа-
 „ющіе ни пола, ни свободныхъ гражданъ отъ не-
 „вольниковъ, давали имъ угадывать судьбу, жи-
 „дающую ихъ въ плѣну; дикія лица и звѣрскій

„голосъ сихъ воиновъ заспавляли ихъ пренешамъ.
„Магери заранѣе оплакивали дѣшей своихъ: онѣ
„предчувствовали по настоящимъ оскорбленіямъ, —
„тѣ, кои ожидали ихъ въ Ливіи — и погружались
„въ опечаленіе, коего причины ежеминутно возо-
„бновлялись. Они завидовали опцамъ, супругамъ
„и дѣтямъ, падшимъ за опечесство, не испытавъ
„перштыхъ ими униженій!“

Полная луна тихо вышывала изъ безднъ Ли-
війскаго моря, когда я кончилъ сіе чтеніе; крова-
вый цвѣтъ ея опсвѣчивался уже на обьяшыхъ
тонкими сумерками колоннахъ, когда, полный гру-
стной задумчивости, я поднялъ взоры на картину
опустошенія; — сіи бѣлыя, встающія изъ разва-
линь колонны, — какъ тѣни, встающія изъ
гробовъ, — безмолвные свидѣтели сихъ ужасовъ, —
подтверждали мнѣ спрашную истину Исторіи.

Привязанность Селинонціанъ къ храмамъ сво-
ихъ боговъ была пакъ велика, что многіе изъ
нихъ спасшесъ отъ меча Картегенцевъ, не хо-
тѣли возвратиться на родину, зная, что храмы ихъ
разрушены. Селинонцы въ послѣдствіи возобнови-
ли; но истощенная республика не могла уже под-
нять изъ праха сихъ памятниковъ своего величія.

Мы провели ночь въ единственномъ домѣ,
находящемся въ сей пустынѣ; въ немъ живутъ
два или три пастуха, а дворъ его служитъ для
загону стадъ, кои находятъ роскошныя пастби-
ща въ сей странѣ забвенія. — Безмолвіе нару-

шаемся здѣсь только порывами вѣтра и шумомъ морскихъ волнъ. Наружность нашихъ хозяевъ не много общала; припомъ, будучи часто предостерегаемы прошиву Сицилійскихъ разбойниковъ, мы провели ночь съ заряженными пистолями; но мы остались весьма покойны — и жаръ, который былъ довольно силенъ даже и ночью, былъ нашимъ единственнѣмъ непріателемъ!

Я долженъ сказать къ чести Сициліи, что объѣхавъ почти весь сей островъ, я ни одного разу не былъ подверженъ тѣмъ опасностямъ, коими безпрестанно бываетъ угрожаемъ путешественующій въ Неапольскихъ владѣніяхъ отъ разбойниковъ, наполняющихъ сію прекрасную страну. Но было время, что за 10 или 15 унцій (1) можно было въ любомъ городѣ Сициліи подкупить убійцу для умерщвленія своего непріятеля! Изъ здѣшнихъ разбойниковъ многіе отличались рѣдкимъ великодушіемъ (если можно приписывать сіе качество такимъ людямъ). Мнѣ рассказывали удивительныя черпты ихъ снисхожденія къ немущимъ, которыми они даже часто помогали.

Заря румянила гладкую поверхность моря, на коемъ бѣлѣло нѣсколько парусовъ, направленныхъ къ берегамъ Африки, когда мы удалялись отъ великихъ развалинъ Селинопта; глаза мои невольно обращались на нихъ, доколѣ я могъ ихъ

(1) 120 или 180 нашихъ рублей.

видѣть. Разспавшись съ ними, я занялся природою; яркіе цвѣты разгорающейся зари прельщали меня; я удивлялся непрестанной ясности Сицилійскаго неба, по коему, со времени моего прибытія на сей островъ, не пролепала ни одна туча.

Въ нѣсколькихъ вересахъ отсюда, близъ мѣстечка *Кампобелло*, остановили наше вниманіе каменоломни, изъ коихъ Селинонціане извлекали матеріалы на постройку своихъ зданій; тамъ видны до сей поры нѣсколько основаній описанныхъ колоннъ, но прилѣпленныхъ еще къ каменному слою земли и столь же исполинскихъ пропорцій какъ и вышеописанныя. (1) Механика нашихъ временъ можетъ затрудниться подобными тяжестями. Многія изъ сихъ колоннъ просверлены во всю длину, а другія имѣютъ четвероспороннія дыры, для связи при постройкѣ, или для перемѣщенія оныхъ.

Мы направились самымъ прямымъ путемъ въ *Маццару*, оставя въ споронѣ городъ *Кастель-Ветрано*, мало-любопытный для того, кто не увѣренъ въ гадапельномъ предположеніи, что онъ занимаетъ землю древней *Эптеллы* (построенной, какъ увѣряютъ, Эпелломъ, другомъ Энея) и кто не желаетъ пить, на самомъ мѣстѣ его происхожденія, извѣстное въ Италіи вино, носящее имя сего города. Что принадлежитъ до сего вина, то насъ снабдили онымъ Селинонскіе паспухи; и такъ мы проѣхали въ виду *Кастель-Ветрано* по прекрасному

(1) Нѣкоторые имѣютъ по 10 ф. въ діаметрѣ.

шоссе, которое было начато во время пребыванія Короля въ Сициліи и вскорѣ оставлено ...

Луговые равнины, покрытыя кустами мир-
тоу и розмариновъ, рощами маслинъ и богатыми
виноградниками, довели насъ до Маццары, сохранив-
шей древнее свое имя. Возлѣ нея былъ погребъ
рынокъ Селинтинна (*Emporium Selinontinorum*), коимъ
овладѣлъ Аннибалъ предъ взятіемъ самаго Селин-
тна. Маццара красиво выстроена; въ ней нѣтъ
другихъ памятниковъ древности, кромѣ нѣсколь-
кихъ гробницъ и надписей. Арабы возобновили ее
въ IX столѣтіи. Городъ сей былъ въ послѣдствіи
мѣстопребываніемъ Графа Рогера, сына Танкредова.
Соборъ въ Маццарѣ построенъ симъ героемъ, по
разбитіи Сарациновъ, и въ слѣдствіе священнаго
обѣща, имъ произнесеннаго. Тамъ хранятся барель-
ефъ, изображающій битву его съ Сарациномъ и
нѣсколько другихъ древнихъ барельефовъ, на од-
номъ изъ коихъ я замѣтилъ бой Амазонокъ и
похищеніе Прозерпины. Проѣзжая городъ во
время обѣденъ, мы зашли въ сей соборъ, гдѣ ви-
дѣли строгое богомоліе житей, и нѣсколько
прелестныхъ женскихъ лицъ, проглядывавшихъ
изъ-подъ мрачныхъ покрываль.

Маццара дала свое имя одной изъ трехъ про-
винцій, составляющихъ Сицилію. Въ ней считаютъ
нынѣ 8,555 житей. Главный ея торгъ состоитъ
въ хлопчатой бумагѣ, пошашѣ и маслѣ. Маццара во
времена Норманскихъ Государей, была роскошна,

красива и шумна; шеперь, вмѣсто блестящихъ рыцарскихъ и дамскихъ одеждъ, вмѣсто пышно-оперенныхъ шлемовъ, мелькають предъ опечаленными взорами, мрачныя одежды монаховъ и черныя покрывала молчаливыхъ женщинъ. Соборная площадь — есть единственное украшеніе города.

Дорога отсюда сначала чрезвычайно дурна и камениста, но вскорѣ начинаются роскошныя долины и большое количество спройныхъ пальмъ возвышаются въ разныхъ мѣстахъ изъ за густыхъ кустарниковъ и рощей. Тупъ я пораженъ былъ истинною картиною Виргилія: — описывая южный берегъ Сициліи, съ Африканскаго моря, онъ называетъ Селинонсъ: *пальмистымъ* —

Teque datis linquo ventis, palmosa Selinus!..

(1) Правда, что я не видалъ сего прекраснаго дерева возлѣ самыхъ развалинъ Селинонса, исключая нѣсколькихъ, распущихъ около каменоломень; ужасныя опустошенія, происходившія со временъ Виргилія на томъ мѣстѣ, суть достаточныя причины ихъ испребленія; но картина Виргилія не менѣе справедлива; ибо пальмы сѣи появляются на разстояніи нѣсколькихъ часовъ пѣшеходнаго пути отсюда. Цицеронъ говоритъ также, что Сицилія обильна пальмами; (2) но это прекрасное растѣніе встрѣчается чаще на южномъ берегу острова; нныя изъ сихъ деревъ приносятъ плодъ.

(1) Lib. III. Acn.

(2) Verr. II. L. V. 33 c.

Неподалеку отъ мыса *Капо-Ферро* (*Capo Ferro*), проѣхавъ рѣчку *Маццару*, видна на пустынномъ берегу моря, небольшая башня, которую называютъ здѣсь: (*Torre della Sibilla*) башня *Сивиллы*. Утверждаютъ, что на семь мѣсѣ жила нѣсколько времени знаменитая *Сивилла Кульская*. Но башня сія построена въ среднихъ вѣкахъ и принадлежитъ къ числу тѣхъ укрѣпленій, кои разсыяны по южнымъ берегамъ Сициліи для защиты отъ частыхъ нападеній Варварійскихъ корсаровъ. Нынѣ сіи убѣжища необитаемы; ибо Неополитанское правительство, къ стыду своему, платитъ дань симъ разбойникамъ, для обезпеченія своихъ береговъ.

Сіи сторожевыя башни были очень полезны въ сумные времена среднихъ вѣковъ. Въ ночную пору, посредствомъ огненныхъ сигналовъ, извѣстіе о нападеніи непріятельскомъ, доходило въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, отъ одной конечности острова до другой. Таковыя башни существовали въ Сициліи въ глубокой древности; Цицеронъ (1) говоритъ объ нихъ. Сіи крѣпости охраняются иногда двумя только инвалидами; на ночь, влѣзаютъ они по лѣстницѣ въ отверстіе, находящееся довольно высоко, — и прибираютъ лѣстницу къ себѣ. Дневные сигналы дѣлаются ружейными выстрѣлами или посредствомъ флаговъ.

(1) In Verr. Ac. V. l. VI. Смори также: *Barclai: Argenti*.

ГЛАВА XI.

ЛИЛИБЕЙ или МАРСАЛА. — Островъ Панте-
лярія. — Африканскій мысъ Меркуріевъ.

In curvo lido poi Tunisi vede...
A lui di costa la Sicilia siede,
Ed il gran Lilibeo gl'innalza a fronte.

(Tasso. *Gierus*, lib. c. XV. ot. 19.)

Вскорѣ за башнею Сивиллы, показывается
столь знаменитый въ Исторіи мысъ Лилибейскій,
нынѣ *Боео*. Онъ поперядъ громкое имя свое, ко-
торое замѣнилось скромнымъ именемъ святаго
опишельника! За симъ открывается городъ
Марсала, построенный на развалинахъ славнаго
Лилибей.

Мысъ Лилибей находится на распояніи нѣ-
сколькихъ часовъ плаванія отъ Карфагена; въ яс-
ную погоду Африканскій мысъ *Меркуріевъ* (*Caro*
Velo) синѣетъ въ концѣ горизонта.

Лилибей былъ главнымъ городомъ, основывав-
шимъ власть Карфагенянъ въ Сициліи; онъ устоялъ
противу всѣхъ усилій Римлянъ и Пирра, Царя
Эпирскаго; хотя наконецъ Римляне завладѣли имъ
послѣ знаменитаго морскаго сраженія близъ Эгати-
скихъ острововъ. Сюда приспала флотъ Анниба-

ла, — и отсюда опшлыть флотъ Сципіона Африканскаго, на разрушеніе Картегена, который, шамъ, за сими волнами, простертъ въ прахъ, и столь же забвень, какъ и Лилибей! . .

Имя Марсалы есть Сарацинское, и значить: *гавань Божія*; оно дано городу по причинѣ обширности и удобностей его гавани, которая нынѣ малозначуща; ибо Карлъ V, дабы опниашъ у Варварійцевъ способы посѣщать по сосѣдству берега Сициліи, велѣлъ ее уничтожить, заваливъ ее грудами камней, — хопя и безъ того опасныя подводныя скалы паятся неподалеку отъ береговъ; онѣ не ускользнули отъ вниманія Виргилія:

Et vada dura lego saxis Lilybea caecis. (1)

Сверхъ того, нѣсколько песчаныхъ кося заграждаютъ съ двухъ сторонъ входъ въ гавань; сн-шо кося, покровительствовали и сдѣлали возможнымъ смѣлый маневръ Аннибала, (прозваннаго Родійскимъ), (2) во время знаменитой осады Лилибея Римлянами, когда корабли ихъ сперегли, съ двухъ сторонъ гавани, входъ и выходъ Картегенцевъ. Въ Картегенѣ знали прудное положеніе Лилибея: для сего и послали Аннибала съ флотомъ, состоящимъ изъ 50-ти судовъ; ему велѣно было найми случай доставить пособіе осажденнымъ. Аннибалъ приехалъ сначала къ острову *Дегузъ* (нынѣ *Фавинъ*

(1) Аен. Lib III.

(2) Сей Аннибалъ не принадлежитъ знаменитому роду сего имени.

лю), наискось лежащему отъ Лилибея, и который есть нѣкоторымъ образомъ ключъ отъ гавани сего города. Выждавъ сильнаго попутнаго вѣтра, онъ поспѣлъ на всѣхъ парусахъ въ гавань между удивленныхъ Римлянъ, коимъ противный вѣтеръ препятствовалъ остановитъ Аннибала; но еще удивительнѣе возвратъ его въ Карфагенъ такимъ же образомъ! Объ этомъ свидѣтельствуемъ правдивый Полибій. (1) Онъ подробно описалъ осаду Лилибея. Осада и защита сего города суть верьхъ воинскаго искусства Древнихъ. Параллели, ретраншаменты за проломами, сапы, подземныя галлерей, были ужѣ тогда употреблены разпущенными. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ погибъ отъ выше-сказанныхъ подводныхъ камней Англіійскій военный корабль *Вильгельмъ Телль*. Вотъ, какъ мыъ рассказывали сіе происшествіе; — удержанный нѣкоторыми дѣлами въ столицѣ Сициліи, капитанъ сего корабля снялся съ якоря вечеромъ; многіе опговаривали его — проходишь ночью опасный проливъ, раздѣляющій Африку отъ Сициліи; но онъ, опредѣлившій самъ, нѣсколько времени тому назадъ, *рифъ* сего мѣста, неисправно назначенные на картъ, не уважилъ симъ совѣтомъ. Съ наступленіемъ ночи, онъ самъ назначилъ направленіе кораблю, и остался въ каютѣ, гдѣ его ожидало къ ужину многочисленное общество. Во время пиршества, штурманъ пришелъ ему сказать, что ему кажется направленіе корабля слишкомъ отдаленнымъ отъ

(1) Lib. 1, cap. X.

Сициліи и близкимъ опъ *рифовъ*; капитанъ опвергнулъ сіе извѣщеніе, — какъ, вдругъ во время десерта, когда вино переходило изъ рукъ въ руки, корабль весь попрялся опъ удара; все общество перешло опъ внезапной радости къ страху. Капитанъ, слишкомъ опытный, чтобъ не угадать причины происшедшаго, умѣлъ скрыть смущеніе и удержалъ общество въ каютѣ, межъ тѣмъ, какъ самъ вышелъ на палубу; корабль былъ посаженъ на камень, и вода стремилась въ пробишную часпъ: — не види средства спасти его, онъ велѣлъ спустить всѣ гребныя суда; вызвалъ общество пассажировъ; при себѣ наполнилъ оныя ими и частію экипажа, которая могла помѣститься; а самъ, какъ виновникъ несчастія, добровольно остался съ многими другими жертвами, и — пошелъ на дно, въ виду удивленныхъ и разпроганныхъ зрители. Высаженные достигли благополучно береговъ Сициліи; а изъ оставшихся на корабль одинъ только спасся — на обломкѣ.

Наружность Марсалы пріятна; улицы ея правильны, опрятны и вымощены, какъ въ Палермѣ, большими плитами. Соборная церковь довольно величественна, и колонны, окружающія внутренность, принадлежали одному изъ древнихъ храмовъ. Вообще искалъ я памятниковъ славы Лилибея: все исчезло! *Бискари*, въ своемъ путешествіи говоритъ: „Se in oggi magnificenza alcuna di antiche memorie non può tirare la curiosità di tutti i viaggiatori, pure taluno di essi resterà ben contento

„delle fatiche del suo viaggio solo per poter dire: *Qui fù l'antico Lilibeo!* (1) т. е.: „Если нынѣ, никакой памятникъ древней славы сего города, не удовлетворитъ любопытство путешественниковъ, то нѣкоторые изъ нихъ забудутъ, можетъ быть, усталость пупи, взглянувъ на сіе мѣсто и воскликнувъ: „здесь былъ великій Лилибей! ...“

Намъ показывали здѣсь одну колокольню, которая вся какъ бы попрыскается отъ звона ея колоколовъ.— Марсала выстроена въ видѣ квадрата и обнесена стѣнами. Слѣдуя по средней прямой улицѣ, проложенной чрезъ весь городъ, и выходя изъ стѣнныхъ воротъ на дорогу въ Трапани, открываешь видъ на море и на высоко-восходящія изъ него *Эгатскіе* острова. Мы видѣли теперь прекрасную картину заходящаго солнца за темносинюю грудю острова *Фавиньяно*: шаръ солнца скрылся уже за кремнистыми хребтами его; но самъ островъ пылаетъ еще въ багряныхъ лучахъ, восходящихъ широкими полосами по ясному небу, или дробящихся по спруйчатой поверхности водъ. Вправо, на концѣ дальняго горизонта, возносятся подъ облака гордыя вершины свои, знаменитая гора *Эриксъ*; синюющія массы ея кажутся быть составлены изъ *лазуряго камня* (*lapis lazuli*). Влѣво, на лугу, стоитъ скромная церковь Св. Іоанна. Подъ основаніемъ ея скрывается таинственный источникъ

(1) *Princ. di Biscari: Viaggio per tutte le antichità della Sicilia.*

Сивиллы Кумской, открывавшій въ счастливыя времена — *будущее*, тѣмъ, которые испивали отъ него; воды его еще и понынѣ бѣгутъ изъ пещеры; тамъ видны слѣды помоста изъ мозаиковъ; но *гудесная* вода, нынѣ, утоляетъ только жажду. Утверждаютъ, что здѣсь, Кумская Сивилла сожгла свои послѣднія книги, опровергнувъ Тарквиніемъ, и провела свои оспальные дни, оплакивая бѣдствія, угрожающія человѣкамъ.

Путеводитель нашъ непременно хотѣлъ, чтобы мы остановились въ Марсалѣ, въ домѣ одного богатаго Англичанина, поселившагося въ семь городѣ, и который предлагаетъ гостепріимное жилище свое всѣмъ путешественникамъ; но мы не рѣшились его беспокоить. Ему обязанъ городъ своею небольшою, но безопасною гаванью. Она находится противъ его загороднаго дома, и мы видѣли тамъ два судна: — вотъ, что замѣняетъ теперь *великій* портъ Лилибея!

Окрестности Марсалы изобилуютъ всѣми дарами природы; главный торгъ ея состоитъ въ оливковомъ маслѣ, поташѣ, хлопчатой бумагѣ и всего болѣе въ прекрасномъ винѣ, извѣстномъ Европѣ. (1) Можно сказать, что на бочкахъ онаго стоитъ весь городъ; ибо нѣтъ ни одного дома

(1) Марсальское вино равняется вкусомъ и доброюю съ виномъ острова *Мадеры*.

безъ обширнаго погреба. Число жилищей счисляють здѣсь за 20 тысячъ.

Имѣвъ намѣреніе посѣпить пропивулежащій берегъ Африки, чѣмъ почтивъ прахъ Картегена, мы узнали въ Марсалѣ, къ крайнему нашему сожалѣнію, что въ Тунисѣ открылась чума. Принужденные оставить наше предпріятіе, мы рѣшились на морскую прогулку, коей цѣль состояла въ томъ только, чѣмъ взглянувъ на мысъ *Меркуріевъ* и на входъ въ Картегенскій заливъ. Находившаяся въ Марсальской гавани Мальтійская *сперонара* предложила намъ свои услуги. Мальтійцы чрезвычайно искусны въ мореплаваніи; непрестанные переѣзды изъ Мальты въ Сицилію, чрезъ порывистое море, дѣлають ихъ опытными. Мы положили достигнуть высоты острова Пантеларія, откуда Африканскій берегъ видѣнъ ясно. И такъ взявъ съ собою, на всякій случай, пяти-дневный запасъ, мы вышли изъ Лилибейской гавани часа за два до восхожденія солнца, при свѣжѣмъ попутномъ вѣтрѣ. Сперонара наша летѣла, какъ стрѣла. Не болѣе, какъ черезъ 4 часа плаванія, скалы Африки начали уже рисоваться на горизонтѣ, межъ тѣмъ какъ влѣво отъ насъ, возвышался островъ Пантеларія; — изъ среды его возносилась пирамидальная гора, расходящаяся во всѣ стороны. Еще черезъ два или три часа плаванія, при усиливающемся вѣтрѣ, мысъ Меркуріевъ совершенно обозначился, и вмѣстѣ съ симъ открылось прошиженіе Картегенскаго залива, блестящее лучами солнца. Мы

перешли уже высоту Панпеларии и находились ближе къ Африкѣ, чѣмъ къ Сициліи, которая упала въ шуманѣ. Удивленный быспропою нашего плаванія, я восхищался близостью Карфагена, пробѣгалъ въ разгоряченномъ воображеніи славныя событія Пуническихъ войнъ, и какъ бы гордился тѣмъ, что я — Скиѣвъ, — чье опечесство едва только угадывали Карфагенцы, и называли землею *варварскою*; плыву по тѣмъ самымъ волнамъ, по коимъ носились флоты Аннибаловъ и Амилкаровъ, — принадлежу землѣ славной, могущественной, называю въ свою чреду землю Карфагенцевъ *варварскою* и потомковъ ихъ — *варварами!!!*.. Громкіе стихи Тасса пришли мнѣ тогда на память; я находился на томъ самомъ мѣстѣ, коему они *принадлежатъ*, и я огласилъ ими бунтующія волны:

„In curvo lido poi Tunisi vede,
„Che d'ambo i lati del suo golfo ha un monte;
„Tunisi ricca, ed onorata sede
„A par di quante n'ha Libia più conte:
„A lui di costa la Sicilia siede,
„Ed il gran Lilibeo gl'innalza a fronte.
„Or quinci addita la Donzella ai due
„Guerrieri il loco, ove Cartagin fue...
„Giace l'alta Cartago: appena i segni
„Dell'alte sue ruine il lido serba.
„Muoiono le città, muoiono i regni!
„Copre i fasti, e le pompe arena ed erba:
„E l'uom d'esser mortal par che si sdegni:
„Oh nostra mente cupida e superba!

„Вскорѣ, посреди искривленнаго берега, оп-
крылся имъ Тунисъ. По обѣимъ сторонамъ его
залива возвышаются горы. Во всей Ливіи нѣтъ
града ни знаменитѣе, ни богатѣе, ни славнѣе. Не-
подалеку отъ него, восстающъ изъ моря Сицилія,
и на берегу ея, великій Лилибей поднимаетъ гор-
дое чело свое. Тогда дѣва указала двумъ рыца-
рямъ мѣсто, гдѣ былъ Карѳагенъ.“

„Поверженъ великій Карѳагенъ! едва видны
на берегу слѣды его величественныхъ развалинъ.....
„Умираютъ грады, умираютъ царства! Прахъ и
„пепелъ облачаютъ славу и великолѣпіе: лишь че-
„ловѣкъ одинъ негодуешь на смертное бытіе свое!
„О, сколь алченъ и щеславенъ духъ его!...“

(Освоб. Иерус. II. XVI, ок. 19 — 20.)

*

Сила вѣтра и появленіе двухъ Тунисскихъ су-
довъ, заставили насъ думать о возвращѣ; пока мы
приготовлялись въ обратный путь, поднялся на
довольно далекомъ разстояніи отъ насъ *водяной*
столбъ; я въ первый разъ былъ свидѣтелемъ
сего феномена. Онъ не могъ быть намъ опасенъ
на такомъ разстояніи и пробуждалъ въ насъ,
вмѣсто страха, любопытство. Мнѣ казалось,
что я вижу въ немъ грознаго *Генія бури*, подоб-
наго тому, который предсталъ предъ *Васко-де-*
Гама, (въ Камоэнсовой *Лузіадѣ*). Что касается
до Тунисскихъ судовъ, то наши Мальтійцы вовсе
не боялись ихъ, увѣряя насъ, что никакое Вар

варійское судно не въ состояніи догнать ихъ; въ чемъ мы ни мало не сомнѣвались, судя по нашему ходу; но водяной столпъ могъ бы, по словамъ ихъ, быть намъ пагубенъ, если бъ въперъ дулъ на насъ. Паруса были переспавлены, и мы пошли боковымъ въпромъ на Панпеларио, съ тѣмъ, что если бъ поднялась буря, пристать къ сему оспрову; но на половинѣ пущи къ оному въперъ примѣнно ослабѣлъ; а водяной столпъ упалъ. *Лавированье* приближило насъ на близкое разстояніе отъ Панпеларио. Оспровъ сей вулканическаго произведенія, весь состоятъ изъ горъ, и наполненъ перегорѣлыми камнями. Посреди самой высокой горы его, виденъ *кратеръ*; а у подошвы ея находящаяся глубокая пещера, въ которой слышатъ безпрестанный шумъ. Изъ нѣкоторыхъ разсѣлинь сей же горы выходятъ сѣрные испаренія. Окружность оспрова заключаетъ 8 геогр. миль. Жители его — Греки и Варварійцы, чрезвычайно искусны въ плаваніи. Земля, малоспособная для посѣва хлѣба, производитъ съ изобиліемъ всякіе плоды. Укрѣпленный городъ, носящій имя оспрова, находится со стороны востока.

Мы прибыли въ Марсалу не задолго до разсвѣта. Въперъ не переспавалъ бытъ противнымъ; — качка насъ ушомила; но мы были очень довольны нашею прогулкою.

ГЛАВА XII.

ДРЕПАДУМЪ или ТРАПАНИ. — ГОРА и ГОРОДЪ
ЭРИКСЪ, или СЕН-ЖУЛЬЯНО.

Questo é il loco che tanto a Vener piacque;
A Vener bella, alla madre d' Amore.

(Ang. Poliz. I. 210.)

Дорога изъ Марсалы въ Трапани идетъ по роскошной равнинѣ, въ виду моря, украшеннаго *Эгетскими* островами. Сей небольшой Архипелагъ состоитъ изъ острововъ: *Маретимы*, *Леванцо*, и *Фавиньяны*, въ древности: *Гіера*, *Форбанція* и *Эгуза*; къ нимъ можно причесть находящійся прошивъ *Фавиньяны*, возлѣ берега Сициліи, островъ *Св. Панталеона* съ прилежащими къ нему островами. На одномъ изъ сихъ послѣднихъ, называемомъ *Буроне* или *Алтавилла* (*Burone sia Altavilla*), процвѣталъ Финикійскій городъ *Моція* (*Motya*). Островъ *Буроне* соединенъ былъ нѣкогда узкимъ перешейкомъ съ землею Сициліи; но Картагенцы, осажденные пиратомъ *Діонисіемъ*, перекопали сей перешеекъ. *Діонисій* опять завалилъ оный, и взялъ городъ. Сія любопытная осада описана *Діодоромъ*. (1) *Моція* названа была именемъ женщины, открывшей *Геркулесу* похищенные его волы. (2)

(1) Lib. XIV.

(2) Steph. epit. Vid. Cluverius. Sic. ant. p. 249.

Колоссальная гора *Эриксб*, видная въ концѣ пущи, непримѣнно сближается, и вскорѣ вспаесть изъ волнъ веселый городъ *Трапани*, въ древности *Дрепанумъ*. Вотъ, та величественная гора, гдѣ Киприда, путешествуя по земному шару, имѣла долгое время свое жилище, (1) и гдѣ благодарные челоѣки, помня благодѣянiя ирайскiя утѣхи, принесенныя имъ съ неба вѣчно-юною богинею, воздвигли ей великолѣпный храмъ, коего основанiе сокрыто во мракъ древности! Здѣсь, у подножiи сей горы, Эней, оспави Кареагенъ и слѣшкомъ чувствительную Дидону, приспалъ съ своимъ флотомъ, неся съ собою судьбу будущаго Рима; здѣсь же, лишился онъ своего родителя, Анхиза:

Hinc Drepani me portus et illactabilis ora
Adcipit. Hic, pelagi tot tempestatibus actus,
Heu! genitorem, omnis curae casusque levamen,
Amitto Anchisen. (2)

Здѣсь наконецъ сей нѣжный сынъ совершилъ надгробныя игры въ память о немъ. Сiя ближняя скала, выходящая изъ волнъ, есть та самая, которая, въ Энеидѣ, служитъ цѣлю для соспизающихъ между собою галлеръ. Картина сего мѣста, начертанная Виргиліемъ, такъ вѣрна, какъ бы сей-часъ была написана.

(1) Diod. Sic. Lib. V. c. XLVI.

(2) Virg. Aen. Lib. III.

Est procul in pelago saxum spumantia contra
Litora, quod tumidis submersum tunditur olim
Fluctibus, hiberni condunt ubi sidera Cori;
Tranquillo silet, immotaque adtollitur unda
Campus, et apricis statio gratissima mergis.
Hic viridem Aeneas frondenti ex ilice metam
Constituit signum nautis pater. (1)

Другая скала, ближайшая опъ первой, назы-
ваеиъя нынѣ: *Scoglio di mal consiglio*, т. е. скала
дурнаго совѣщанія; ибо увѣряютъ, что на ней,
знаменииый *Прогидъ*, съ своими участниками,
рѣшилъ ужасное исполненіе пакъ называемыхъ
Сицилійскихъ ветеревъ.

Оспрова Эгатиіскіе знаменииы двумя прово-
пролипными морскими сраженіями, между Римля-
нами и Карѣагенцами; здѣсь былъ уничтоженъ
флотъ Консула Клавдія Пульхера; 93 Римскія судна
были припѣснены Адгербаломъ къ скаламъ, — и
погибли. (2) Но здѣсь же, шесль лѣтъ спустя,
другой Римскій флотъ, подъ начальствомъ Каія
Луксациа, разбилъ совершенно Карѣагенскій,
состояицій изъ 400 судовъ, предводимыхъ Ганно-

(1) Lib. V. —

(2) Суетвріе Римлянъ приписало сіе несчастіе слѣдующему случаю:
когда предъ начатиемъ сраженія Пульхеръ, по принятому обы-
клопенію, вопрошалъ Авгуровъ, шо священныя цыплята оп-
казались вѣшь кормъ; жрецы возвѣстили неудачу; но раз-
серженный Консулъ велѣлъ бросить цыплятъ въ море, сказавъ:
если они не хотятъ вѣшь, то пусть же пьютъ.

номъ. Сія бипва заключила первую Пуническую войну, и покорила Римскому оружію Карфагенскія владѣнія въ Сициліи.

Острова *Эгатскіе* (Αἰγάδες) получили свое наименованіе отъ острова *Эгузы* (нынѣ Фавиньяно), который значить по-Гречески *Козій островъ* (Αἰγύσσα.) (1) Многие Географы полагаютъ оный за тотъ *Козій островъ* Гомеровою Одиссею, куда присталъ Улиссъ. О семъ предметѣ писаны цѣлыя диссертаціи, которыя ничего не рѣшили. Самъ ученый Клуверій ни чего не сказалъ утвердительнаго на сей щетъ; ибо хотя онъ полагаетъ Эгузу за *Козій островъ* Гомера; но приводя стихи сего безсмертнаго Поэта, онъ видитъ иногда въ нихъ описаніе острова *Ортигіи*, (на коемъ построены нынѣшнія Сиракузы) и только отъ того признаетъ Эгузу островомъ Одиссеи, что онъ обширнѣе перваго. Не мнѣ говорить послѣ Клуверія; но я долженъ представить на судъ читателя слѣдующія замѣчанія: Гомеръ, описывая *Козій островъ*, говоритъ: „Въ немъ есть гавань столь покойная, что кораблямъ, для стоянія въ ней, не нужно ни якорей, ни канатовъ . . . при входѣ въ гавань, печетъ изъ скалы обильный источникъ.“ Это, точь въ точь изображеніе Сиракузскаго большаго порта; въ чемъ удостовѣрится читатель, дойдя до описанія Сиракузъ. Припомъ, Гомеръ говоритъ, что съ помянушаго острова виденъ былъ дымъ жилищъ

(1) Cluv. p. 418.

Киклоповъ, пещера Полиемова, — и слышно было бленіе спадъ его. Въ самомъ дѣлѣ, Элгна видна изъ Сиракузъ, и почти всѣ древніе писатели полагають Киклоповъ обитателями окрестностей сего волкана. (1) Со всѣмъ шѣмъ имя острова Эгузы, по своему выше-помянутому словопроизвожденію, заспавляеть многихъ признавать оный за *Козій островъ* Одиссея.

Тѣ, кои полагають Киклоповъ на западной сторонѣ Сициліи, приводятъ разсказъ Фацелло о найденномъ Гигантскомъ скелетѣ въ одной пещерѣ горы Эриксъ; разсказъ сей, увеличенный его суевѣріемъ; но засвидѣтельствванный Сенаторами города Трапани, можетъ быть справедливъ. Таковыя скелеты находимы бывали (какъ я сказалъ въ 1-й главѣ Введенія) во многихъ мѣстахъ Сициліи. При семъ можно замѣтить, что безчисленныя пещеры въ юго-восточной Сициліи, доказываютъ, что сія часть острова была населена прежде западной. (2) Что жъ касается до Геогра-

(1) См. Введеніе, гл. 1.

(2) Г-жа Дасье въ своемъ переводѣ Одиссея, выводитъ значеніе слова *Киклопъ* отъ Финикійскаго: *Шек-лубъ* (Chek-lub) сокращеннаго изъ: *Шек-лелубъ* (Chek-lelub) т. е. *Заливъ Лилибейскій* или *Заливъ къ Лилибейю*, — говоря, что жители сего берега, называемы бывали отъ Финикянъ и Ливійцевъ *hotines*, *Chek-lub*, т. е. *жители залива Лилибейскаго*, и что Греки, незнавшіе Финикійскаго языка и желавъ произносить всѣ слова — изъ своего, составили слово *Киклопъ*, т. е. *имѣющій одинъ глазъ во лбу*. Хотя весьма любопытно знать источникъ такого толкованія Г-жи Дасье, но сія ученая женщина, опи- бающая довольно грубо, забывала, что имя Киклоповъ гораздо древнѣе имени Лилибелъ, основаннаго за 397 лѣтъ до Р. X.

ѣи Гомера, то она переспаетъ бытъ вѣрною, начиная отъ Фаросскаго пролива. Мальшебрюнъ называетъ оный *преддверіемъ баснословнаго міра Гомерова* и осперегаетъ насъ отъ сладкаго пѣнія Сирены сего безсмертнаго Поэта.

Трапани построена на песчаной косѣ. Укрѣпленія ея принадлежатъ царствованію Карла V-го. Сверхъ городскихъ укрѣпленій, гавань защищена крѣпостию, называемою *Коломбара* и построенною на подводной скалѣ. Внушенность города представляеть взорамъ большую промышленность; улицы и дома, красотою, опрятностью и даже великолѣпіемъ, привлекаютъ вниманіе путешественника; толпы бѣдныхъ не шѣняются вокругъ васъ, какъ въ прочихъ городахъ Сициліи; вы не видите изуренныхъ и блѣдныхъ лицъ; и если бѣ монахи не усѣвали улицъ, то все бѣ дышало здѣсь веселіемъ. Прекрасная гавань вообще открываетъ здѣсь всѣ способы для торговли: она оспается въ забвеніи.

Въ Трапани съ успѣхомъ занимаются ловлею коралловъ. Они расшутъ около береговъ, особенно близъ островка *Св. Іліи*. Здѣшніе художники искусно вырѣзываютъ на нихъ, равно какъ на *жесткомъ камнѣ* (*pietra dura*) и на раковинахъ. Изобрѣшеніе рѣзбы на раковинахъ приписываютъ урожденцу изъ сего города, по имени *Типѣ*; но искусство сіе было извѣстно древнимъ. Знаменѣйшая торговля сего города происходитъ отъ ловли рыбы *Туна* (*thon.*) Должно замѣтить здѣш-

ніе солончаки, которые находились возлѣ города, при дорогѣ къ горѣ Сен-Жульио; они составляють непоследній доходъ города. Главный вывозъ соли отсюда производился въ Тунисъ. Окрестности обилуютъ разнообразными мраморами самаго лучшаго рода.—Жители въ Трапани счищаютъ 24,330 ч. Основаніе древняго Дрепанума приписывается Энею; но — върѣише, принадлежишь оно Амилкару, полководцу Карфагенскому. Городъ сей важенъ для войны и для торговли. Надобно замѣнить, что въ случаѣ непріятельскаго нападенія со стороны земли, шлюзы потопляютъ въ нѣсколько минутъ всю окрестность.

Мы не замедлили долѣ одного дня, оправились на поклоніе Кипридѣ Ерицинской, которая, не смотря на то, что храмы ея разрушены, также мила нашему сердцу, какъ и Древнимъ; они видѣли въ любви божество; а мы, — божественное чувство. Ихъ Философія не старалась отвлекать юношество отъ сей небесной страсти; они не считали ее однимъ мечтою воспламененнаго воображенія. „Юноши! не убѣгайте любви, говорилъ „Эврипидъ, сей Философъ Театра: она научаетъ „мудрости и добродѣтели; но умѣйте пользоваться „ся съ умѣренностью дарами ея. Прочь отъ меня „холодныхъ сердца!“—Они не основывали любви на одной чувственности; но постигали высокій идеалъ ея. Афиняне, посвящая Академію *Минервѣ*, воздвигли тамъ же статуу *Любви* и приносили жер-

пвы сѣмь двумь божествамь совокупнѣ. (1) Гора Эриксъ, послѣ Эпины и одной изъ Небродовъ, естъ высочайшая изъ горъ Сициліи. Мы опсправились шуда верхами. Высота горы ещѣ болѣе замѣтна при восхожденіи на нее; окружныя скалы, споль огромныя, глядя снизу, кажутся холмами съ половины пущи; спези дѣлаются ежеминутно труднѣе и каменистѣе; а крупизны ужаснѣе. Слѣды чудесной дороги, изсѣченной по ребрамъ сей горы, баснословнымъ Дедаломъ, (2) нигдѣ не замѣтны! Груды обрушившихся камней ежеминутно заграждаютъ и безъ того трудную, а иногда опасную дорогу. Не видя конца горы, послѣ полутора часа ѣзды, мы начали упомляться. Каждая вершина казалась намъ съ низу предѣломъ нашего пущи; но — приближаясь, надежды наши исчезали, и гора болѣе и болѣе восходила къ облакамъ: нѣрѣдка склоняли мы взоры на далеко-синѣющія подъ нами землю и море; воздухъ дѣлался рѣже, вѣтеръ сильнѣе, и наконецъ, послѣ двухъ-часовой ѣзды, мы находились на самой вершинѣ; но воображеніе наше удивленіе, когда — полагая найпи въ сѣмь надоблачномъ жилищѣ въпровъ и хищныхъ птицъ — нѣ сколько бѣдныхъ хижинъ, — мы увидѣли передъ собою цѣлый городъ, съ башнями и церквами, обнесенный стѣнами. Городъ сей естъ древній Эриксъ, нынѣ С. Жульяно, имѣющій 8,172 жипп., 15 церквей, 9 монастырей и одно заведеніе для бѣдныхъ.

(1) Athen. Lib. XIII.

(2) Diod. Sic. L. IV.

Я думалъ бытъ занесеннымъ въ жилище какого нибудь волшебника поэмы Аріоспа, но лошаки наши не были *гиппогрифы*. Мы спѣшили отдохнуть, а болѣе всего утолить жажду, — и по счастью, нашли кандиперскую лавку; а въ ней оплитч-ный лимонадъ. Намъ совѣтовали посѣтить здѣсь знаменитаго Антикварія, Графа***, проведеншаго вѣкъ свой на сей надъоблачной горѣ и посвятившаго себя на изысканіе погребенныхъ въ землѣ остатковъ храма *Венеры Ерицинской*. Мы увидѣли спарца 85-лѣтн или 90-лѣтн лѣтъ; онъ чрезвычай-но радъ былъ нашему посѣщенію; нѣсколько разъ изъяслялъ намъ особенное удовольствіе имѣть въ своемъ домѣ *Московитяи*, и спрашивалъ у насъ съ большимъ любопытствомъ о *Великой Москвитинѣ*; ибо такъ называютъ Сицилійцы Россію. Я не одинъ разъ замѣтилъ въ Сициліи, что народъ ея питаешь нѣкоторый страхъ къ Россіи. Они во-ображаютъ, не знаю отъ чего, что Русскіе дол-жны нѣкогда завладѣть Сициліею. Они съ беспо-койствомъ видящъ снимающихъ каршты или виды съ ихъ спраны, думая, что все это дѣлается для Русскихъ. Иные, вмѣстѣ со спрахомъ, хранящъ къ намъ почтеніе и видящъ въ насъ защитниковъ ихъ правъ. Графскіе слуги начали намъ выдвигать ящики, наполненные медалями разныхъ вѣковъ. Радость была написана на лицѣ старика, при видѣ своихъ сокровищъ; а мы начали упомянуться раз-сказами и объясненіями. Собраніе его въ самомъ дѣлѣ драгоцѣнно, и на многія изъ его медалей пи-саны цѣлыя диссертаціи. Одна изъ нихъ, чрезвы-

чайной рѣдкости, обратила особенное мое вниманіе: она мѣдная, средней величины; на одной сторонѣ вычеканено изображеніе, похожее на Меркурія, въ крылатой шапкѣ; а на оборотѣ зданіе, похожее на ковчегъ. Я не могу самъ разсуждать о сей медали, а скажу только, что старецъ видитъ въ человѣческой фигурѣ *Афета*, коего племена населили Сицилію; а въ другомъ изображеніи, Ноевъ ковчегъ. Окончивъ нѣсколько упоминительное обозрѣніе медалей, Графъ спалъ насъ водить по рядамъ шкафовъ, наполненныхъ глиняными сосудами, окаменѣlostями и разными мѣдными изображеніями. Тутъ же онъ показалъ намъ прекраснѣйшій обломокъ оной руки женской статуи, составляющій только одну кисть ея, съ отбитыми конечностями пальцевъ; сія кисть руки такъ прелестна, что не могла принадлежать никакой другой статуѣ, кромѣ Венераиной; — она сдѣлана не много согнутою и, вѣроятно, прикрывала дышащую нѣгой грудь или другую прелестную часть мраморнаго ея тѣла. Сей обломокъ найденъ былъ въ самомъ храмѣ Венеры. Въ заключеніе, онъ привелъ насъ къ самому драгоцѣнному остатку, свидѣтельствующему существованіе храма на сей горѣ: то былъ большой мраморный обломокъ со слѣдующею, немного поврежденною, надписью:

..... RI ERICINAE DICATVM.

III. E.

DEAE VENERI ERICINAE DICATVM.

Сія надпись найдена была въ развалинахъ, съ нѣкоторыми обломками колоннъ и карнизовъ,

также хранящихся въ кабинетѣ Графа. Мы съ нимъ распались съ искреннимъ дружелобіемъ; онъ непремѣнно хотѣлъ, чѣобы его ученый слуга былъ намъ вожашаемъ къ оспашкамъ храма, на что мы очень охотно согласились: — *Fortunate senex!* . . (1)

Насъ повели тогда на послѣднюю высоту, господствующую надъ городомъ и надъ всею горою. Она увѣнчана древнимъ замкомъ; мы вступили подъ его своды, — и стоны плѣнниковъ поразили нашъ слухъ. Такіе ли предметы должны окружать жилище богини опрады? Со сплукомъ распворилась передъ нами желѣзная дверь, и вскорѣ мы попирали ужѣ прахъ дивнаго храма Киприды. Готическія стѣны окружающъ сіе мѣсто; круглый колодезь, сложенный изъ большихъ каменныхъ плитъ, прежде глубокий, но теперь до половины заваленный камнями, есть, какъ говорятъ, знаменитый *источникъ Венеры или красоты*. Малые оспашки отъ основанія храма еще видны, прочее все исчезло. Давъ намъ время удовлетворишь наше любопытство на семь мѣстъ, чичерони пригласилъ насъ потомъ выйти изъ ограды, чѣобы видѣшь оспашки наружнаго основанія храма; мы подходили къ краю обрывистой скалы, на коей онъ былъ сооруженъ. Вы имѣете понятіе, по восхожденію нашему, о высотѣ, на коей мы находились; я сказалъ ужѣ,

(1) *Virg. Buc. Ecl. 1.*

что гора сія не много уступаетъ, высокою, *Неброда-мъ*; и такъ представляете себѣ теперь цѣльную скалу, столь колоссальной высоты, спущенную отвѣсно изъ подъ облакъ, въ пучины моря:— голова кружится при взглядѣ съ сей спрашной вышины въ неизмѣримую бездну! Эта скала составляетъ сѣверо-западный уголъ *трехъ-угольной* Сициліи. Тирренское море всею тяжестью своею непрестанно ударяетъ въ ребра сего гиганта, — но онъ недвижимъ. На сей-то скалѣ, далеко господствующей надъ Сициліею, курился, выше облаковъ, еиміамъ Венерѣ:

. . . Vicina astris Erycino in vertice sedes
. Veneri Idaliae . . . (1)

Огромные камни, принадлежавшіе основанію храма, видны еще въ ребрахъ скалы, на самомъ краю пропасти. Это совершенно сходно съ описаніемъ Діодора, (2) который говоритъ, что храмъ Венеры и окружающія его зданія, казались ежеминутно голповыми повергнутыми въ бездну. Гулъ бунующаго моря не достигаетъ сихъ гордыхъ вершинъ; перейдите теперь на другую точку зрѣнія, — и воспоргъ вашъ увеличится. Взгляните съ сей зѣриной высоты на синѣющія подъ вами землю и море; вотъ въ *лиліатюрѣ* красивый Трапани, съ крючковатымъ мысомъ своимъ, въ видѣ косы. Баснословіе повѣствуетъ,

(1) Virg. Aen. I. V.

(2) Lib. IV.

что сюда упала съ высотъ Олимпа коса Сатурнова, коею онъ безжалостно искажилъ своего родителя, Урана, (1) и что ея падение образовало эиопъ мысъ, — хотя Мессинцы повѣствуютъ то же самое о своемъ мысѣ. Тамъ, слѣдуя взоромъ обводъ береговыхъ равнинъ, видѣнъ Липбей; далѣе едва проглядываетъ Маццара; впереди разстилается Африканское море; здѣсь чернѣютъ высокія скалы оспрововъ Эгашскихъ. Тамъ, болѣе къ югу, выходятъ изъ волнъ въ видѣ шапра оспровъ *Пантеларія*; а еще далѣе, совсѣмъ на краю горизонта, едва бѣлѣетъ, при ясномъ солнцѣ, берегъ Африки. Къ сѣверу, одинъ только уединенный оспровъ *Устика* останавливаетъ взоръ, блуждающій по зыблямъ Средиземнаго моря; а востокъ заслоненъ цѣпью *Небродовъ*. Вотъ панорама, которая развертывается съ высотъ горы Эриксъ.

Теперь я выпишу, что Діодоръ говоритъ о древности и славѣ храма Венеры Ерицінской: (2)
„Эриксъ, былъ сынъ Венеры и Буша, Царя одной, небольшой страны Сициліи. Онъ выстроилъ, на
„высокой горѣ, значительный городъ, коему далъ
„свое имя. Посреди крѣпости, соорудилъ онъ
„храмъ, въ честь своей матери. Почести, воз-
„даваемыя въ ономъ Венерѣ, столь были ей пріятны,
„что она полюбила сей городъ болѣе всѣхъ

(1) Hesiod. Theog.

(2) Lib. IV.

„другихъ, и пожелала носитьъ прозваніе: Ерици-
„ской. Ни одинъ храмъ не сохранялъ такъ по-
„стоянно своего величія: слава его непреспано
„возраспала. Въ послѣдствіи времени, Эней, при-
„спавъ къ берегамъ Сициліи, (1) оставилъ бога-
„тые дары въ семь храмъ, будучи самъ сыномъ
„Венеры. Когда Карфагенцы завладѣли воспоч-
„ною частію сего острова, то они не преспавали
„содержать съ большимъ великолѣпьемъ служеніе
„сей богини. Наконецъ, Римляне, покоривъ всю
„Сицилію, превзошли всѣхъ поклонниковъ Венеры,
„полагая себя, по Энею, происходящими отъ нее.
„Нынѣ даже, когда ихъ Консулы или полководцы
„прибывающъ начальствовашъ въ Сицилію, то
„приносятъ съ собою богатѣйшіе дары для бо-
„гини и оштраивъ отъ себя свойственную имъ
„гордоспъ, мѣшающъ въ толпѣ прелестныхъ
„женъ, предающъ съ ними увеселеніямъ, полагая
„се вѣрнымъ средствомъ сдѣлать свое правленіе
„благопріимнымъ богинѣ. Наконецъ, Римскій
„Сенапъ, въ ознаменованіе къ ней своего усердія,
„приписалъ сему храму доходы 17-ми городовъ Си-
„циліи и вѣчную спражу изъ 200 воиновъ.“

Но главное богатство сего храма составляли
сонмы красавицъ, избираемыхъ изъ всей Сициліи
для служенія матери любви; — въ ихъ-то пре-

(1) Виргилій (Aen. lib. V.), какъ поэтъ, приписалъ построеніе го-
рода Ерикса и храма Венеры, своему герою.

лестныхъ очахъ, юные просители испивали блага Венеры, созданной ихъ воображеніемъ; онѣ-то были настоящія божества сего жилища опрадь. Спани бѣлыхъ голубей, соупники богини, вскормлялись здѣсь ихъ нѣжными руками. Повѣснвуютъ, что въ опредѣленное время, называемое *анагогія*, ш. е. *отбѣздѣ*, — (полагая, что Киприда отбѣждала тогда въ Ливію) всѣ голуби оплелали изъ храма, чѣмъ слѣдовать за нею; но девятидней спустя, во время — называемое *катагохія*, или *возвратѣ*, (1) одинъ голубь, предвѣстникъ прочихъ и самой богини, перелеталъ Ливійское море и возвращался во храмъ. Съ его появленіемъ, начиналось великолѣпное празднество. Крики радости, звуки лиръ и крошалоу неслись далеко по волнамъ, и тогда, совершались въ самомъ храмѣ сладкія тайны Венеры - Ерицины. (2) Довольно странно, что, какъ бы въ оправданіе сей басни, спани голубей не переспаютъ обитаніе въ разсѣлинахъ скалъ горы Эриксъ.

Одинъ новѣйшій путешественникъ, слишкомъ строгій критикъ своихъ предшествовавшихъ, обвиняетъ Г-на Ридезеля, замѣтившаго, что и по сіе время, женскій полъ горы Эриксъ и города Трапани, пользуется благодѣяніями Венеры, оплчаясь красотой опъ прочихъ женщинъ Сициліи; но по моему мнѣнію, Г-нъ Ридезель нѣсколько справе-

(1) Aelian. L. I, с. 15.

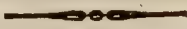
(2) Ath. L. IX.

дливъ; ибо, въ самомъ дѣлѣ, здѣшнія женщины при-
мѣтно красивѣе прочихъ Сициліянокъ. Я самъ
вспрѣчалъ мимоходомъ такихъ, кои заставляють
лишній разъ обернуться и замедливъ шаги; мо-
жетъ быть, я самъ виноватъ, что не видалъ перво-
классныхъ красавицъ города Сен-Жюльяно, забывъ
исполнить совѣтъ, данный мнѣ въ Палермѣ; онъ со-
стоялъ въ томъ, чтобы заставивъ нанятого фа-
кина кричать по улицамъ: *Chi vende latte?* (кто
продаетъ молоко?) ибо женщины города Сен-Жю-
льяно производящъ имъ главную торговлю, — и
безъ сего вызова, рѣдко показываясь изъ уеди-
ненныхъ домовъ своихъ, по причинѣ ревности
мужей.

Климатъ горы Эриксъ, какъ говорятъ, очень
здоровъ, — и спарки во 100 лѣтъ, совсѣмъ не
рѣдки между ея обитателями. Во многихъ город-
скихъ домахъ показывають древнія водохранили-
ща разныхъ размѣровъ, сдѣланныхъ по числу чле-
новъ, составлявшихъ семейство. Сверхъ сего, мо-
жно замѣтивъ здѣсь малые остатки одного зда-
нія, называемаго *Аполлоновы бани* (*piscina*). Городъ
и гора Эриксъ знамениты также битвами Амилъ-
кара-Барки, отца славнаго Аннибала, съ Римляна-
ми. Любопытное описаніе сей войны сохранено
намъ Полибіемъ. (1)

(1) Polib. Lib. I, c. 13.

Солнце погружалось въ волны и живописно
отпѣняло великія картины, окружающія насъ,
когда мы спускались съ горы въ обратный путь,
подвергаясь часто паденіямъ; но чрезвычайная
привычка лошаковъ преодолагаетъ трудность
сего пути. У подошвы горы, насъ застала уже
ночь, и лунный свѣтъ проводилъ насъ, весьма
успавшихъ, къ ночлегу.

ГЛАВА XIII.

ХРАМЪ СЕГЕСТА. — АЛКАМО. — ВОЗВРАТЬ ВЪ ПАЛЕРМУ.

Où, lorsqu'un ciel d'airain s'allume sur sa tête,
L'Arabe voyageur nonchalamment s'arrête,
Et las des feux du jour, s'endort quelques instans
Sur le restes d'un dieu mutilé par le tems.

(Chénedollé. *Genie de l'homme*. IV.)

Пріятно отдохнувъ въ Трапани, мы опира-
вились въ путь съ упренной зарею. Миновавъ
величественную гору Эриксъ, мы начали непри-
мѣнно погружаться въ дикія горы. Опѣхавъ
около десяти миль, я вспомнилъ нечаянно о сво-
ихъ пистолепахъ, и не находя ихъ вмѣстѣ съ не-
большой сумкой, которая привязана была къ сѣ-
длу, — мы принуждены были остановиться и
послать за ними назадъ нашего провожаго.
Межъ тѣмъ, Африканское солнце проникало паль-
цами лучами своими во все составы нашего плъа.
Мы скорѣ раскаялись, что уважили пистоле-
пами. — Въ окружности невидать было ни одного
кустарника, который могъ бы укрыть насъ въ
своей тѣни; по долгомъ терпѣніи, мы принуждены
были спѣшиться и воспользоваться бѣдною тѣнью
растущихъ около дороги алоэ; мы боялись
пошевеливаться подъ ними, чѣмъ неуколошься

острыми иглами ихъ лисъевъ, или неускользнушь изъ подъ лѣни. Два часа провели мы въ такомъ положеніи, и оправились, извѣстясь о совершенной пропажѣ нашего оружія. Сей день былъ для насъ днемъ испытанія. Послѣ пяти-часовой ѣзды по горамъ, раскаленнымъ отъ зноя и лишеннымъ жизни, по обрывистымъ пропамъ, — изнуренные, помимые жаждою, мы спарались открывъ неперпѣливыми взорами, знаменитый храмъ *Сегесты*, который долженствовалъ быть для насъ храмомъ успокоенія. Наконецъ, когда дикость нашихъ горъ еще болѣе увеличилась, — открылся намъ въ поразительномъ величьи, одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ ослѣпковъ зодчества Грековъ.

Храмъ сей, находящійся въ совершенной цѣлости, стоить какъ бы забытый временемъ, на безплодной горѣ, окруженный скалами, столь же, какъ и гора сія, дикими, нагими и мерзвыми; нѣтъ нигдѣ ни правых, ни испочника; не видно ни одной тропы, которая показывала бы слѣды человѣка; — глубокія трещины протягиваются по ребрамъ горъ и оврагамъ; молчаніе сей дебри ничѣмъ не нарушается; солнце, повсюду благошворное, здѣсь, кажется, вредитъ; все мертво... Неизвѣстно, какому божеству обреченъ былъ этотъ храмъ; но теперь обитаетъ въ немъ печальный Гений запустѣнія. Раскройте Овидида, раскройте Цицерона, возносящихъ сей самый Сегестъ, (одинъ изъ знаменитѣйшихъ городовъ Греческихъ

колоній), украшенный роскошными храмами Дианы, Венеры, Цереры, Энея, — сравните ихъ описанія съ видимымъ вами зрѣлищемъ, и вы не скоро выйдете изъ задумчивости . . . Если бъ это изящное зданіе не увѣрило зрителя, что здѣсь процвѣтала Сегестъ, то никакія преданія не могли бы заставить его повѣрить тому. Храмъ сей образуется правильнымъ параллелограммъ, и обнесенъ 36-ю колоннами Дорическаго ордена; фасы заключаютъ въ себѣ по шести колоннъ. (1) Замѣчательно, что всѣ храмы Древнихъ построены отъ востока къ западу. Цѣлостъ сего зданія удивляетъ тѣмъ болѣе, что весь древній Сегестъ, находившійся на гораздо-высшей горѣ, совершенно исчезъ, за исключеніемъ одного почти совсѣмъ разрушеннаго амфитеатра, отъ котораго осталось только нѣсколько ступеней. Положеніе его было живописно; отсюда открывалось Тирренское море. Фацелло (2) называетъ этоотъ храмъ *Цереринымъ*, основываясь въ томъ на словахъ Випрувія, который говоритъ, что по обыкновенію древнихъ народовъ, храмы Цереры воздвигались были вне города, въ мѣстахъ опдаленныхъ и сокровенныхъ.

Основаніе Сегеста сокрыто въ баснословныхъ вѣнахъ. Цицеронъ свидѣльствуетъ, что

(1) Длина храма — 175 футовъ. Ширина — 75 ф. Высота — 58 ф. Высота однихъ колоннъ 28 ф. и 1 д. Диаметръ ихъ въ основаніи 6 ф. и 2 д., въ конечности 5 ф. 2 д. Но замѣчено, что сіа мѣра диаметровъ колоннъ не вездѣ равна.

(2) Lib. VII. dec. I, c. IV.

Эней, по раззореніи Трои, основалъ на эпомъ мѣ-
стѣ колонію Троянъ. Сегестяне гремѣли славою
оружія на западномъ берегу Сициліи и были побѣ-
дителями Селиноплянъ; но всего болѣе доказы-
вается могущество ихъ, войною, хопя и несча-
сною, противу Карфагена; ибо, война сія, объяв-
лена была отъ ихъ имени — и поддержана собеш-
венною ихъ силою, какъ то говоритъ Цицеронъ:
illa civitas cum Poenis suo nomine ac sua sponte
bellaret. (1) Но богатство и счастье обольстили
ихъ; они напослѣдокъ возстали противъ Агафокла,
пирана Сиракузскаго, и большая часть гражданъ
погибла отъ его мщенія. Во владѣніе Римлянъ Си-
циліею, городъ сей былъ свободенъ и уваженъ Ри-
момъ. Зданія Сегеста извѣстны были своимъ ве-
лѣколѣіемъ. Здѣсь находилась драгоцѣнная, по
изящности и богатству, статуя Діаны, завоеван-
ная Карфагенцами, возвращенная Сципіономъ Афри-
канскимъ — и напослѣдокъ, насильственно похи-
щенная алчнымъ Верресомъ. Сей Палладіумъ Сеге-
ста былъ споль священъ, что никто не дерзалъ,
изъ жилищей, наложивъ на него руки, такъ, что
Верресъ принужденъ былъ для перенесенія онаго
нанять Лилибейцевъ. Жены и дѣти провожали
полпами ликъ своей богини, и съ воплемъ распо-
чали благоуханія и цвѣты по пути, оплакивая, съ
ея удаленіемъ, паденіе своего опечесства. Се-
гестъ имѣлъ на берегу моря гавань (*emporium*),
нынѣ: *Castello á mare*; неподалеку отсюда находи-

(1) Cic. in Verr. act. II. lib. IV. c. 33.

лись извѣстные въ древности бани: Segestanae aquae; еще понынѣ течетъ тамъ горячій источникъ.

Упопрелъ около двухъ часовъ на разсмаприваніе храма съ разныхъ пунпшовъ, мы наконецъ покорились усталости и жаждѣ; палимые нестерпимымъ жаромъ, медленно направлялись мы къ жилищу спорожа храма; тамъ ожидалъ насъ вожапый, пошедшій приготавливать намъ скудный заппракъ. Вообразите наше опчаяніе, когда мы нашли его, сидящаго въ глубокомъ уныніи у порога запертой двери, держа за поводья нашихъ изуренныхъ лошаковъ! Онъ не говорилъ ни слова; но мы поняли его молчаніе; онъ подтвердилъ угаданное нами; — спорожъ былъ въ оплучкѣ; мучимые жестокою жаждою, и не находя нигдѣ ни капли воды, мы вспомнили, что съ нами была бупылка вина: — но увы! и эту нашу Палермпшанецъ сумѣлъ разбить, вынимая ее, — и передъ нашими глазами... Сіе послѣднее несчастіе насъ сразило; не осталось другаго способа, какъ влѣзать опять на едва переступающихъ лошаковъ, и продолжая путь безъ защиты отъ раскаленного неба, къ мѣстечку Альбано, отстоящему еще на нѣсколько миль. Я невольно вспомнилъ тогда, и призналъ совершенно истинными, жалобы Клуверія, на понесенные имъ труды въ его путешествіи по Сициліи. Сей ученый Географъ обошелъ пѣшкомъ весь островъ — и вотъ какъ онъ говоритъ, простосердечнымъ своимъ слогомъ: „Медленное путешествіе мое бы-

„до чрезвычайно затруднительно; но тягость онаго
„превышаетъ всякое вѣроятіе; тѣло мое весьма
„часто подвержено было голоду и жадѣ, и не
„имѣло покрыши даже по ночамъ. Духъ мой сму-
„щался безпрестаннымъ опасеніемъ, и даже жизнь
„моя подвергалась частымъ бѣдствіямъ; но все
„сіе, съ помощію Всемогущаго Бога и по неизрѣ-
„ченному его милосердію, я превозмогъ.“ (1) Одиѣ
только опасности (принадлежащія времени путеше-
ствія Клуверія), почти не существуютъ нынѣ;
но все прочія непріятности, ожидаютъ путеше-
ственника въ Сициліи.

Вожапый нашъ, столь же упомянутый, какъ
и мы, сумѣлъ намъ вскорѣ рѣчку; эша надежда
подкрѣпила наши силы. Желаемая рѣчка на-
онецъ открылась; но она была почти совсѣмъ
высохшею опъ чрезвычайныхъ жаровъ; съ нею
соединяется другая, похожая болѣе на ручей; бе-
рега ихъ осѣнены нѣсколькими фиговыми деревь-
ми. Сии два скромные потоки носятъ названія,
пробуждающія воображеніе: это Скамандрѣ и Си-
моисѣ Сициліи (нынѣ: Сан-Бартоломео).

Я говорилъ уже, что Сегестяне происходятъ
отъ колоній Троянъ, и что они были поселены

(1) Peregrinatio quidem ea mihi fuit tantum annua: sed perquam
molesta, et supra quam credi possit, aerummosa: quum saepè corpus
fami ac siti pernoctationibusque subdialibus, animus perpetuis
terroribus, caput verò etiam vitae periculo subjectum esset; quae
tamen omnia Dei immortalis omnipotentis virtute et larga benignitate
superavi. (Sic. Ant. in Epistola dedicat.)

здѣсь Энеемъ, подъ покровишельствомъ госпепрі-
имнаго Царя *Акаста*. (1) Лишенные навсегда сво-
его отечества, они окружили себя сладкими во-
споминаніями объ немъ, и дали, между прочимъ,
симвъ двумъ рѣчкамъ имена: *Скамандра* и *Симоиса*.
(2) Съ какимъ чувствомъ говоритъ о родинѣ сво-
ей, одна изъ женъ Иліона, уговаривая своихъ по-
другъ остаться на счастливомъ берегу Спирити:

O patria, et rapti nequidquam ex hoste Penates!
Nullane jam Trojae dicentur moenia? nusquam
Hectoreos amnis, Xanthum et Simoënta, videbo? (3).

Здѣсь, жены Сегеста, любили, подобно Андромакѣ,
оплакивать на мнимыхъ берегахъ *Симоиса*, судьбы
своихъ супруговъ, братьевъ и дѣтей, падшихъ подъ
сѣтями Трои, — и украшаютъ цвѣтами, лишенные
праховъ, гробницы.

Ante urbem in luo, falsi Simoentis ad undam,
Libabat cineri Andromache, Manisque vocabat
Hectoreum ad tumulum, viridi quem cespite inanem,
Et geminas, caussam lacrymis, sacraverat aras. (4)

Опдохнувъ въ хижинѣ и прохладясь водою
Скамандра, мы продолжали путь. Распѣнія начи-
нали появляться болѣе и болѣе; маслины, фиги и
алоэ опѣвляли уже знойную землю; но крупизны

-
- (1) Virg. Aeneid. Lib. V.
(2) Strab. Lib. XIII.
(3) Aeneid. Lib. V.
(4) Id. Lib. III.

горь довершали наше испощеніе:—это не мѣшало мнѣ однако плѣняться съ вершинъ ихъ, открывающимися на-лѣво видами моря, его заливами и гористыми берегами, гдѣ нѣкогда возвышалась *Гикара*; самые слѣды ея уже исчезли; сей городъ былъ разоренъ *Никиасомъ*, Аѳинскимъ вождемъ, пѣмъ самымъ, копорый погибъ въ знаменитую войну противу *Сиракузъ*; — онъ похищилъ изъ *Гикары* все богатства и вмѣстѣ съ ними славу сего города, — несравненную своими прелестями — *Лаису*, здѣсь рожденную. Во цѣлѣ лѣтъ своихъ она была увлечена, съ прочими невольницами, въ *Грецію*, гдѣ ожидали ее алтари!

Достигнувъ вершины самой высокой горы сей окрестности, открылся наконецъ, споль не-терпѣливо ожидаемый нами, городъ *Алькамо*. Шумомъ своихъ обитателей, живущихъ почти на улицахъ, онъ равняется со столицами. Можно назвать *Сицилійцевъ* самымъ шумнымъ народомъ земнаго шара; когда духота выгоняетъ ихъ изъ домовъ, то улицы превращаются въ какой-то базаръ: здѣсь разные ремесленники: кто шьетъ, кто шитъ, кто кушетъ; шумъ подвижные буфеты съ холодною водою и лимонадомъ; тамъ мясной рядъ; вопль молодые мапери, питающія грудью младенцевъ; вопль толпы бродящихъ нищихъ; среди нихъ разношники лакомствъ, — и сіи послѣдніе всѣхъ докучливѣе: ихъ дикій крикъ попрыскаетъ фибры и выводитъ изъ терпѣнія. Все это, будучи взято

вмѣстѣ, составляетъ неоправданную *Баханалію* новѣйшихъ временъ.

Алькамо сохраняетъ въ архитектурѣ своихъ двухъ или трехъ церквей и въ остаткѣ полуразрушеннаго замка, слѣды вѣуса Сарациновъ; это мѣсто, было укрѣпленнымъ жилищемъ ихъ полководца, *Алкамата*. Городъ построенъ на горѣ; видъ къ сѣверу, на море и на крутые берега, имѣетъ нѣкоторое величіе. Алькамо славенъ тѣмъ, что въ его стѣнахъ раздались первые звуки Италіанской Поэзіи. Здѣшній житель, по имени Чіулло, былъ ея основателемъ (въ 1218 году), и лира его перешла въ Палерму, въ блестящій дворъ Фридерика II. Самъ Императоръ и Канцлеръ его Пешръ де Вигньо (*Pietro di Vigno*), скоро пробудили своимъ примѣромъ, геній поэтовъ Сициліи и Италіи.

Прекрасное шоссе ведетъ отсюда въ Палерму — это единственная колесная дорога во всей Сициліи, если исключимъ начатую, но оставленную дорогу около *Кастель-Ветрано*. Мы съ неизменною радостью бросили своихъ лошаковъ; въ полъ же вечеръ наняли за дорогую цѣну коляску, и отправились въ Палерму, къ столь желанному отдыху. Тамъ ожидало насъ наступавшее шпиржество *Св. Розаліи*, о великолѣпіи котораго мы такъ много слышали. Напрасно нашъ вожакъ, а еще болѣе Алькамскій пракпирщикъ, твердили намъ, что этошъ путь въ ночное время не совсемъ безопасенъ; — мы ничему не внимали. У ло-

его товарища остался еще одинъ огромный шишолентъ и старая сабля; съ симъ оружіемъ мы довѣрились темной ночи; но восшедшая луна вскорѣ разсѣяла оную. Опѣ самага Алькамо до *Монте-Реаля*, дорога идетъ по скапамъ ужасныхъ скалъ. Сжатый ихъ громадами, я не переставалъ любоваться грозными ландшафтами природы. Луна проглядывала изъ-за безобразныхъ шпиговъ горъ, конхъ тѣни дѣлали спрашиве глубину овраговъ, разверзшихъ подъ нами. Картина этой дороги, въ ночное время, мрачѣе всѣхъ картинъ *Салватора-Розы*; дѣйствіе луннаго свѣта, между каменныхъ грудъ — поразительно; вся дорога сія есть школа для пейзажиста, и едва ли найдуся мѣста удобнѣйшія для разбойниковъ.

Почпи на половинѣ дороги къ Монте-Реале, проѣхали мы чрезъ довольно большое мѣстечко, называемое: *Sala di Partenico* (*Сала ди Партенико*). Неподалеку отсюда, назначенъ, въ *Путевыхъ запискахъ Антонина*, городъ *Пареникули*, опѣ коего сіе мѣстечко заимствовало, вѣроятно, свое имя.

Съ восхожденіемъ солнца мы прибыли на цѣлуцію вышины Монте-Реаля, какъ бы для того, чѣбъ видѣшь, послѣ грознаго зрѣлища Природы, зрѣлище очаровательное. И въ самомъ дѣлѣ, нельзя было глядѣшь безъ восторга на пробуждающуюся природу; — розовая занавѣса зародѣвала еще всѣ предметы, и сомнишельный свѣтъ ея, разливалъ особенную прелестъ на роскошную картину. Живописецъ долженъ необходимо видѣшь Сицилію

въ жаркіе мѣсяцы лѣта. Торжественныя минувшія восхожденія и захожденія солнца покажутъ ему картины неземныя, копорыя онъ видѣлъ только глазами воображенія или читалъ въ поэмахъ. Въ сіи часы, пестрота небесныхъ цвѣтовъ необыкновенна; но съ какою гармоніею всѣ цвѣты сіи слиты! Какъ постепененъ переходъ свѣжей ночи къ жаркому дню! На землѣ ни одна рѣзкая линія не оскорбляетъ взора; волшебная атмосфера южнаго неба все оцѣняетъ своими таинственными красками.

Весь скатъ высокой горы Монте-Реалъ покрытъ рощами апельсиновыхъ, лавровыхъ, лимонныхъ и померанцевыхъ деревьевъ; они далеко провожаютъ путешественника, спускающагося въ долину. Долина эта есть райскій садъ; крутыя горы возносятся по бокамъ ея; а впереди, на берегу моря, лежатъ вся Палерма съ безчисленными загородными домами, которые разбросаны въ безпорядкѣ среди садовъ. Любуясь природою, въѣхали мы въ Палерму. Толедская улица была уже убрана искусственными гирландами цвѣтовъ и кулисами, на коихъ написаны были восклицанія: *Vivat santa Rosalia, Vergina Palermitana!* и *Vivat il Reale sua famiglia!* (т. е. да здравствуетъ Св. Розалія, Дѣва Палермская! Да здравствуетъ Король и весь его домъ!) Движеніе толпы и носящійся гулъ предвѣщали большое торжество. Мы поспѣшали, послѣ труднаго путешествія, насладиться покоемъ, чтобы приготовить себя къ успалосіямъ другого рода, — къ пьяни-дневному празднеству.

ГЛАВА XIV.

ПАЛЕРМА. — МОНТЕ-РЕАЛЕ.

La nuit n'a plus d'asyle; au-dehors la clarté
Pénètre des jardins la vaste obscurité. . .

(*Thomas la Petr.*)

Праздникъ *Св. Розалии* въ Палермѣ, есть безъ сомнѣнія одно изъ великолѣпнѣйшихъ народныхъ увеселеній. Въ 1624 году, ужасная моровая язва завезена была въ сей городъ, изъ Африки; всѣ почти жители оставили свои дома и распространили страхъ по окрестностямъ; въ это время, одинъ спрѣлокъ скрылся на вершинѣ горы Пеллегрино, и жилъ тамъ въ пещерѣ, питаясь своею охотою. Въ одну ночь, занятый несчастіями своего отечества, онъ увидѣлъ во снѣ молодую дѣву, которая, назвавъ себя Розалиєю, велѣла ему найти ея кости въ одной изъ пещеръ сей горы и перенести ихъ въ Палерму, сказавъ, что чрезъ это самое язва прекратится. Спрѣлокъ былъ пораженъ именемъ Розалии, которое слишкомъ было извѣстно въ Палермѣ. Дѣвица сія, жившая въ XII столѣтіи, принадлежала одной извѣстной Палермской фамиліи Бароновъ *Синибальди*, донынѣ еще существующей. Несчастная спрѣлокъ и любовь къ религіи заставили ее оставить пышность своего дома и свѣтъ, и уда-

лились въ пустыню; дикая пещера горы Пелле-трино была ея жилищемъ; а потомъ ея гробомъ. И такъ, человекъ сей не медля посѣщилъ возвѣ-спинъ сонъ свой правителямъ города. Кости Розаліи были найдены, перенесены въ Палерму, и язва прекратилась. Церковь признала ее за свя-тую; городъ назвалъ ее своею покровительницею, и установилъ, въ знакъ благодарности, ежегодное пятидневное празднество, начиная съ 15-го Іюля, (день перенесенія ея костей) — и вотъ уже болѣе 200 лѣтъ, какъ совершается это празднество.

Нашъ Консулъ, Г. Болоньи, предложилъ намъ свой балконъ, на Толедской улицѣ, по коей слѣ-дуютъ всѣ процессіи.

Главное украшеніе сего торжества, состо-итъ въ колесницѣ огромной величины, — если только можно назвать симъ именемъ подвижное зданіе, превышающее всѣ дома Палермы. Въ мое время (ибо ежегодно строятъ новую таковую машину) колесница сія была сдѣлана слѣдующимъ образомъ: на широкой платформѣ, богато-драпи-рованной, утвержденъ былъ величайшій глобусъ, украшенный звѣздами, облаками и ангелами; на верху сего глобуса, нѣсколько дѣвъ, сплетаясь рука съ рукою, съ развѣвающимися одеждами, состав-ляли кругъ; а надъ ними, на самой ужé вершинѣ, видна была на облакѣ, Св. Розалія, увѣчанная звѣздами и какъ бы возносящаяся на небо! Все это сдѣлано съ большимъ искусствомъ и удив-

ляешь взоръ. Прибавьте къ сему, что выше-
сказанная плацформа наполнена 50 человѣками му-
зыкантовъ со всеми инструментами. Въ первый
день, когда вся Толедская улица и все балконы,
окна и террасы покрыты уже были зрителими,
выспрыгъ изъ пушки возвѣстилъ начало праздни-
сва. Опрядъ кирасиръ, въ Испанскихъ костю-
махъ, предводимый церемоніймейстеромъ, пы-
шно одѣтымъ, — открылъ ходъ; за нимъ шли
нѣсколько пѣшихъ солдатъ, потомъ скороходы.
Тутъ воцарилось глубокое молчаніе . . . все глаза
устремлены были къ porta Felice (имя городскихъ
воротъ), откуда шествовала процессія. Вдругъ
появился пресипарфый всадникъ изъ числа офи-
церовъ поманутыхъ кирасиръ; онъ провозглашалъ
соблюденіе порядка; но болѣе былъ занятъ управ-
леніемъ своей лошади, которая — чувствуя иску-
ство сѣдока, въ одну минуту сшибла его съ сѣ-
дла: перья и палаши рыцаря разлетѣлись въ сто-
роны, нога его оспалась въ спремени, но доб-
рая лошадь оспалась неподвижною . . . Громкій
смѣхъ покрылъ героя, который наконецъ, съ по-
мощію предстоящихъ, опять завладѣлъ своею ло-
шадью и уже шагомъ, но весьма гордо, направился
по улицѣ.

Вскорѣ, непринужденные клики радости воз-
вѣстили появленіе колесницы. Зрѣлище это мо-
жетъ назваться единственнымъ: колоссальное
зданіе влеклось полсотнею страшныхъ буйволовъ,
по 4 или по 5 въ рядъ; живописныя сіи были убра-

ны цвѣтами, имѣя на себѣ нѣсколько форрейпировъ въ спранныхъ одеждахъ и съ перьями на шляпахъ. Колесница останавливалась на каждахъ пятидесяти шагахъ, и тогда, сладкіе звуки оркестра раздаются по улицамъ, музыка играетъ четверть часа. Мы были довольно счастливы, что процессія остановилась возлѣ насъ; спавшя Св. Розалии была тогда выше крыши нашего чепырехъ-этажного дома. Трудно вообразить великолѣпіе сего зрѣлища; со всѣхъ оконъ, балконовъ и террасъ спущены богатые ковры; сколько зрителей повсюду! Какая роскошь въ дамскихъ нарядахъ! Обольщенные взоры разбѣгаются во всѣ стороны, колесница останавливается на противоположной конечности города, у новыхъ воротъ (porta nuova). До половины ночи весь городъ иллюминантъ такъ роскошно, что ночь превращается въ день. Вся Толедская улица и набережная покрыты пѣшеходцами и экипажами. Вотъ первый день.

Два слѣдующіе, опредѣлены на конскія ристанія, совсѣмъ необыкновеннаго рода; нѣсколько паръ или проекъ лошадей, разныхъ породъ, споривающъ, сами собою, скорость бѣга; ибо онѣ безъ сѣдоковъ и движимы собственнымъ самолюбіемъ; а болѣе всего двумя пузырями съ выходящими изъ нихъ гвоздями; сіи пузыри привязываются по обоимъ бокамъ лошади, и удары ихъ, во время бѣга, дѣйствительныѣ всякихъ шпоръ. Такъ какъ Толедская улица идетъ прямо чрезъ весь городъ, то лошади пускаются онѣ воротъ Фели-

че (Felice), а останавливаясь у противоположных *новыхъ воротъ* (porta nuova), на другомъ концѣ города. Для соблюденія равенства при пусканіи лошадей, онѣ имѣютъ на недоузкахъ кольца, сквозь которыя пропущена веревка, выдергиваемая по высрѣлу. У назначенной цѣли смотрятъ за порядкомъ чиновники и распредѣляютъ хозяевамъ лошадей денежныя награды по опредѣленнымъ правиламъ. При этомъ, такъ какъ и въ Англіи, многіе держатъ изрядныя заклады за лошадей имъ знакомыхъ. Бѣгъ сей, есть одно изъ любимѣйшихъ удовольствій Палермской толпы, которая находится тогда въ большомъ движеніи. Выигравшіе хозяева возвращаются съ барабаннымъ боемъ, на своихъ лошадяхъ, увѣнчанныхъ тогда цвѣтными перьями. Прежде, бѣгъ сей производился съ сѣдоками; но такъ какъ случались большія несчастія, по причинѣ скользкости липы, которыми вымощенъ городъ, по обыкновение это отменено Правительствомъ.

Съ наступленіемъ вечера возобновляются иллюминація и гулянья по набережной и по Толедской улицѣ.

Въ четвертый день, огромная колесница возвращается по тѣмъ же путямъ и съ тѣмъ же обрядомъ; но къ вечеру, одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ церковныхъ обрядовъ ожидаетъ зрителей въ соборѣ Св. Розаліи. Съ самаго утра, собираются уже, на площади сего собора, *подвижныя часовни*

всѣхъ городскихъ церквей. Наружность ихъ весьма спранны: каждая изъ нихъ составляетъ зданіе, часто о двухъ или трехъ этажахъ, равняющееся съ иными домами и наполненное грубыми изваяніями святыхъ. Весь день занимающія установленіемъ свѣчей и плашекъ по симъ многочисленнымъ часовнямъ, равно какъ и по всему собору. Площадь эта представляетъ тогда самый блестящій видъ для живописца. Кисть *Калло* нашла бы тутъ неистощимые предметы. Надобно видѣть, съ какимъ усердіемъ поклонники вѣчаютъ своихъ святыхъ црѣшами, лентами и покрывалами. Часовни сіи, окруженныя несмѣнною полною, представляютъ тогда видъ пестрыхъ Китайскихъ башенъ. Но съ наступленіемъ вечера, весь соборъ, быстро одѣвается нѣсколькими тысячами разноцвѣтныхъ плашекъ и представляетъ тогда нѣчто волшебное! Восточная, легкая архитектура даетъ сему зданію видъ необыкновенный. Внутреннее освѣщеніе соотвѣстствуетъ вполне наружному. Блескъ онаго ослѣпляетъ, тѣмъ болѣе, что свѣны покрыты бѣлымъ гипсомъ, гдѣ отражаются безчисленные огни. Пышность одеждъ, великолѣпіе обряда, военная снаряжа въ богатыхъ Испанскихъ мундирахъ и съ албардами, красота женщинъ, сладкіе звуки органовъ — все это очаровываетъ чувства. Тутъ присутствуютъ Вицерай; приѣздъ и выѣздъ его исполнены великолѣпія: позолоченная карета служитъ ему тогда экипажемъ; она увѣнчана, по угламъ, пуками бѣлыхъ спраусовыхъ перьевъ; ими же укра-

шены шестъ лошадей въ богатой збруѣ; лакеи и кучера одѣлы соотвѣстственно сему, и — въ добавокъ, нѣсколько скороходовъ съ пылающими факелами, бѣгутъ впереди.

Позднѣе, открылся балъ въ дворянскомъ казино, или клубѣ.

Но пятый и послѣдній день ознаменованъ самою шумною радостью и спранныю церковною процессіею: вскорѣ послѣ обѣда поднимаются народомъ съ соборной площади всѣ подвижныя часовни, въ полномъ ихъ украшеніи, и сіи многоэтажныя башни медленно шествуютъ по Толедской улицѣ, предводимыя всѣмъ духовнымъ причетомъ той церкви, откуда онѣ взяты. Замѣтите, что изваянія святыхъ, находящіяся въ часовняхъ, обсаплены свѣчами; но такъ какъ, опъ неровнаго движенія несущихъ, свѣчи сіи часно падаютъ вмѣстѣ съ другими украшениями, которыми обременены лики святыхъ, то подлѣ распещренныхъ изваяній сидятъ нѣсколько людей, въ неопрятныхъ одеждахъ, безпрестанно заботясь о порядкѣ своихъ часовень. Изъ всѣхъ сихъ движущихся башенъ отличается высокою и убранствомъ соборная часовня Св. Розаліи. Но всего любопытнѣе видѣнъ шествіе сплуты святыхъ *Козмы* и *Даміана*, покровителей мореходцевъ. Изваянія сіи находятся не подъ крышею, но утверждены на платформѣ; они сдѣланы въ ростъ человѣческой; — ихъ несутъ, или — правильнѣе сказано — вле-

купъ, съ громкими восклицаніями, толпы мапировъ. Въ заключеніе этой процессіи слѣдуетъ настоящій гробъ Св. Розаліи, съ ея мощами. Гробъ сей — весь изъ липаго серебра и украшенъ драгоценными каменьями.

Къ вечеру приготовленъ былъ на набережной большой фейерверкъ. Приглашенные для сего зрѣлища, здѣшнимъ Вицeroемъ, Княземъ Купо, мы прибыли въ прекрасный дворецъ Князя Бушеры, занимающій лучшую часть набережной; туда собирается все знатное дворянство. Насъ приняли на террасѣ, которая была наполнена Палермскими вельможами, въ богатыхъ мундирахъ, — и нарядными дамами. Звукъ очаровательной музыки плѣнялъ слухъ до начала фейерверка, который былъ великолѣпенъ. Всего прекраснѣе было видѣть огонь, который сожгли посреди моря на корабляхъ и шлюпкахъ. Море было чрезвычайно тихо и отражало разнообразную игру огней.

По сожженіи фейерверка, всѣ направились въ публичный садъ (Villa Giulia), который предсталъ взорамъ весь въ огнѣ, иллюминированный съ большимъ вкусомъ. Свѣтъ огня давалъ совсѣмъ необыкновенный цвѣтъ зелени деревъ; высокіе плащаны были искусно освѣщены до самой вершины; алеи апельсиновыхъ деревъ представляли огненные стѣны, водометы сыпали алмазы. Сколько прелесныхъ лицъ видно было на сей разъ безъ докучныхъ покрывалъ, которыя разѣвались небрежно по пле-

чамъ! Сколько случаевъ для любви, которая въ это время не дремлетъ... Общее веселіе заставляетъ забыватьъ свѣтское приличіе, и тогда матери и мужья глядятъ на все сквозь пальцы. Самая живая радость написана на лицахъ. Какъ противорѣчатъ ослѣпительный свѣтъ и шумъ веселящихся, съ мракомъ и тишиной ночи, царствующихъ въ вышинѣ!— Какъ великолѣпно это темное небо, осыпанное милліонами звѣздъ!.. Поздно оставляется сія прогулка, для другой; всѣ садятся въ свои экипажи и отправляются на Толедскую улицу. Въ этотъ день ея освѣщеніе превосходитъ всѣ иллюминаціи прочихъ дней. На этой прогулкѣ истощена вся пышность экипажей и нарядовъ. Толедская улица, во всю длину свою покрыта, въ три ряда, колясками и открытыми каретами, которыя свѣзжаются весьма близко. Прекрасная прогулка сія кончается блестящимъ образомъ пятидневное торжество. Уже недалеко разсвѣтъ, когда всѣ разъѣзжаются, провожаемые факелами.

Возвращаясь домой, я замѣнилъ на многихъ улицахъ подвижные лимонадные буфеты, изъ коихъ нѣкоторые украшены исторіею Св. Розаліи: она представлена выходящею изъ пещеры на-встрѣчу ерѣвку, удалившемуся на гору Пеллегриню. Это изображеніе окружено свѣчами, — и толпа народа тѣснилась вокругъ буфетовъ.

Празднество сіе, не смотря на суевѣріе и суеверіи, коими оно преисполнено, имѣетъ въ

себѣ нѣчто весьма поржесственное — и естъ единственное зрѣлище въ своемъ родѣ.

На другой же день я видѣлъ разрушеніе блестящей колесницы Св. Розаліи; къ вечеру зданіе сіе уже не существовало.

За нѣсколько дней до отъѣзда нашего изъ Палермы, я посѣпилъ Аббатство города Монте-Реали; мы проѣзжали его, возвращаясь изъ перваго нашего путешествія, на разсвѣтѣ, — и не могли тогда ничего осмотрѣть. Прекрасное шоссе ведетъ туда, чрезъ всю несравненную Палермскую долину; въѣздъ на гору украшенъ перилами, каменными скамьями и небольшими водометами подъ навѣсами апельсиновыхъ деревьевъ и плапановъ, гдѣ находятъ сладостное отдохновеніе проходящіе. Видъ этой горы еще обширнѣе, чѣмъ съ террасы Маврскаго замка, Цизы. Это совершенно Облупованная земля. Я замѣнилъ съ высоты Монте-Реали, въ синей дали моря, группы *Доловыхъ* острововъ, коихъ я не видалъ прежде.

Монтерепальское Аббатство основано Вильгельмомъ II, прозваннымъ: *добрымъ*. Древняя архитектура онаго, нравишся. Главная церковь была великолѣпна, но она сдѣлалась добычею пламени въ 1811 году; теперь ее мало по-малу опдѣлываютъ, но гораздо съ большею простотою; высота сводовъ сей церкви и ряды готическихъ

колонны имѣютъ нѣчто великое. Пожаръ пощадилъ мозаическую работу, похожую на Византійскую. Тутъ показываютъ двѣ гробницы, любопытныя по готическимъ своимъ украшеніямъ. Въ одной хранился прахъ Вильгельма Злаго, съ 1177 года, а въ другой Вильгельма Добраго съ 1545-го года. Тутъ же находится гробъ со внутреннею стіію Св. Лудовика, Французскаго Короля, умершаго передъ Тунисомъ, отъ чумы, и вскрышаго въ Палермѣ. Подлѣ сей церкви есть небольшой, но богатый придѣлъ изъ разноцвѣтныхъ мраморовъ, гдѣ показываютъ чрезвычайно-искусную рѣзбу знаменитаго *Каджини*.

Въ сѣняхъ рефекторіи находятся двѣ отличныя картины славнѣйшаго живописца Сициліи, Петра Новеллы, прозваннаго *Монреалезомъ*, по рожденію его въ семь мѣстѣ; а въ самой рефекторіи показываютъ лучшую его картину — *бракъ св. Канъ Галлилейской*. Кисть его очень жива; онъ весьма близко подражалъ *Эспаньолету* и даже *фанъ-Дейку*. Онъ жилъ въ 1660 году.

Жилище Бенедиктянъ, коихъ ордену принадлежатъ сіе Аббатство, роскошно; оно образуетъ обширный квадрантъ. Болѣе 200 готическихъ колоннъ изъ бѣлаго мрамора поддерживаютъ кругомъ своды. Къ нему принадлежатъ тѣнистый и плодоносный садъ, на прелестномъ мѣстоположеніи, откуда видна Палерма и море. Все это дѣлаетъ жизнь братіи отрадною. Они же владѣ-

юсть, большою библіотекою и кабинетомъ медалей. Неподалеку отъ Монне-Реали, находилъсь другое Аббатство, Св. Мартина, не менѣе великолѣпное; но время не позволило мнѣ осмоирѣть его.

На возвратѣ моемъ въ Палерму, я видѣлъ на одной дачѣ, какъ поливають гряды въ огородахъ и садахъ. Вода проведена изъ сосѣднихъ горъ чрезъ всѣ окружныя сады. Въ каждомъ есть небольшое водохранилище; изъ него проведены желобки по грядамъ. Владѣтель сада имѣетъ право пользоваться пущенною водою, въ продолженіе $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{2}$ часа, смотря по простиранию мѣста; послѣ чего вода переходитъ къ другимъ. Во время засухъ, кои здѣсь не рѣдки, правительство строго наблюдаетъ за сохраненіемъ положенныхъ правилъ. Тутъ же намъ показывали манины деревья, которыхъ сокъ составляетъ большую торговлю Палерминянъ. Дерево сіе походитъ на вязъ; въ самые большіе жары, въ Іюнѣ или Іулѣ, изъ наскѣки на его корѣ, выходитъ густый, бѣлый сокъ, похожій на капаящій воскъ. Самая лучшая мана есть та, которая образуетъ при своемъ теченіи длинныя сволы; вкусъ ея припороно-сладокъ. Манины деревья, произрастающія въ Сициліи, предпочитаютъ Калабрійскимъ.

Я съ сожалѣніемъ видѣлъ приближеніе моего отъѣзда изъ Палермы. Мы наняли *спероцару*, отплавившую въ Мессину; все было готово, и только ожидали вѣтра.

Проспи, Палерма! завидный уголокъ земли!
Какъ часто, бродя подъ вѣчнояснымъ небомъ
пшюимъ, въ тѣни благовоиныхъ рошъ, въ близк
пихоплещущаго моря, находилъ я пакія убѣ-
жища, копорья заставляли меня не разъ воскли-
цать съ Виргиліемъ, переносясь сердцемъ на
сѣверъ:

Hic, gelidi fontes; hic mollia prata, Lycori;
Hic nemus; hic ipso tecum consumerer aevq!.. (1).

(1) F. cl. X.

Здѣсь роши, здѣсь ручьи, здѣсь мягкіи дернъ, о Лилія!
Ахъ! если бѣ здѣсь, мой другъ, жизнь наша проходила!

ГЛАВА XV.

ОТПЛЫТИЕ ИЗЪ ПАЛЕРМЫ. — ТЕРМИНИ. — ЧЕФАЛУ.

Dove tante altre città di tempo in tempo distrutte?
Hoggi v'ha qualche fama, e segno appena, che furono
una volta in detti luoghi, o pure in que' contorni ...

(Lancellotto. I'Hoggidi. p. 141, c. 13.)

Вѣперъ дѣлался попушнымъ, и хозяинъ нашей сперонары не замедлилъ придти за нами. Мы на-
шли тамъ слишкомъ много пассажировъ; хотя па-
лашка принадлежала только намъ двумъ и одному
Мессинскому *Кавальеру*, но не менѣ того, прочее
общество, будучи весьма стѣснено, предвѣщало
намъ безпокойство; поздно уже было дѣлать дру-
гя распоряженія: подняли паруса, и въ половинѣ
одиннадцатаго часа мы быстро удалились отъ
береговъ роскошной Палермы.

Противоположность дикихъ горъ сего бере-
га, съ цвѣтущими долинами у подошвы ихъ, —
прекрасна. Мы плыли вдоль веселыхъ береговъ
Багарии, украшенныхъ селеніями и фруктовыми
рощами. Вотъ гора *Катальфано*, чьи нагія ребра
были нѣкогда покрыты зданіями древняго *Солун-
та*. Вскорѣ приблизились мы къ скаламъ мыса
Зафарано; но шупъ, попушный вѣперъ нашъ вне-
запно оставилъ — и мажорсы принялись за весла.

Сей живописный мысъ обращаетъ на себя внима-
ніе плавателя; конечность его, выдававшаяся въ мо-
ре, соотвѣстна изъ пирамидальной скалы, совер-
шенно оплывшейся отъ береговыхъ скалъ;
она походитъ на надгробный памятникъ, воздвиг-
нутый, по обыкновенію древнихъ, на берегу мо-
ря. Виргилій, который такъ живо нарисовалъ въ
нѣсколькихъ стихахъ воспоиный и пожиный берегъ
Сициліи, вѣрно бы посвящалъ одинъ стихъ сему
примѣчательному мысу, если бъ его Эней долженъ
былъ плыть вдоль сѣвернаго берега. Прошедши
мысъ Зафарано, открывается заливъ, образован-
ный плодоносными горами; путь, на другомъ мы-
сѣ, видѣтъ городъ *Термини*, съ прекраснымъ во-
допроводомъ, который направленъ изъ горъ.
Это древняя Гимера. Привѣтствую опечесство
славнаго *Стезихора*! Звонкая лира его раздавалась
по всей Греціи; она пробуждала высокія чувства
въ его согражданахъ, — и лучшимъ украшеніемъ
ихъ города была его спашуя. (1) Онъ воспѣвалъ
славу и свободу. Гимерійцы, пріобрѣвшіе уже боль-
шую знаменитость, хотѣли избрать въ свои пол-
ководцы Фаларида, тирана Агригентскаго, и раз-
суждая о соотвѣщеніи для него значительнаго чи-
сла пѣлохранищелей, спрашивали о томъ мнѣніи
Стезихора. Поэтъ отвѣтствовалъ имъ слѣдую-
щимъ апологомъ: „одинъ борзый конь, облада-
„тель пучиныхъ пажитей, пасся, дыша золотою
„свободою; но пришедшій случайно изъ сосѣднихъ

(1) Cic. in Verr. II.

„земель, олень, поправилъ его цвѣтушіе луга. О-
 „скорбленный сею обидою конь, просилъ совѣповъ
 „у челоѣка, для отомщенія наглому оленю. Чело-
 „вѣкъ отвѣтствовалъ: ты долженъ токмо позво-
 „лить мнѣ наложить на тебя узду и вооруженно-
 „му копьемъ влѣзти на твою спину: тогда дерз-
 „кій олень скоро восприметъ должное наказаніе.
 „Совѣтъ сей понравился коню; онъ согласился на
 „предложеніе челоѣка; но что же? вмѣсто от-
 „мщенія врагу своему, онъ самъ оспался въ вѣч-
 „номъ порабощеніи у челоѣка.“ Гимерійцы поня-
 ли смыслъ аполога, отказались отъ помощи Фа-
 ларидовой и сами собою защищили свободу свою.
 Гимера основана была за 649 л. до Р. X. Мамершини-
 цами; переселившимися изъ Занкла, или Мессины.
 Термини построены на развалинахъ *Гимерійскихъ*
термовъ или *бань*, при устьѣ рѣки того же имени.
 Горячія воды сего города, славившіяся въ древно-
 сти, не потеряли своихъ цѣлебныхъ свойствъ и
 привлекаютъ іудеа болящихъ. Повѣствуютъ, что
 Геркулесъ, обтекая Сицилію и упомясь пущемъ,
 остановился на этомъ мѣстѣ, гдѣ услуживши
 Нимфы песочили изъ земли два теплые попола,
 для его бани. (1) Нѣсколько камней и надписей
 свидѣтельствуютъ еще о древнемъ городѣ, нахо-
 дившемся не много подалѣ нынѣшняго, на мѣ-
 стѣ, называемомъ: *buon fornello*. На этомъ луго-
 вомъ берегу, тамъ, гдѣ пасутся теперь стада,
 происходила знаменитая битва между Сиракузя-

(1) Pind. Olymp. XII. и Diod. Sic. VI.

нами соединенными съ Агригенцианами, подъ предводительствомъ Гелона, — и Картегенцами, подъ начальствомъ Амилкара, который здѣсь погибъ. Битва сія была одною изъ ужаснѣйшихъ въ Исторіи, и весьма замѣчательно, что въ этотъ же самый день, Леонидъ палъ съ 300 Спаршанцами сражаясь противу Ксеркса, въ проходѣ Термопильскомъ. Гелонъ имѣлъ только 55,000 войска противу 300,000 Картегенцевъ, и не смотря на то, одержалъ блистательную побѣду. Перехвативъ случайно гонца Селинонціанъ, увѣдомившихъ Картегенцевъ, (подъ чѣмъ владычествомъ они находились) что пребуемая ими конница явилась въ назначенный день, — Гелонъ возымѣлъ отважное предпріятіе предупредить Селинонціанъ; онъ выслалъ на встрѣчу Картегенцамъ свою собственную конницу, въ надеждѣ, что они, принявъ ее за союзную, впускаятъ ее въ свой укрѣпленный станъ. Успѣхъ увѣнчалъ сію военную хитрость. Гелонъ увидѣвъ своихъ всадниковъ, поражающихъ непріятелей, которые тогда были заняты жертвоприношеніемъ Нептуну, — напалъ на нихъ всѣми силами, и въ нѣсколько часовъ разбилъ столь грозную армію, потерявшую 150,000 человекъ! Геродотъ говоритъ, что Амилкаръ бросился тогда въ горящій костеръ, служившій для жертвоприношенія, за тѣмъ, чтобы неопасъя живымъ въ руки непріятелей. (1)

(1) Herodot. lib. VII, c. 167.

Тихая ночь застигла насъ посреди залива Гимерійскаго; матросы встрѣтили ее сладкозвучнымъ гимномъ Св. Маріи Дѣвѣ; пѣснь ихъ далеко разносилась по шипящимъ волнамъ, и погружала насъ въ задумчивость. Огни береговыхъ селеній начинали уже мелькать по скаламъ синѣющихъ горъ, и промышленные рыбаки выѣзжали съ фонарями изъ пріютныхъ заливовъ, на ночную ловлю. Наши пассажиры, клонимые сномъ, непримѣнно придвигались къ нашей палаткѣ; предчувствіе наше исполнилось, — и чрезъ нѣсколько часовъ, пользуясь качкой, отъ поднявшагося проливнаго вѣтра, они такъ распространились, что палатка наша, замѣсто насъ прехъ, вмѣщала уже около десяти челоѣкъ. На морѣ, совершенное равенство непримѣнно водворяется въ обществѣ, и мы, не смотря на права наши, купленные деньгами, не могли рѣшиться удалитъ безпокоющихъ насъ. Спутники наши, Мессинцы, были большіе охотники до сказокъ; цѣлые венера и часть ночи посвящены были ими на сіи бесѣды; они садились въ кружокъ; — а посреди, старуха лѣтъ семидесяти, повѣствовала имъ небылицы; въ слѣдъ за нею каждый по очереди предлагалъ свою сказку, и если бѣ я лучше понималъ по-Сицилійски, то могъ бы найсти предметъ для новаго Декамерона. Долгое пребываніе, въ Сициліи, Арабовъ и Сарациновъ, весьма замѣтно въ обычаяхъ и нравахъ Сицилійцевъ. Сказки сіи суть наслѣдіе сихъ народовъ, и я замѣтилъ, что сцены ихъ, происходящія по

большой части въ Варваріи, Испаніи и Аравіи, всё основаны на любви.

Къ утру, съ помощію весель, мы находились въ виду города *Чефалу*; но проливный вѣтеръ насъ не оставлялъ и выведи наконецъ весь экипажъ изъ шкитовъ, принудилъ насъ пристать къ сему городу, для ожиданія попутнаго; на который не надѣлись мы прежде ночи; ибо всегда съ ея наступленіемъ подымается вѣтеръ съ берега. Съ приближеніемъ нашей сперонары, карантинные чиновники вышли къ намъ на встрѣчу, и едва мы коснулись земли, какъ уже одинъ изъ нихъ повелѣлъ намъ не приступать далѣе двухъ шаговъ, и вызывать сперонарика съ паспортомъ. Сей, вынувъ огромный листъ и разложивъ его по груди и животу, важно выступилъ впередъ; чиновникъ надѣлъ очки, сложилъ руки за спину, робкими шагами подошелъ къ нему и протянувъ далеко голову, началъ по его паспорту перекликать весь экипажъ, и наконецъ спросилъ на честное слово, не касались ли мы береговъ Африки или какого Варварійскаго судна, — и тогда только отбрылся намъ пушъ въ городъ.

Городъ *Чефалу*, въ древности *Кефаледіумъ*, великолѣпно предстаетъ съ моря, и можетъ служить предметомъ отличнаго ландшафта; онъ стоитъ на возвышенномъ берегу, у подошвы неприступной скалы колоссальнаго и чрезвычайно живописнаго вида. Основаніе *Кефаледіума* не извѣ-

ешию; но судя по нѣкоторымъ останкамъ опъ снѣны города, должно приписатьъ оное глубокой древности. Снѣны сн принадлежатъ такъ называемому *Циклопейскому сооруженію*; огромные камни, изъ коихъ они состоятъ, оставлены въ природномъ ихъ видѣ; они плотно соединены, но состоятъ безъ извести и только въ связяхъ своихъ обшесаны — и очень гладко. Сей образъ водчества имѣетъ нѣчто величественное въ своемъ дикомъ образованіи. На вершинѣ скалы показали намъ другія развалины того же сооруженія. Замѣчательно, что одни только углы сего зданія обшесаны, и что двери имѣютъ правильную Архитектуру. Видъ оппуда на горные берега залива, коего конечно составлены скалою города Чефалу и мысомъ Зафарано — прелеснеть! Знамениныѣ Доковы опспрова, лежащія опсюда къ сѣверо-востоку, начинаютъ уже довольно ясно обозначаться.

Мы посѣтили здѣшнюю соборную церковь, воздвигнутую во имя Спасителя, Рогеромъ, по случаю избавленія его опъ гибели, во время бури, заснпгшей его въ морѣ, на пути изъ Неаполя въ Палерму. Соборъ сей стоитъ у самой подошвы вышепомянутой скалы, и двѣ башни его господствуютъ надъ городомъ. Колоссальное изображение Спасителя, изъ мозанковъ, находится надъ алтаремъ, въ глубинѣ свода; ряды древнихъ колоннъ, собранныхъ изъ разныхъ языческихъ храмовъ, дѣлаютъ большое украшеніе. — Городской чичероне сказалъ намъ, что тутъ есть одна каршина

Рафаэля; я съ жадностію поспѣшилъ видѣть ее; но нашедъ, что она ни мало не походила на живопись сего художника, не смотря на ея доспоси-сливо, посоветовалъ нашему чичерони поучиться своему ремеслу; крайне снѣ обиженный, онъ пригласилъ на судъ всѣхъ бывшихъ въ церкви канониковъ, едва кончившихъ обѣдню; они всѣмъ соборомъ дали ему потъ же совѣтъ, и объяснили намъ причину ошибки славнаго чичерони, тѣмъ что *Ноделло Монреалезъ*, написавшій сію картину, называется *Рафаэлемъ Сициліи*, а онъ принялъ прозваніе за имя. Кефаледіумъ, выстроенный на самый вершинѣ скалы, имѣлъ чрезвычайно трудный доступъ. Сіе древнее мѣстоположеніе города было еще обитаемо во время Рогера, который для удобности перевелъ жителей въ низъ. Фацелло, говоритъ о великихъ развалинахъ храмовъ Дорическаго ордена, которыя существовали еще тамъ при немъ. (1)

Знаменитый Рогеръ, въ грамотѣ, данной имъ собору Чефалѣ, изъявилъ желаніе бытъ въ немъ погребеннымъ. Между прочимъ онъ завѣщалъ, чтобы сверхъ порфировой гробницы, въ которой онъ долженъ бытъ положенъ, соорудили бы здѣсь другой памятникъ, для украшенія церкви и (говоря собственными его словами) — *для славы моего имени!* Въ Чефалѣ счисляютъ 3,000 жителей, и — какъ неподвижныя! — 10 монастырей!!

(1) Faz. I. Lib. VIII. c. 5, p. 198.

Въ чепыре часа послѣ обѣда подулъ популярный вѣсперъ, и мы оставили Честалу. Обѣхавъ мысъ *Росигельби*, мы быстро направились къ мысу *Орландо*. Высокія горы, составляющія берега, сначала дикі, но — пройдя мѣстечко *Тузу*, покрыты густымъ лѣсомъ. Цѣпь эпихъ горъ, слѣдуя *Диодору*, называютъ: *montes aeri*; (1) онѣ были такъ плодоносны, что насыпили нѣкогда цѣлую *Каррагенскую* армію, истощенную голодомъ. Въ одной изъ ихъ пѣнистыхъ роцъ родился, опъ *Меркурія* и одной *Нимфы*, *Дафнисъ*, названный симъ именемъ по множеству распуцхъ здѣсь лавровъ. (2) Онъ нѣжно былъ воспитанъ своею матерью, и обладая многими спаданъ, былъ прозванъ *buculos*; (3) одаренный опъ природы пылкимъ воображеніемъ, онъ изобрѣлъ въ часы досуга, *буколитескій* размѣръ стиховъ, и такимъ образомъ былъ изобрѣтателемъ пастушеской поэзіи, копорая въ послѣдствіи, такъ прославилась геніемъ *Теокрипа* и *Мосха*.

Въ небольшомъ разстояніи опъ *Тузы*, былъ нѣкогда городъ *Галессо* или *Алессо*, построенный за 403 г. до Р. X. и прозванный: *Архонидовъ*, — по имени ея основателя. (4) Опъ сего города осталось только нѣсколько камней. *Солинъ*, (5)

(1) Lib. IV. in fine. — Cluv. Sic. Ant. p. 326. — Faz. 1. VIII.

(2) δαφνιη, лавръ. См. гл. I. Введ.

(3) Т. е. пастухъ.

(4) Diod. Sic. L. XIV.

(5) Solin. c. V.

описывая Сицилію, рассказываетъ съ важностію чудную басню про одинъ источникъ, находившійся близъ сего города. Вотъ его слова: „Въ окрестностяхъ Галессы находится источникъ; воды его, текутъ медленно и ничѣмъ не возмущаются, пока все кругомъ тихо: но если кто заиграетъ на свирѣли, то вдругъ начинаютъ волноваться, плескаться и даже выходятъ изъ береговъ своихъ, какъ бы подвинушыя сладостію звуковъ.“ Объ этомъ говорятъ также нѣкоторые другіе писатели. (1) Сколько Мифологіи, сколько поэзіи при каждомъ шагу на семь островъ!

Мы прошли въ виду большого мѣстечка, называемаго *Каронія*; въ древности: *Калакта*; оно живописно построено по скату плодоносной горы; мѣсто сіе оправдываетъ свое древнее наименованіе, которое есть Греческое (*Καλὴ ἄκτις*) и значить *прекрасный берегъ*. Приближаясь къ мысу Орландо, видно, на высокой горѣ, мѣстечко *Сан-Марко*, гдѣ, полагаютъ, находился древній городъ *Агатириуль*.

Съ захожденіемъ солнца, приблизились мы къ мысу *Орландо*. Скала, имѣющая видъ шупаго конуса, образуетъ конечность мыса; на высотѣ ея стоитъ древній замокъ, коего построение приписываютъ Рыцарю Роланду. Фацелло свидѣтель-

(1) См. Cluv. Sic. Ant. p. 290.

спвуетъ о нѣкоторыхъ древнихъ развалинахъ, существовавшихъ въ его время на мысѣ Орlando. Клуверіи заключаетъ, что на этомъ мысѣ находился городъ Мелакта, о коемъ упоминаетъ одинъ только *Силлій*. (1) Орландова скала замѣчательна по своей красотѣ; одна половина ея выспавляетъ ряды черныхъ ребръ, изъ коихъ выходятъ кусы какшуса; другая же быспро поката, и составлена изъ слоевъ сѣрыхъ плитъ; основаніе окружено подводными камнями. Къ сей скалѣ примыкаетъ песчаная гора, съ телеграфомъ на ея высотѣ; а у подошвы, на плоскомъ берегу, выспроены жилища, похожія на магазины. Мы обходили этотъ мысъ на веслахъ, и я успѣлъ срисовать его. Въ ясную погоду видна отсюда Палерма и мысъ *Галло*. За симъ, открылся небольшой заливъ; веселые берега его плѣняютъ взоры; скапы горъ одѣши густыми фрукшовыми рощами, между коими разбросано нѣсколько жилищъ. Мы пристали, чтобъ запасшисъ свѣжего водою, къ мысу, на которомъ построена рыбацья хижина въ тѣни шелковицъ; я воспользовался симъ случаемъ, чтобъ освѣжить себя купаньемъ; добрый рыбакъ вынесъ намъ сочныя фрукты съ своихъ шелковицъ, — и они послужили прекраснымъ десерпомъ для нашего ужина.

(1) Sil. Ital. lib. XIV. Lanigerâ Melite et litus piscosa Melacta. См. Cluv. p. 296.

ГЛАВА XVI.

Острова Липарскіе. — Милацо. — Пролівъ
Фаросскій. — Мессина.

Ast, ubi digressum Siculae te admoverit orae
Ventus, et angusti rarescent claustra Pelori,
Laeva tibi tellus, et longo laeva petantur
Aequora circuit; dextrum fuge litus, et undas...

(Virg. Aen. III.)

Мы плыли во всю ночь при противномъ вѣтрѣ, который долго продержалъ насъ у мыса *Калава*. Съ разсвѣтомъ, мы находимся противъ самыхъ Эоловыхъ острововъ, жилища вѣтровъ; они красиво возносятъ верхи свои изъ волнъ; первый называется *Аликури*, второй — *Филикури*, третій (составленный изъ двухъ горъ) — *Салина*; четвертый, самый большой, *Липари*; пятый — *Вулкано*; шестой — *Панарія*, а седьмой *Стромболи*. Сей послѣдній клубилъ облака дыма: это вѣчно-горящій фаросъ Средиземнаго моря; всѣ огнедышущія горы имѣютъ дни и даже многіе годы отдохновенія; но сіе раскаленное жерло уже нѣсколько вѣковъ не престаешь изрыгать пламя. Острова сіи суть царство Эола. Они ознаменованы баснословными преданіями Древнихъ. Въ нихъ полагали они жилище вѣтровъ и кузницы Вулкана. Вотъ великолѣпное Виргиліево описаніе сихъ

оспирововъ, куда пришекла Юнона, чѣмъ скло-
ниль Эола на погубленіе Энеева флота:

Talla flammato secum dea corde volutans,
Nimborum in patriam, loca feta furentibus austris,
Acoliam venit. Hic vasto rex Aelous antro
Luctantis ventos tempestatesque sonoras
Imperio premit, ac vinclis et carcere frenat.
Illi indignantes magno cum murmure montis
Circum claustra fremunt. Celsa sedet Aeolus arce
Sceptra tenens, mollitque animos, et temperat iras.
Ni faciat, maria ac terras coelumque profundum
Quippe ferant rapidi secum, verrantque per auras;
Sed pater omnipotens speluncis abdidit atris,
Hoc metuens; molemque et montis insuper altos
Imposuit, regemque dedit, qui foedere certo
Et premere, et laxas sciret dare jussus habenas.

(Aen. lib. I. v. 50 — 63.)

*

„Разгнѣванная богиня, вращая паковыя мы-
„сли въ умѣ своемъ, нисходитъ въ Эолю, отчизну
„шучь и свирѣпыхъ Эвровъ. Тамъ, Царь Эоль
„повелѣваетъ бунтующими въпрами и гремя-
„щими бурями, удерживая ихъ, крѣпкими узами,
„въ започеніи. Раздраженные — они попрыскають
„врага шемницъ своихъ и горы. Возсѣдя на вер-
„шинѣ скалы, Эоль, со скипетромъ въ десницѣ,
„смягчаетъ ихъ гнѣвъ и смиряетъ ихъ буйство.
„Безъ него, они умчали бъ съ собою и море, и землю,
„и глубокое небо, — и размешали бъ ихъ по эфирному
„пространству. Всемогуцій Зевесъ, предвидя сіе, за-

„ключилъ ихъ въ мрачныя пещеры и наложилъ на нихъ огромныя горы. Опъ поставилъ надъ ними Цари, который, по предписаннымъ законамъ, по угрощаютъ, по ослабляютъ бразды ихъ.“

(Эн. кн. I. с. 50 — 63.)

Но пихая погода показывала намъ, что Эоль находился тогда въ миролюбивыхъ расположеніяхъ. (1)

Я плылъ, припоминая стихи сін и окруженный мечтами золотыхъ вѣковъ; въ эпу минушу, правящій подлѣ меня рулемъ, взявъ меня внезапно за руку, воскликнулъ: *Vedete, Signor, il monte Gibello*: Посмотрите на гору Джибелло! (2) — Да гдѣ же она? говорилъ я, ища ее жаднымъ взоромъ. — „Да зачѣмъ же вы глядите на землю, отвѣчалъ мнѣ мапросъ; чшобъ видѣть ее, надобно глядѣть не на землю, а на небо:“ *per veder il Gibello, non e bisogna guardare la terra, ma il cielo!* Какую картину представляютъ сін слова необразованнаго человѣка! Слова сін, порожденіе воспорга, не равняются ли съ выраженіемъ Пиндара, который называетъ Эпну: *столпоидъ неба*? Съ какимъ неописаннымъ чувствомъ восхищенія

(1) Я буду говорить подробности объ Эоловыхъ островахъ, на возвращеніи моемъ въ Неаполь.

(2) Такъ называютъ Сицилійцы *Эпну*. *Gibello* или *Ghibel*, есть слово Арабское, значащее *высокую гору*.

увидѣлъ я въ первый разъ сей страшный колоссъ! Онъ разстилался огромнымъ шапкомъ надъ всѣми горами Сициліи, и вершина его, далеко превышающая облака, казалась другою горою, утвержденною на нихъ; дымъ сего волкана разстилался далекою полосою по свѣшному небу . . .

Противный вѣтеръ заставилъ насъ спуститься къ скаламъ мыса *Mondragioio* (*Mondgiroio*), въ древности мысъ *Тиндарисъ*; на высотѣ его процвѣталъ городъ сего имени; Цицеронъ называетъ его: *nobilissimam civitatem*. (1) На малыхъ оспашкахъ отъ его развалинъ, построена теперь часовня Пресвятой Богородицы, прозванной *Тиндарійскою* (*Santa Maria di Tindaro*); тамъ можно еще видѣть нѣсколько древнихъ сводовъ и основаніе театра. Наконецъ мы достигли, лавируя, мыса *Милацо*; онъ имѣетъ большое пропѣшеніе и представляется издали въ видѣ трехъ острововъ, нѣско сближенныхъ вмѣстѣ; мы долго обходили его, и наконецъ открылся намъ обширный заливъ, на западной сторонѣ котораго виденъ былъ городъ *Милацо*, съ обширною гаванью.

Городъ увѣчанъ крѣпостію и построенъ по скалу холмистаго мыса, у соединенія его съ твердою землею. Рощи кипарисовъ, лавровъ, маслинъ и апельсиновыхъ деревъ распушъ по высотамъ;

(1) In Verr. Lib. III.

посреди нихъ видѣтъ монастырь и нѣсколько домовъ. Заливъ образованъ луговыми долинами; ихъ окружають цѣпи лѣсистыхъ горъ, — а надъ ними, въ концѣ перспективы, сияютъ громада Эпны. Мы приспали въ Милацѣ, для высадки половины нашихъ пассажировъ, тамошнихъ жителей, и были весьма рады избавишься стѣсненности. Мы употребили нѣсколько часовъ на осмотръ укрѣпленій; онѣ достойны вниманія; — Англичане, во время пребыванія своего въ Сициліи, усовершенствовали и привели ихъ въ то оборонительное положеніе, въ какомъ онѣ нынѣ находятся. Подъ основаніемъ замка показываютъ здѣсь обширную пещеру, которую, не зная по какимъ предположеніямъ, называютъ пещерою *Полифема*. Мы не могли войти въ нее по тому, что тамъ цѣлое стадо укрывалось отъ зноя. Помни несчастную судьбу спутниковъ Улиссовыхъ, мы не дерзнули нарушать ихъ покой. Здѣсь, по преданіямъ древнихъ писателей, (1) паслись стада Аполлона, подъ надзоромъ двухъ прелестныхъ Нимфъ, Лампеціи и Фаязузы, рожденныхъ отъ бога свѣта и Нееры. (2) Голодные спутники Улиссовы умертвили нѣсколько пельцовъ изъ сего священнаго стада, и — за преступленіе свое, погибли въ кораблекрушеніи.

(1) Ovid. Fast. lib. IV. Plin. L. II, c. 98. Appian. dicto bellor. civ. C. V. Appoll. Schol. in Argon. c. IV. et Cluverius. p. 506 — 7

(2) Hom. Odys. Lib. XII.

Воды залива Милацо ознаменованы морского бипвого Римскаго флота, подъ начальствомъ Консула *Дуилия*, съ флотомъ Кароагенцевъ; побѣда *Дуилия* имѣла тѣмъ большую важность, что она была первымъ опытомъ Римскаго оружія на морѣ. Римляне, въ память сей блестящей бипвы, воздвигнули такъ называемыя *ростральныя* колонны, изъ коихъ одну видѣлъ я въ Римѣ на высотѣ Капитолійской.

Въ городѣ Милацо счисляютъ 6,000 жителей. Торгъ его, состоящій по большей части изъ глиняной посуды и вина, довольно значущъ. Липарское десертное вино, по близости острова сего имени, здѣсь продается за безцѣнокъ; оно заставило насъ позабыть дурной обѣдъ здѣшней гостиницы. — Мы оплыли тотчасъ послѣ обѣда, при легкомъ попутномъ вѣтрѣ. Здѣшняя гавань, которая можетъ помѣстить большой флотъ, собою пуста и въ иныхъ мѣстахъ завалена. Мы не подошли еще къ мысу *Росокольму*, какъ вѣтеръ уже насъ оставилъ. На семь миль былъ городъ *Наулохидъ*, — и близъ него, храмъ *Діаны Факелины*, такъ прозванный по той причинѣ, что сія богиня изображалась, въ самомъ началѣ, съ факеломъ въ рукахъ. Сплій Ипаликъ, въ книгѣ XIV, называетъ *Діану Факелину: Теоасскою*, (1) по имени жреца *Діаны Таврической*; ибо, увѣряющъ, что сюда перенесена была Орестомъ гуозная статуя

(1) Mylle, Thoanteae sedes. Facelina divae.

сей богини, по опыльнѣи его изъ Тавриды съ сеспрою своею, Ифигиніею, и съ другомъ своимъ Пиладомъ. (1)

Во всю ночь, мы обходили мысъ *Расокольмо*. (2) Сонъ меня оспавилъ за-долго еще до разсвѣта; воображеніе мое было слишкомъ разгорячено; уже снѣли въ шуманъ берега Калабріи; мы уже недалеко находились отъ знаменитаго мыса Пелора, отъ пролива Фаросскаго, отъ алчныхъ чудовищъ Сциллы и Харибды; попокъ моря дѣлался, съ часу на часъ, порывистѣе, и шумъ, уже самъ шкиперъ взялся управлять рулемъ. Мнѣ казалось, что я слышу Геленовы совѣщанія Энею:

„Ast, ubi digressum Siculae te admoverit orae
„Ventus, et angusti rarescent claustra Pelori,
„Laeva tibi tellus, et longo laeva petantur
„Aequora circuitu; dextrum fuge litus, et undas.

(*Aen. Lib. III.*)

„Когда же въспрь приблизишь тебя къ брегамъ
„Сцилли, и проливъ Пелорскій начнетъ прояс-
„няться,—спрашисъ береговъ и волнъ правой спо-
„роны и доспигай, большимъ обходомъ, земель ле-
„жащихъ на-лѣво.“ (3)

(1) См. Pomp. Sabinus. Comment. ad. Virg. Aen. lib. II. et Cluv. Sic. ant. p. 304.

(2) Сей мысъ названъ по имени Сарацинскаго корсара; на немъ стояла спорожевая башня того же имени, куда обыкновенно приставали корсары.

(3) Это припаровлено къ плаванію Энея, изъ Греціи.

Мракъ рѣдѣлъ, первые лучи солнца блеснули изъ за темно-синихъ горъ Калабрін, когда я увидѣлъ въ первый разъ, знаменитый *Фаросъ*, спраш- ный проливъ моря, раздѣляющій Сицилію отъ Италіи—и наконецъ, выходящую изъ береговъ сей послѣдней, черную скалу, въ которой помпчасъ взоръ узнаешь ужасную Сциллу: *Dextrum Scylla la- tus, la evum implacata Charybdis*. Туманная занавѣса дали не позволяла ясно видѣть сіе страшнлице мореходцевъ. „Я плыву по слѣдамъ Одиссея и Энея,“ думалъ я про себя — и предавался своевольному воображенію . . .

Берегъ, вдоль коего мы плыли, образованъ Пелорскими горами; онѣ названы именемъ несча- сшнаго кормчаго Аннибала. Сей полководецъ, бѣ- жавшій изъ Африки въ Сирію и занесенный бурей въ Тирренское море, приведенъ былъ въ боль- шое смущеніе, отъ опасенія слѣдовать обратнымъ пушемъ, на которомъ могъ онъ поспѣть въ руки Римлянъ. Опытный кормчій его, Пелоръ, безпрестанно спранспвожавшій по окружимъ морямъ, предложилъ ему провезши его сквозь проливъ, отдѣляющій Сицилію отъ Италіи; (про- ливъ сей былъ тогда еще мало извѣстенъ, отъ ужаса, вселяемаго Сциллою и Харибдою) Аннибалъ согласился: — но когда увидѣлъ, обманутый сво- имъ зрѣніемъ, близость горъ Сициліи съ го- рами Италіи, по не хотѣлъ вѣрншъ раздѣленію, сущеснствующему между ими — и полагая себя пре- даннымъ измѣною, непріятелямъ, умеривилъ сво-

его кормчаго. Вскорѣ, увидя грубую свою ошибку, сильно раскаялся въ своемъ пресупленіи и воздвигнулъ несчастному Пелору спашую на семь саомъ мѣстѣ; оиѣ чего, прибрежныя горы сіи и прилежащій къ нимъ мысъ, названы его именемъ. (1) Между шѣмъ, мы начинали уже обходить песчаный мысъ, на которомъ стоишь, довольно скромная по славі своей, башня съ малкомъ, называемая общимъ именемъ: *фаросъ*. Здѣсь возвышался некогда храмъ Нептуновъ, коего послѣдніе слѣды, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, совершенно исчезли. Легкій въперъ дѣлалъ неопаснымъ наше плаваніе, но не менѣ того, порывистое круженіе волнъ при поворотѣ въ проливъ, было очень сильно и наша сперонара, приведенная въ чрезвычайное движеніе, едва не была увлечена силою потока къ берегамъ Калабріи, гдѣ ожидающіе плавателей ужасныя скалы Сциллы. Наши Мессинскіе мореходцы, чрезвычайно дерзкіе во всѣхъ случаяхъ, невольно обратили тогда все вниманіе на управленіе судномъ; съ величайшимъ трудомъ они держали его почти къ самымъ берегамъ фароскаго мыса и ускользнули оиѣ потока. Такимъ образомъ, не смотря на гнѣвъ Сциллы, вошли мы въ Мессинскій проливъ и приближались къ городу. Я не упоминаю еще здѣсь о Харибдѣ, ибо сіе другое чудовище находится при выходѣ изъ канала въ Іонійское море. Необыкновенное стремленіе волнъ, противу котораго едва могъ дѣйствовать

(1) Pomp. Mela. lib. II. c. 5. et Val. Maxim. l. VIII. c. 8.

руль, заставило насъ приблизиться къ берегу и прѣбывать пособіи воловъ, которые медленно повлекли насъ вдоль ландшафтныхъ береговъ, мимо веселыхъ селеній, построенныхъ въ пѣни апельсиновыхъ деревьевъ, — и вскорѣ мы входили уже въ Мессинскую гавань. Знаменитая гавань сія образуется песчаною косою, закругленною возлѣ самой пучины Харибды, которая находится извѣстна. Этою мысъ защищенъ сильными укрѣпленіями, состоящими изъ бастіоновъ *Харибды*, *фароса Мессинскаго*, изъ вѣрпоспцы *Св. Сальвадора* — и главной цитадели, — о чемъ я буду говорить по-дробнѣе при описаніи *Мессины*.

Видъ Мессины пѣнишеленъ; городъ, окруженный апельсиновыми рощами, представляется на высокихъ холмахъ, склоняющихся амфитеатромъ къ великолѣпной набережной; каждый холмъ имѣетъ особенное каршнее положеніе; надъ ними господствуютъ вершины Пелора, на коихъ, слѣдуя преданіямъ, поселились первые обитатели Сициліи.

Воображая видѣть древній городъ, путешественникъ крайне удивленъ зрѣлищемъ новѣйшей архитектуры; почти вся набережная занята однимъ великолѣпнымъ зданіемъ, называемымъ: *Палата*. Это уже не древній *Запклъ*, и даже, такъ сказать, не *Мессина*; спрашныя землепріисенія низпровергли ихъ зданія, — а на прахъ ихъ, возносился новый городъ, и, можетъ быть — новая жертва! Шумныя толпы купцовъ и мореходцевъ

покрывали всю набережную, осѣненную мачтами кораблей, стоящихъ возлѣ самаго парापеша. Гористые берега Калабріи, отдѣленные проливомъ на разстояніе трехъ Италіянскихъ миль, соотвѣтствуютъ веселой и живой споронѣ Мессины; густыя рощи покрываютъ ихъ скапы; а въ концѣ пролива — бѣлѣетъ городъ *Реджіо*. Безчисленные сперонары лепшаютъ безпрестанно отъ одного берега къ другому. Я не стану описывать шеперь Мессины, предоставляя это на возвратѣ мой въ сей городъ; а шеперь, быстро перенесу чашателя въ Сиракузы, куда мы отправились послѣ пріятнаго чепырехъ-дневнаго отдохновенія въ стѣнахъ богатой Мессины. Мы опплыли въ первой сперонарѣ, отправлявшейся въ *Аги-Реале*, гдѣ надѣялись найти потчасъ другую, — въ Сиракузы. Не стану также описывать шеперь поэтического берега, простирающагося отъ Мессины до Сиракузъ, ибо, возвращаясь сухимъ путемъ, могу подробнѣе рассказать объ немъ.

Конецъ I-й части.

NOT A FINE COPY

Панорамы.

Аргентина.

Голландия.

